

Новосибирское региональное
Пушкинское общество

Пушкинский альманах
выпуск 15

Новосибирск
Издательский дом «Манускрипт»
2013

ББК 94.3

П-914 Пушкинский альманах. Выпуск 15 /Под общей редакцией В.Е. Крыжановского. – Новосибирское региональное Пушкинское общество. – Новосибирск: Издательский дом «Манускрипт», 2013. – 242 стр.

ISBN

15-й выпуск «Пушкинского альманаха», как и все предыдущие, посвящен популяризации личности и творчества А.С. Пушкина.

© Составление: правление Пушкинского общества, 2013

© Издательство «Манускрипт», 2013

Пушкин и православие

Александр Пушкин

Мирская власть

Когда великое свершалось торжество,
И в муках на Кресте кончалось Божество,
Тогда по сторонам животворяща древа
Мария-грешница и Пресвятая Дева,
Стояли две жены,
В неизмеримую печаль погружены.
Но у подножия теперь креста честного,
Как будто у крыльца правителя градского,
Мы зрим – поставлено на место жен святых
В ружье и кивере два грозных часовых.
К чему, скажите мне, хранительная стража? –
Или распятие казенная поклажа,
И вы боитесь воров или мышей? –
Иль мните важности придать царю царей?
Иль покровительством спасаете могучим
Владыку, тернием венчанного колючим,
Христа, предавшего послушно плоть Свою
Бичам мучителей, гвоздям и копию?
Иль опасаетесь, чтоб чернь не оскорбила
Того, Чья казнь весь род Адамов искупила,
И, чтоб не потеснить гуляющих господ,
Пускать не велено сюда простой народ?

Вольфганг Казак, Кельн (Германия)

Христианское мышление и христианские мотивы у Александра Пушкина*

Лето 1836 года Пушкин провёл со своей семьёй на даче на одном из островов Санкт-Петербурга (на Каменном острове). Из написанных там стихотворений два имеют особое значение в ряду религиозных текстов поэта. Одно из них, полностью здесь воспроизведённое, основано во второй своей части на особенно почитаемой в Русской Православной Церкви, часто возглашаемой на великопостных службах молитве св. Ефрема Сирина (Сирийца), великого аскета¹. Пушкину удалось, почти не изменив текста, дать ему рифму и размер стихотворения:

*Отцы-пустынники и жёны непорочны,
Чтоб сердцем взлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольных бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв.
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:
Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначала, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей –
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.*

*Литература/Еженедельное приложение к газете «Первое сентября». – №13. – 1999. – С.2–4.

Атеистическая советская пропаганда отрицала, что любой творец русской духовной жизни и русской истории был верующим христианином или приверженцем иной религии; она придавала основополагающее значение всякому религиозному сомнению и любым критическим высказываниям. Такой искажённый взгляд на Пушкина возник не в советское время, а в XIX веке. Христианство Пушкина не бросается в глаза, стихотворения, подобные процитированному, у него редки. Но его творчество настолько разнообразно, что и западное, европейское восприятие часто не придавало его христианству того значения, которого оно заслуживает. Представление о религиозности писателя или отдельного произведения всегда тесно связано с религиозными установками учёного или критика, который о нём пишет. Это хорошо видно на примере Достоевского, и с Пушкиным – не иначе.

Из пушкинских вещей только некоторые стихотворения посвящены в полном объёме вопросам веры, религии, христианства или Церкви. Пушкин слишком разнообразен, чтобы искать в его творчестве какую-нибудь одностороннюю направленность. Он любил игру, иронию, пародию, он мог передать свои убеждения вымышленному рассказчику или «лирическому я», которые не были ему идентичны. «Я» в знаменитом романе в стихах «Евгений Онегин» лишь частью автобиографично. Словами «Но вреден север для меня» он иронически намекает на то, что был выслан из Санкт-Петербурга на юг страны по политическим мотивам. О Татьяне он сообщает, что должен был перевести её письмо Евгению Онегину с французского, как если бы та существовала в действительности; с другой стороны, упоминает, что он первым избрал такое имя для героини романа (как для вымышленного персонажа). И в вопросах религии его творчество полно таких же противоречий: от серьёзнейших высказываний до фривольной игры. К примеру, в 1821 году он иронически обыграл мотивы молитвы Ефрема Сирина в письме Дельвигу: он пожелал Кюхельбекеру «в Париже дух целомудрия, в канцелярии Нарышкина дух смиренномудрия и терпения...»

Длительное непонимание пушкинского христианства объясняется ещё и тем, что литература, касающаяся этой стороны его творчества, долгое время была недоступна. В период «серебряного века» русской литературы (начало нашего столетия), который в духовном смысле был противодействием позитивизму XIX века, многие русские писатели обращались к религиозным проблемам в литературе. Ведущие литераторы, такие, как Дмитрий Мережковский, Зинаида Гippiус, Андрей Белый или Алексей Ремизов, глубоко чувствовали метафизические основы искусства. В это же время развивалась русская религиозная философия, представленная такими именами, как Владимир Соловьёв, Лев Шестов, Сергей Булгаков, Иван Ильин, Георгий Федотов и Семён Франк, и все они писали о религиозных сторонах творчества Пушкина. Но все эти сочинения и книги для читателя в Советском Союзе были недостижимы; традиция духовной интерпретации Пушкина оказалась в России обеднённой. Но в эмиграции она продолжала жить. К 100-летию со дня гибели поэта митрополит Анастасий (Грибановский) опубликовал статью об отношении Пушкина к религии и Православной Церкви, к сожалению, с научной точки зрения неровную, которая в 1979 году была перепечатана во Франкфурте-на-Майне, а в 1991-м – в Москве². Эмигрировавший символист Лев Кобылинский-Эллис написал книгу о Пушкине как «религиозном гении», появившуюся в 1948 году («Alexandr Puschkin. Der religiose Genius RuBlands»). В ней Эллис подытоживал: «Религиозные мотивы у него разнообразно соединяются со многими другими. И на вершинах его поэтического царства сияют в основном религиозные настроения, и самые значимые мотивы его лучших стихотворений приоткрываются в устремлённом к вечности духовном облике».

Как только политическая эволюция второй половины 80-х годов в Советском Союзе сделала возможным включение некоммунистического мышления в духовную жизнь, нашлись писатели, составившие сборник из 25 текстов «Пушкин в русской философской критике» и опубликовавшие его в 1990

году³. Примерно в то же время литературой о религиозном восприятии Пушкина занялся Альфред Шпрёде (Фрибур), который ещё до этого издания проанализировал многие важные тексты, в том числе и «серебряного века»⁴. В 1994 году в Санкт-Петербурге состоялась конференция «Эпоха Пушкина и христианская культура», и в 1988 году Ирина Юрьева опубликовала ценную книгу со значимыми для пушкинского христианства текстами – стихотворениями, отрывками из произведений, письмами, к которым приложила соответствующие цитаты из Библии и комментарии⁵.

Невозможно представить, что стихотворение, подобное процитированному, посвященное молитве св. Ефрема Сирина, не отражает личных переживаний поэта. Обращение к его поэтическому творчеству и внелитературным высказываниям доказывают с очевидностью, что в данном случае лирическое «я» идентично поэту.

И предварительным подтверждением этому может служить одно его письмо, а также реплика из одного его драматического произведения.

3 августа 1834 года Пушкин писал жене: «Благодарю тебя за то, что ты Богу молишься на коленях посреди комнаты. Я мало Богу молюсь и надеюсь, что твоя чистая молитва лучше моих, как для меня, так и для нас».

Мало найдётся произведений в русской литературе, в которых молитвы играют такую важную роль, как в пушкинском «Борисе Годунове». Всякий, кто читал драму, вспоминает это место – ответ юродивого, когда царь просит молиться за него: «Нет, нет! нельзя молиться за царя Ирода – Богородица не велит».

Одно письмо Пушкина, перехваченное полицией, послужило в 1824 году причиной тому, что он был сослан в своё имение Михайловское. Написал он его в Одессе, когда его, нежеланного в Санкт-Петербурге, выслали на юг. Он писал, что встретился с одним умным атеистом и впервые столкнулся всерьёз с атеизмом в применении к Библии. Это высказывание в качестве доказательства пушкинского атеизма ис-

пользовали как полиция того времени, так и антихристианские учёные позднейших времён⁶. Но, известное только концовкой, это письмо начинается с заявления: «...читая Шекспира и Библию, Святой Дух иногда мне по сердцу...», и затем Пушкин противопоставляет такое миропонимание атеизму. Семён Франк отметил в 1933 году выраженную здесь духовную эволюцию Пушкина по сравнению с лицейским временем. Тогда в этом не участвовало сердце, а только разум, который хотел доказать «полную трагедию безверия»⁷.

В рецензии на одну историческую книгу Пушкин определил, какое высокое место заняло в своём миропредставлении христианство: «Величайший духовный и политический переворот нашей планеты есть христианство. В сей-то священной стихии исчез и обновился мир». В том же году он переводит «Жизнь св. аббата Саввы Сторожевского», которая, однако, в советских изданиях (в том числе и в «полных») не представлена⁸.

О времени возникновения этих штудий имеется высказывание Мицкевича, одного из людей, которого Пушкин знал достаточно долго и хорошо. Вскорости после его смерти тот сформулировал: «Пушкин поражал и удивлял сих слушателей живостью, разнообразием и ясностью своего духа... Когда он говорил о внешне- или внутривополитических вопросах, то можно было подумать, что слышишь человека, лучше всего сведущего в государственных делах... Я нашёл его дух сверхчувствительным и иногда легкомысленным, но всегда искренним, способным к сердечным откровениям... Кто его тогда (в 1829 году. — В.К.) знал, замечал значимое превращение в нём... Его разговоры, в которых часто возникали зародыши его будущих произведений, становились серьёзнее и взвешеннее. Он обращал внимание на такие религиозные и общественные вопросы, о существовании которых его русские современники ещё не имели представления. В нём явно совершалось внутреннее превращение».

В 1836 году Пушкин опубликовал в первом номере своего журнала «Современник» произведения белорусского ар-

хия епископа Георгия Кониского, «одного из самых достопамятных людей минувшего столетия». Пушкин дополнил текст обсуждением двух десятков положений из текста Кониского, таких, как взаимоотношение поста и молитвы, о телесной и духовной радости, физическом и духовном зрении, о смысле исповеди, о продолжении жизни после смерти или о реальности чуда. Здесь Пушкин выступил предшественником Достоевского: подобные размышления православного христианина, появлявшиеся дотоле только в трудах духовных лиц, впервые он публикует в литературном журнале. Достоевский включил соответствующий текст в свой роман «Братья Карамазовы» как запись высказываний старца Зосимы.

В 1836 году Пушкин поместил в «Современнике» (том 3) свою рецензию на русский перевод книги Сильвио Пеллико «*Dei doveri degli uomini*», вдохновившей его своей глубокой религиозностью. В ней он называет Евангелие книгой, чья «вечно новая прелесть» состоит в том, что когда «мы, пресыщенные миром или удручённые унынием, случайно откроем её, то уже не в силах противиться её сладостному увлечению и погружаемся духом в её божественное красноречие». Пушкин формулирует свой идеал писателя религиозным высказыванием: «...мало было избранных (даже между первоначальными пастырями Церкви), которые бы в своих творениях приблизились кротостию духа, сладостию красноречия и младенческою простотою сердца к проповеди Небесного Учителя». Пеллико для Пушкина, как и Фенелон, относился к числу таких «избранных» («Об обязанностях человека»).

В этом номере своего журнала Пушкин отрецензировал опубликованный в том же 1836 году «Словарь святых» и подчеркнул его значение для области интересов Православной Церкви. Он приветствовал то, что этот словарь при всей его научной точности выдержан в стиле, делающем возможным его распространение за пределами Церкви.

К произведениям, базирующимся на серьёзной, до сих пор недостаточно исследованной христианской основе, относится драма «Борис Годунов». Одна из сторон жизни России

XVII века – религиозная жизнь – наглядно изображена Пушкиным. Он следует Карамзину, согласно которому Годунов убил наследника трона. Проблема захвата царской власти путём убийства имеет основополагающее этическое и историческое значение и для пушкинского времени – ведь Александр I взойшёл на престол с помощью убийства. Пушкин вводит религиозную тематику в социальные и иные пласты.

Одна из знаменитых сцен в начале протекает в Чудовом монастыре, в Кремле, где монах Пимен пишет летопись и уже в первой реплике называет свою работу долгом, завещанным от Бога. Ему, благочестивому и смиренному монаху, противостоит молодой монах, который предаёт монастырь и православную веру, чтобы выдать себя за мнимо убитого, – Лжедмитрий. Он под конец захватывает власть.

В следующей, очень краткой, сцене выступает сам патриарх – глава Русской Православной Церкви – вместе с игуменом монастыря. Пушкин выводит патриарха на сцену и во второй раз – вместе с царём. Там патриарх рассказывает о встрече с «простым пастухом», которая его глубоко потрясла: убиенный царевич привиделся во сне слепому пастуху. Пастух явился к его могиле, прочёл там молитву и обрёл чудесное выздоровление: он снова мог видеть⁹. Лежащая в основе этой сцены убежденность Пушкина в жизни человека после смерти и в силе молитвы находит параллели прежде всего в его стихах.

Пушкин использует в драме молитву в совершенно другой функции. В девятой сцене показан боярин Шуйский с гостями в своём доме. Он отдаёт юному прислужнику краткий приказ: «Читай молитву». Имеется в виду молитва за царя Бориса, но ни один боярин не возносит её, она возглашается только слугой, а хозяин дома ограничивается восклицанием: «Да здравствует великий государь! – и провожает своих гостей с извинениями. Никто не помолился за царя. Этим многозначительным эпизодом Пушкин даёт почувствовать отношение придворной знати к царю, не происходившему из рода Рюрика.

Семнадцатая сцена – та, что с юродивым. Молитва соотносит её с этой боярской сценой; здесь Пушкин фигурой юро-

дивого завершил ряд персонажей, связанных в драме с религиозной жизнью на Руси. Такие юродивые, благодаря своей не отягощенной рассудком близости к духовному миру, пользовались особым уважением в народе, они молитвой добывали себе пропитание и часто были ясновидящими. Пушкин показывает юродивого в личной встрече с царём. Царь, который (в отличие от бояр) относится к нему с уважением, просит: «Молись за меня, бедный Николка». Сцена заканчивается знаменитой репликой: «Нет, нет! нельзя молиться за царя Ирода – Богородица не велит». Конечно, такой ответ, несмотря на отсылку к Евангелию – избиение младенцев в Вифлееме, – не христианский: в молитве нуждается даже такой убийца, как Борис Годунов. Но задача Пушкина – показать отношение русского народа к Борису – цареубийце. Пушкин выражает этическую оценку царя Годунова и тем, что изображает, как тот, с одной стороны, мучится от нечистой совести, а с другой – не может решиться на молитву. Борис не в состоянии молиться даже в свой смертный час.

Заданию директора Царскосельского лицея мы обязаны тем, что Пушкин в 1817 году написал большое стихотворение «Безверие». И с точки зрения самого поэта, оно не относится к числу его сильнейших, но противопоставление, предложенное в нём, наводит на глубокие размышления: «Ум ищет божества, а сердце не находит». Стихотворение проникнуто состраданием к тем, кого не укрепляет вера. Поэт обосновывает то сочувствие не только тем, что мысли о смерти у безбожника омрачены неверием, но и тем, что тот не может радоваться природе. Пушкинское стихотворение вдохновлено переживаниями природы как Божьего творения.

Программное стихотворение «Безверие» в течение нескольких лет оставалось единственным религиозным произведением в творчестве Пушкина. Но в 1821 году, в начале ссылки на юг, ему пришла в голову забава – написать в «Гавриилиаде» пародию на то место из Нового Завета, которое с материалистически-земной стороны особенно уязвимо и ироническое отношение к которому вызвало бы большой

резонанс, – непорочное зачатие Девы Марии. В этой шуточной поэме, от которой он в дальнейшем отказывался, прекрасная еврейка Мария, имевшая мужем старого плотника и не знавшая покуда плотской любви, была осчастливлена в один день и дьяволом, и архангелом Гавриилом (который должен был сосватать её с Богом-Отцом) и голубем. Рифмованная фривольность, описывающая события, предшествовавшие зачатию, находится в традиции русской «смеховой культуры» и вдохновлена творчеством Санкт-Петербургского поэтического кружка «Арзамас», для которого сочинял пародийную литургию даже благочестивый Жуковский, чтобы иронизировать над другой группировкой писателей – адептов церковнославянизмов в русской литературе. Пушкину были известны аналогичные стихи Вольтера и Парни. О публикации, естественно, не приходилось и мечтать, но эта умеренная «эротика, связанная с библейскими персонажами» (Кайль), распространялась (как и неподцензурные произведения в советское время) в списках, и можно объяснить только яростным антихристианством то, что такой эротический текст был напечатан в советское время. Какому-нибудь советскому автору не было бы позволено и десятой доли такой откровенности. В конце говорится:

*Всевышний Бог, как водится, потом
Признал Своим еврейской девы сына,
Но Гавриил (завидная судьбина!)
Не преставал являться ей тайком;
Как многие, Иосиф был утешен,
Он пред женой по-прежнему безгрешен,
Христа любил, как сына своего,
За что Господь и наградил его!*

Судебное следствие, которому Пушкин подвергся из-за «Гавриилиады», было прекращено лично царём. Несмотря на богохульство, эта шуточная поэма содержит духовно обогащенное развитие темы Благовещения: коварство сатаны, который препятствует Гавриилу в его деянии и хочет помешать воплощению Христа.

Сгущённая игривость и духовная напряжённость «Гавриилиады» заметна на фоне стихотворения, написанного им в 1822 году в Кишинёве о Москве, которую он видел в последний раз за десять лет до этого, перед поступлением в Лицей. Всматриваясь теперь внутренним зрением в Москву (в ту, которую можно обнаружить и в более позднее время – в некоторых стихах русских эмигрантов), он писал: «На тихих берегах Москвы // Церквей, венчанные крестами, // Сияют ветхие главы // Над монастырскими стенами»; речь здесь идёт о стенах монастырей и хранящихся в них мощах святых.

Живя на юге России, Пушкин пишет стихотворные произведения, в которых отразились его знакомство с культурой народов, там живущих, и его увлечённость Байроном. В 1822–1823 годах появился «Бахчисарайский фонтан». Пушкин рассказывает о христианках, живущих в магометанском гареме, и упоминает об иконе «Девы Пресвятой», лампаде и о христианском кресте, который он называет «символом священной любви». Это – типичные, самоочевидные знаки, с помощью которых Пушкин, возможно, дал понять в поэме о своих православных убеждениях.

Ещё более очевидно Пушкин выразил свою религиозность в «Подражаниях Корану», которые появились в том же году, что и его письмо об умном атеисте, с которым он познакомился. Не все девять самостоятельных стихотворений тесно связаны с исламом. Пятое носит общерелигиозный характер:

*Зажёг Ты солнце во вселенной
Да светит небу и земле,
Как лен, елеем напоенный,
В лампадном светит хрустале
Творцу молитесь; Он могучий:
Он правит ветром; в знойный день
На небо насылает тучи
Дает земле древесну сень.*

1826 году Пушкин пишет «Пророк», одно из знаменитейших своих стихотворений, в котором – в соответствии с

высказываниями Исайи, Иеремии и Иезекииля – говорится о дарах Божьих и связанном с ними предназначением. Это стихотворение вполне может быть отнесено к священникам, ясновидцам и просто к верующим, которые избрали путь служения людям.

*Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый Серафим
На перепутье мне явился;
Перстами лёгкими как сон
Моих зениц коснулся он:
Отверзлись вещи зеницы.
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полёт,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье...*

Затем следует замена языка и сердца, и в конце «Божий глас» объявляет предназначение: «Глаголом жги сердца людей». Политическую подоплёку, а именно – благодарность царю Николаю I, видит здесь Леонид Аринштейн, обращая внимание на дату написания, поставленную Пушкиным под текстом стихотворения: 8 сентября 1826 года, день, когда царь принял его для беседы и подарил ему свободу¹⁰.

В 1827 году Пушкин публикует чисто поэтологическое стихотворение «Поэт», которое показывает поэта в двух его жизненных ипостасях: как человека в повседневной жизни, в которой он может быть «всех ничтожней», и как одарённого вдохновением, как избранного, как творца. И здесь он указывает на источник подлинного вдохновения. Оно появляется, «лишь божественный глагол до уха чуткого коснётся».

В 1828 году Пушкин написал в высшей степени пессимистическое стихотворение, в котором называет жизнь «дар

напрасный, дар случайный» и размышляет над её смыслом. Митрополит Филарет ответил ему стихотворением, содержащим осторожный намёк на ответственность поэта, и Пушкин соединил в своём ответном стихотворении покаяние и благодарность высокому духовному лицу с признанием Божественной природы поэтического вдохновения:

*В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.*

*Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.*

*Я лил потоки слёз нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.*

*И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.*

*Твоим огнём душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе Серафима
В священном ужасе поэт.*

В 1934 году Пушкин перевел несколько стихотворений, которые – не вполне правильно – известны как «Песни западных славян». В них есть новые, связанные с христианством мотивы, такие, как молитва братоубийцы из-за невысказанного сознания вины в надежде на прощение.

В 1835 году у Пушкина появляется больше чисто религиозных стихов. Стихотворение «Чудный сон мне Бог послал...» повествует о старце, которому Бог во сне предсказал скорую

смерть и переселение в Царство Небесное. Для религиозной оценки неважно, что в этом, как и во многих стихотворениях Пушкина, можно найти извлечения из произведений других поэтов. Он выбрал тему и следовал её мотивам. После этого стихотворения Пушкин прожил меньше двух лет. В автобиографичности текста, по крайней мере, в конце не приходится сомневаться: «Сердце жадное не смеет //И поверить и не верить... // Милосердия надеюсь: // Успокой меня, Творец, // Но Твоя да будет воля, // Не моя...» Сравните с этим: «...впрочем, не Моя воля, но Твоя да будет»(Ак. 22:42)¹¹.

В стихотворении «Странник», которое появилось в 1835 году и восходит к книге Джона Беньяна «Паломничество пилигрима» (1678 год), Пушкин рассказывает про одного человека, который блуждает «среди долины дикой», где испытывает необъяснимую тоску, апокалипсическое ощущение, страх смерти. Семья считает его сумасшедшим. Он же ищет в лесу убежища и сталкивается там с судьбоносным событием. Встречает он «юношу, читающего Книгу», то есть Библию. Тот направляет его к «некому свету» и советует: «пусть будет он тебе единственная мета». Пилигрим этому совету следует, оставляет свою семью и приходит к божественному свету¹². Конечно, «долина дикая» имеет метафорическое значение, она символизирует духовный мрак, заблуждение, в котором пребывает пилигрим, свет – это прежде всего, конечно, Иисус, но, кроме того, Пушкин имеет в виду тот свет, что ждёт человека при переходе через порог смерти. Ведь и Лев Толстой заканчивает свою повесть «Смерть Ивана Ильича» видением сияющего света.

К стихотворениям лета 1836 года, наряду с процитированной молитвой Ефрема Сирина, относится и церковно-политическое «Мирская власть»¹³. Митрополит Анастасий в связи с ним упоминает о том, что во время пасхальной службы в церкви находился караул, который должен был стоять у выставленной там картины Карла Брюллова «Распятие» так же, как стоял у гроба Христа, обычно помещаемого в центре церкви. Вопрос: «Принадлежность ли государства – святое

распятие?» – показывает, что Пушкин придавал стихотворению основополагающее значение. В начале он описывает смерть Христа на кресте, Марию – «пресвятую Деву» и Марию-«грешницу» рядом с крестом, который он именует в соответствии с духовной традицией «животворящим деревом» (Откр. 22:2; 2:7). После этого перечисления святых для христианина образов он продолжает: «Но у подножия теперь креста честного... // Мы зрим поставленных на место жён святых // В ружье и кивере двух грозных часовых». Пушкин спрашивает с горькой иронией, боязнь ли это воров или мышей, или таким образом хотят «важности предать Царю царей?»

В стихотворении, которому Пушкин дал маскирующий заголовок «Из Пиндемонти», он упоминает о зависимости писателя от царя и народа, цензуры и редактора. Но это всё неважно. Важнее – ответственность перед самим собой за то, что ты пишешь, готовность не совершать, вопреки всему, уступок, сохранять чистую совесть и радоваться чудесам Божьего мира, творениям искусства и вдохновению.

Другое стихотворение осени 1836 года, названное Пушкиным «Подражание итальянскому», восходит к стихам Франческо Джанни, с которыми он познакомился во французском переводе. В стихах речь идёт об Иуде, которому Сатана в аду «прожег уста, // В предательскую ночь лобзавшие Христа». Это показывает, что Пушкин не относился к писателям, добивавшимся оправдания Иуды.

Настоящая поэзия для Пушкина была плодом Божьего вдохновения. Это убеждение встречается часто, но с особенной глубиной – в написанном в том же 1836 году, восходящем к Горацию стихотворении, оказавшемся пророческим. Жить Пушкину оставалось только полгода.

*Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастёт народная тропа,
Вознёсся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.*

*Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживёт и тленья убежит –*

*И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.*

В последней строфе пятистрофного стихотворения сказано: «Веленью Божьему, о Муза, будь послушна». Рольф-Дитрих Кайль исследовал историческое, языковое и религиозное происхождение центрального слова «нерукотворный» и его значение. Православному верующему оно близко как «нерукотворный образ нашего Иисуса Христа», как икона «Нерукотворный Спас», и, пользуясь этим словом, Пушкин выразил своё убеждение в Божественном происхождении собственного творчества¹⁴. И такой подход к творчеству, судя по тем произведениям, которые мы упомянули, был выработан самим Пушкиным в размышлениях о Божественном происхождении искусства. Пушкин был христианином, знал силу молитвы и влияние духовного мира на художественное творчество.

Святогорский монастырь
Литография Г. Александрова. 1837 г.

Как показывают последние произведения, Пушкин превратился в явно выраженного христианского поэта, что естественно для человека, находящегося в постоянном развитии. Но удивительное разнообразие в освещении религиоз-

ных, церковных, христианских мотивов вообще типично для его творчества во все периоды и в любой области, в которой он работал. Разнообразие религиозных мотивов у него больше, чем у иного, поставившего своё творчество на службу христианству. У Пушкина они незаметно увязаны с житейскими, историческими и политическими вопросами, иногда они играют главную роль, но чаще выражены в одном предложении, одном слове, одной сцене. Но чем серьезнее относился Пушкин к поэтическому слову, тем сильнее его творчество опиралось на христианские убеждения и глубокое чувство ответственности перед Богом.

Примечания

¹ Ср.: Rolf-Dietrich Keil. Was heibt *Ijubonaclic*? // Zeitschrift für slawische Philologie. 1994. Bd. 54.1. S. 58–81.

² *Митрополит Антоний*. Пушкин и его отношение к религии и Православной Церкви // Церковная жизнь. – Т.40. – Novi Sad, 1939; Грани. Frankfurt, 1979. Т. 113. – С. 154–229.

³ Пушкин в русской философской критике: Конец XIX – первая половина XX вв. / Сост. Р.А. Гальцева. – М.: Книга, 1990.

⁴ Alfred Sproede. Zwischen Aufklärung und ästhetischer Religion: Zur Eigenart und Entwicklung von Puskins Religionsauffassung. Ein problemgeschichtlicher Überblick // Arion. Jahrbuch der deutschen Puskin-Gesellschaft/Herausgegeben von Rolf-Dietrich Keil. Bonn: Bouver, 1992. Bd. 2. S. 199–255.

⁵ И.Ю. Юрьева. Пушкин и христианство. Сборник произведений Пушкина с параллельными текстами из Священного Писания с комментарием. – М.: 1988. После 1990 года появились и другие исследования пушкинского христианства, например: Т.Г. Мальчукова. О сочетании античной и христианской традиции в лирике А.С. Пушкина 1820–1830-х гг. // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX вв.: Сборник научных трудов/Под ред. В.Н. Захарова. – Петрозаводск: 1994. – С. 84–130 и В.А. Кошелев. Евангельский «календарь» пушкинского «Онегина». Там же. С. 131–150.

⁶Ср.: *Commentationes philologicae: Fünf kleine Puskin-Studien mit einem VonPort* // *Canadian-American Slavic Studies*. 1980, v. 14, Summer. S. 237–254.

⁷*Семён Франк*. Религиозность Пушкина // *Путь* (Париж), 1933. – С. 40. См. также: *И.Ю. Юрьева*. Пушкин и христианство. – М.: 1988; также: Пушкин в русской философской критике. – М.: 1990. – С. 388. (Франк сравнивает это с упоминаемым далее стихотворением «Безверие» 1817 года).

⁸*Александр Пушкин*. Преподобный Савва Игумен // *И.Ю. Юрьева*. Пушкин и христианство. – М.: 1988. – С. 184 и следующие.

⁹Ср. здесь и в дальнейшем: *И.Ю. Юрьева*. Молитвы в текстах Пушкина // *Пушкинская эпоха и христианская культура*. – СПб.: 1994. – Вып. VI. – С. 110–121.

¹⁰*А.М. Аринштейн*. Пушкин: Непричёсанная биография. – М.: Муравей, 1998. – С. 154–156.

¹¹Стихотворение не до конца обработано.

¹²Подробно о заимствовании, об отношении к Беньяну и Евангелию см.: *Аюдген Удольф* // *Контекст-1993*. – М.: 1996. – С. 341–349.

¹³Ср.: *Митрополит Анастасий*. Нравственный облик Пушкина // *Архипастырские послания, слова и речи*. Jordanville, N.Y., 1956. С. 253.

¹⁴См.: *Rolf-Dietrich Keil*. *Nerukotvornyj. Beobachtungen zur geistigen Geschichte eines Wortes* // *Studium zu Literatur und Aufklärung in Osteuropa. Aus Anlaß des VIII. Internationalen Slavistenkongresses in Zagreb*. Giessen: Schmidt, 1978. S. 269–317 (Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slaven 13).

*Перевел с немецкого
К. Краснухин*

Лариса Краваль

Православный мир в рисунках Пушкина*

I. «...И шестикрылый Серафим на перепутье мне явился...»

Когда размышляешь о духовной жизни Пушкина, о его восхождении «к Сионским высотам», о его Православии, о путях, которыми вело его Благое Провидение, неизменно встает вопрос, как же так случилось, что не встретился он с величайшим русским Святым, Промыслом Божиим жившим в одно время с поэтом; как могло случиться, что в пору своей духовной зрелости, на пороге жизненного перелома (женитьбы), осенью 1830 года Божиим Промыслом оказавшись в близком соседстве с Саровским монастырем¹, Пушкин не пришел поклониться величайшему столпу Православия, Преподобному Серафиму, не взалкал благословения Святого старца?

Ну, а если бы – допустим, предположим, – они все-таки встретились, то как бы мы могли узнать об этом? Или – по нашему, по современному разумению – Пушкин должен был заявить об этом громко, во всеуслышание, на всю Россию, на весь мир? Но мы знаем, что Пушкин хранил свою веру, свою внутреннюю духовность в тайне, в глубине сердца, целомудренно.² Да и батюшка Серафим всегда наставлял так: «Не должно без нужды другому открывать сердца своего. Из тысячи найти можно одного, который бы сохранил твою тайну. Когда мы сами не сохраним ее в себе, как можем надеяться, что она будет сохранена другим? Когда случится быть среди людей в мире, о духовных вещах говорить не должно... Всеми мерами должно стараться скрывать в себе сокровище

* Русское возрождение. – М.; Нью-Йорк, Париж. – 1999. – №74. – С. 179–188.

дарований: в противном случае потеряешь и не найдешь. Ибо, по изречению Святого Исаака Сирина, «лучше есть помощь, яже от хранения, паче помощи, яже от дел. Когда же надобность потребует, или дело дойдет, то откровенно во славу Божию действовать должно»³

Стало быть, если бы Пушкин и доверил (предположим!) сию тайну кому-то близкому, кто бы мог сохранить тайну, тот ее и сохранил. Так как же узнать? По стихам? По намекам? Но намек есть намек – вещь тонкая, неопределенная. Скажем, вот, в ответе Пушкина Митрополиту Московскому Филарету были такие стихи:

*Твоим огнем душа согрета,
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе Филарета
В священном ужасе поэт.*

Пушкин исправил:

*Твоим огнем душа палима,
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе Серафима
В священном ужасе поэт.*

Может быть, кому-то и почудится в этой замене имен, в этой разнице «температур» (Филарета – согрета, Серафима – палима) пророческая весть о Серафиме Саровском, а другой скажет, что это всего лишь игра рифм, требование цензуры, случайность...

Или, скажем, в стихотворении «Отцы пустынноики и жены непорочны» поэт написал сначала «святые мудрецы», а потом исправил на «отцы пустынноики». Разве нельзя предположить, что Пушкин подыскал слова, точнее и емче обозначающие Святого Серафима Саровского? А в «женах непорочных» не может ли послышаться весть об устройении Преподобным Дивеевского женского монастыря? А сама молитва Ефрема Сирина, может быть, и потому, в частности, переложена поэтом, что обрисовывает точный образ батюшки Серафима, воплощенного смирения, терпения, любви и цело-

мудрия? Может быть, и то не случайно, что стихи написаны 22 июля (1836 г.), близ дня рождения Преподобного (родился в ночь с 19 на 20 июля 1759 г.)? Все это, смею заверить, вполне можно ощутить и почувствовать в стихотворении, но строгий исследователь увидит в этих моментах совсем иное⁴ и будет прав, потому что будет говорить о явном и реальном, а не о тайном и мысленном. Так как же все-таки узнать? «Когда же надобность потребует, или дело дойдет», то, может быть, во славу Божию, и само откроется?..

В рукописи стихотворения «Отцы пустынноики...» есть рисунок, изображающий «молящегося монаха в келье», – так аннотировала рисунок Т.Г. Цявловская.⁵ Но рука монаха поднята выше лба, и значит, монах не молится, а благословляет кого-то, нам невидимого, оставшегося за «кадром» (нетрудно догадаться – кого!). Рука его светится, от нее идет свет, как от свечи, освещая потолок. И сам он весь светится, и лицо его светится, черты его зыбки, как пламя. По чертам этим, хотя и колеблющимся, но в какой-то мере определенным (треугольные впадины щек, обрисовывающие треугольные скулы, крутой лоб, покаты к носу, полная нижняя губа, бровь, приподнятая вдохновенно), – по трепещущим этим чертам, а более всего по сиянию и просветленности, по необыкновенному выражению какой-то неземной, энергической, победительной любви, понимаешь, что это батюшка Серафим. «Он весь как бы трепетал этой любовью, этой безграничной силой сочувствия и сострадания. Она сияла в его глазах, звучала в тех ласковых, нежных словах и обращениях его к людям. Так умирительно тепло звал он всех: «Радость моя!».⁶ «Вид его лица был совершенно необыкновенный. Сквозь кожу у него проникал благодатный свет. В глазах у него выражалось спокойствие и какой-то неземной восторг»⁷. Таким запомнили батюшку Серафима видевшие его. Но такой же образ запечатлен на пушкинском рисунке.

Пушкинский старец согбен – таким и был отец Серафим: после нападения на него разбойников 12 сентября 1804 года он остался навсегда сильно согбенным и ходил, опираясь на

*Список с прижизненного портрета Преподобного
Серафима Саровского, находящегося в Московской
резиденции Святейших Патриархов*

топорик или мотыгу, или посох. Пушкинский монах и одет необыкновенно: он не в монашеской рясе, а в белом балахончике, принакрытом сверху прямым, некроеным, темным полотном. Точно так одевался батюшка Серафим, в стужу и непогоду накрывавшийся поверх белого полотняного балахончика выделанной кожей.

И еще одна – важнейшая! – деталь: левее правой ступни старца виден острый угол. Не сразу поймешь, что это. И только присмотревшись, видишь: это топорик, которым старец подпирается. В том, что топорик нарисован нечетко, есть свой смысл. Если бы он хорошо был виден и «узнавался» бы прежде старца, то это изумляло бы и соблазняло бы многих: как-де это понимать – монах и топор? Но он нарисован так невнятно (умышленно ли, промыслительно ли), что, только узнав Преподобного, понимаешь: это топорик – инструмент, с которым батюшка Серафим не расставался, работал им, опирался на него, – так сказать, атрибут его. Деталь красноречивая, как подпись к портрету.

Но есть и подпись: на уровне левой ступни, правее ее, старославянской вязью жирно начертана буква С.

Значит, сретенье все же состоялось? Состоялось – и батюшка Серафим благословил поэта.

Примечания:

1. От Болдина до Дивеева 65 верст – по данным «Генеральной карты Нижегородской губернии... полковника Пядышева. – СПб.: 1822 г.»

2. А.О. Смирнова, например, вспоминала: «Он признался мне, что всегда служит панихиду по декабристам в день именин их, но не хочет говорить об этом, так как уверен, что его обвинили бы в желании выставить напоказ свою религиозность, а это надо делать втихомолку» (Из «Записок А.О. Смирновой» // Дон. – 1989. – № 6. – С. 157).

3. *Е. Поселянин*. Преподобный Серафим Саровский, чудотворец. – СПб.: 1908. – С. 82.

4. *Старк В.П.* Стихотворение «Отцы-пустынники и жены непорочны...» и цикл Пушкина 1836 года // Пушкин. Исследования и материалы. – Т.10. – Л.: Наука, 1982. – С.193–203.

5. Цвяловская Т.Г. Рисунки Пушкина. Изд. 2-е, 1980. – С. 96.
6. Е. Поселянин. Указ. соч. с.31.
7. Там же, С.89–90.

II. Пушкин и святцы

Известно, что поэт бережно хранил в памяти даты важнейших событий современности и прошлого. Не менее бережно относился он к датам церковных праздников и дням Святых.

Я проанализировала сотни рисунков А.С. Пушкина (рукописи поэта хранятся в Пушкинском Доме) и сопоставила их с Православным календарем. Когда портрет какого бы то ни было человека в черновиках Пушкина не связан ни с текстом, ни с мыслью зарисовки, ни с реалиями текущей жизни – это почти всегда знак «именинности» изображенного. Тому множество примеров*.

Так, в одной из тетрадей 1828 года рядом с записью «25 июня. Няня» – портреты умершей Арины Родионовны и почему-то Петра Киреевского. Появление его оправдано для тех, кто знает, что 25 июня Православная церковь чтит князя Петра и княгиню Февронию Муромских. Другой пример: черновик письма Шварцу, датируемый 4–8 декабря 1824 г. Следуя предложенной логике, отгушеванный, торжественный, празднично нарядный портрет Николая Михайловича Карамзина на лицевой стороне этого же листа следует связать с почитанием 6 декабря Николая Чудотворца, а изображение на другом листе той же тетради головки Анны Николаевны Вульф – с днем ее рождения 10 декабря, а также именинами 9 декабря (день пророчицы Анны).

2 октября – память Святой благоверной княгини Анны Кашинской. На Соборе 1649 года было постановлено открыть ее мощи для всеобщего почитания и причислить благоверную княгиню Анну к лику Святых Русской Церкви. Но в 1677 году патриарх Иоаким поставил вопрос на Московском Со-

* Материал дается в сокращении. Полностью статья опубликована в сб. «Пушкинская эпоха и христианская культура», вып. 2. Санкт-Петербургский Центр Православной Культуры, 1993.

Анна Керн

боре об упразднении ее почитания в связи с обострением старообрядческого раскола, использовавшего имя Анны Кашинской в своих целях. Таким образом, в пушкинское время эта святая официальной церковью не чтилась, а народ и поэт ее помнили. 2 октября 1829 года Пушкин рисует профиль Анны Керн. В первых числах октября 1830 года во вступлении к «Дому в Коломне» он рисует профиль другой Анны – татарки Анны Ивановны, крестницы генерала Н.Н. Раевского-старшего. Судя по рисункам, эта молодая женщина произвела сильное впечатление на поэта во время его путешествия по Кавказу и Крыму.

Есть лист, заполненный, по-видимому, 8 сентября 1823 года. 8 сентября – Рождество Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии. Возможно, именно на богослужении увидел Пушкин впервые графиню Воронцову и изобразил ее с прочими дамами. Все изображения на этом листе перекрыты большим, в рост, портретом татарки Анны, а на обороте этого листа – ее профиль. Напомню читателю, что 8 сентября поминались, а 9 сентября – почитались родители Приснодевы Марии, праведные Иоаким и Анна. Таким образом, сверяясь вслед Пушкину со святыми, мы можем уточнить, а в иных случаях определять дату рисунков и записей.

Так, за листом с датой 3 ноября 1823 года следует лист с тремя портретами Иоанна Каподистрии, грека на русской службе, начальника Пушкина по Коллегии иностранных дел. В ноябре Православная Церковь чтит трех Иоаннов: 12 – Иоанна

Милостивого и Блаженного Иоанна, 13 – Святителя Иоанна Златоуста. На этом же листе изображена Наталья Степановна Голицына, Александр Раевский, Александр Стурдза. Дни их рождения соответственно 13, 16, 18 ноября.

Через лист, в той же тетради Пушкин рисует свой «именинный» автопортрет – торжественный облик в черном фуляре, с короткой стрижкой: 23 ноября 1823 года день памяти Святого благоверного князя Александра Невского.

На обороте статьи «О ничтожестве литературы русской» несколько портретов, приуроченных к празднованиям святых 23–26 ноября (эта страница имеет 2 датировки: 1822 г., 1834 г.). В центре – портрет Екатерины Федоровны Муравьевой, явно ориентированный на живописный портрет работы Ж.-Д. Монье 1810-х годов: та же прическа, та же лента в волосах и голова сына ее Никиты (только в отличие от портрета – взрослого) у плеча – 24 ноября Екатеринин день. Здесь же портрет «Георгия» Байрона, помеченный буквой «г» на левом плече (26 ноября – освящение церкви Георгия Победоносца в Киеве); рядом женский профиль, похожий на Байрона, – сестра его Августа (24 ноября). Среди этих портретов – авторский профиль, по-видимому, в честь праздника Александра Невского 23 ноября – вот случай еще раз убедиться, что Пушкин читал этого святого как своего небесного покровителя.

Рассмотрение подобного материала показывает, насколько велико было место православных образов и памятных дней в сознании Пушкина и в его жизни.

*Иоанн
Каподистрия*

Автопортрет

Борис Ливоваров

учитель высшей категории, магистр богословия, протоиерей

А.С. Пушкин о проповеди Евангелия*

Человек – тайна даже для самого себя. А можем ли мы судить о тайне великого поэта?! Знаем ли мы Пушкина? По художественным литературным произведениям, по другим, вышедшим из-под его пера письменным источникам, по свидетельству современников и по разумению исследователей его жизни и творчества мы пытаемся для самих себя ответить на этот сакраментальный вопрос: «Кем же был Пушкин?».

Родился великий поэт более 200 лет назад в христианской России. Окружала его, как и современных ему сынов и дочерей России, церковная жизнь, поэтому изъять Пушкина из контекста христианской культуры России невозможно. Более того, поэт сам оказал величайшее влияние на всю отечественную культуру. Поэтому вопрос «Кем же был Пушкин?» приобретает особо важное значение.

И здесь невольно вспоминаются слова из Первого послания святого апостола Павла к коринфским христианам: *«Кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем?»* (1 Кор. 2:11).

История, как говорят, обратного хода не имеет. Однако сохранилось несколько кратких и отрывочных свидетельств о жизни и творчестве поэта, которые так и понуждают задать вопрос: не слишком ли тесным было для Пушкина его поэтическое призвание? Не стремилась ли его душа к еще более возвышенному подвигу, к *«почести высшего призвания»*, как говорил апостол Павел?

* Источниковедение в школе. – 2007. – №1. – С.31–34.

Стихотворение «Пророк» некоторые исследователи считают важной вехой в творчестве великого поэта. После написания «Пророка» Пушкин для нас – не просто поэт, а поэт-пророк, а пророческое служение – это служение Богу. Не можем же мы, искренне (то есть близко) воспринимая его Божественный дар, сказать, что за этим стихотворением ничего, кроме упражнений в рифме, не стоит.

«Духовной жаждою томим», поэт на перепутьях жизни слышит Божий глас:

*Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполни волею Моей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей!*

Это был 1826 год, когда поэту исполнилось 27 лет. 18-летним он писал: «Ум ищет Божества, а сердце не находит» («Безверие»), а здесь Сам Бог находит, настигает поэта в пустыне мирской жизни...

В 1828 году поэт совершил путешествие в Арзрум. 1828-й год – это начало возрождения миссионерской деятельности Русской Православной Церкви после длительного периода упадка миссионерства в России. Петр I поощрял миссионерство (первая четверть 18-го столетия – время многоплодной миссионерской деятельности митрополита Сибирского Филофея Лещинского). Екатерина II сократила своими указами не только количество монастырей в России, но и ограничила миссионерскую активность Церкви. Наконец, в 1799 году, в год рождения поэта, вышел государственный указ, упраздняющий должность инородческих миссионеров. И такая ситуация длилась почти до конца 30-х годов 19-го столетия. (Протоиерей Иоанн Вениаминов – будущий Святитель Московский Иннокентий – в середине 20-х годов миссионерствовал на Алеутских островах)

«Екатерина явно гнала духовенство, жертвуя тем своему неограниченному властолюбию и угождая духу времени, – писал Пушкин еще в 1822 году в «Исторических очерках». –

Рисунок А.С.Пушкина 1830 г. Подпись: «Арзрум, взятый помощью Божией и молитвами Екатерины Николаевны 27 июня 1827 г. о Р.Х.»

<...> Мы обязаны монахам нашей историей, следственно, и просвещением».

В 1828 году выходит указ Святейшего Синода о возобновлении миссионерства в Сибири. В 1829 году совершается призвание на миссионерское служение в Сибирь архимандрита

Макария Глухарева. А приезжает он на Алтай в 1830 году – это год создания Алтайской Духовной Миссии.

В 1828 году А.С.Пушкин, совершая путешествие в Арзрум, задумывается о проповеди Евангелия среди народов Кавказа. В «Путешествии в Арзрум» появляются удивительные для его современников и для нас самые возвышенные строки о христианском миссионерском служении. Говоря о необходимости примирения с горцами (какая это сейчас актуальная тема!), поэт пишет следующее:

«Есть средство более сильное, более нравственное, более сообразное с просвещением нашего века: проповедь Евангелия <...> Разве истина дана для того, чтобы скрывать под спудом? Так ли мы исполняем долг христианина? Кто из нас, муж веры и смирения, уподобился святым старцам, скитающим по пустыням Африки, Азии и Америки в рубищах, часто без обуви, крова и пищи, но оживленных теплом усердия? <...>

Мы умеем спокойно в великолепных храмах блистать велеречием <...> Кавказ ожидает христианских миссионеров».

Никто в России даже из духовных лиц так возвышенно не писал о христианском миссионерстве!

Академик С.А.Тихвинский обнаружил сведения о том, что А.С.Пушкин имел желание стать членом

Русской Духовной Миссии в Китае. «Пушкин, — писал он, — в январе 1830 года подал царю прошение отпустить его в Китай в составе отправлявшейся туда очередной Миссии, но получил отказ»¹.

В поэтическом творчестве эти его устремления выразились в таких строках:

*Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать <...>
К подножию ль стены далекого Китая.*

(1830)

Бог знает, как сложилась бы жизнь великого русского поэта, если бы он в январе 1830 года не стал бы повторно свататься, а отправился бы в Китай...

Г.П.Федотов называл «Капитанскую дочку» самым христианским произведением русской литературы. Многие сти-

Иллюстрация Пушкина

хи поэта и сейчас восхищают нас религиозным вдохновением. Но были, вероятно, в жизни поэта и такие минуты, когда он особенно близко чувствовал высочайшее призвание человека — жизнь, всецело посвященную Богу.

¹ Изучение культуры Китая как явление российской и советской культуры // Советская культура: 70 лет развития. — М.: Наука, 1978. — С. 340.

Валентин Курбатов

Дальше Литература*

*Подите прочь – какое дело
Поэту мирному до вас!
В развороте каменейте смело,
Не оживит вас лиры глас¹!*

Со школьной скамьи мы привыкли демократически полагать себя друзьями поэта, а чернь искать в свете и аристократии, о которых по простоте происхождения и знать ничего не могли, кроме карикатур разночинной публицистики. А тут – на тебе – вот какие требования предъявляет чернь к поэту:

*Нет, если ты небес избранник,
Свой дар, божественный посланник,
Во благо нам употребляй:
Сердца собратьев исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Бесстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцем хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнездятся клубом в нас пороки.
Ты можешь, ближнего любя,
Давать нам смелые уроки,
А мы слушаем тебя, –*

– прямо-таки в духе читательской конференции о положительном герое недавних лет. И как вроде мужественно, как жестко о себе, с каким знанием – исповедь да и только, – но

* Русское возрождение. – М.; Нью-Йорк, Париж. – 1999. – №74. – С. 200–207.

¹ Пушкин А.С. Собр. соч.: В 8-ти т. – М.: Худ. лит., 1968 – Т. 3. – С. 83–84.

это с одной стороны, а с другой – с какой беспокоянной самовлюбленностью, с каким лукавым кокетством, на которое большие мастера, люди, как раз уверенные, что таким обобщительным «мы» они сразу с себя все обвинения и снимают, оставаясь в страдательной маске жертвы.

«Обыватели поэзии» – так Мандельштам² предпочитал именовать чернь – «позволяют давать им смелые уроки, вообще готовы выслушать, что угодно, лишь бы на посылке поэта был обозначен точный адрес». То есть только бы не Божий глас, не грозное в небесной силе, равнодушное к злобе дня Слово, не «звуки сладкие и молитвы», которые делают время шатким и ненадежным, лишая «обывателя поэзии» его главной опоры – сиюминутной, обжитой правды. А поэт, по тому же Мандельштаму, связан «только с провинциальным собеседником. Быть выше своей эпохи, лучше своего общества для него необязательно»... Растерянная чернь остается со временем наедине и не прощает поэта.

Все, что угодно, только бы не ужасающий сквозняк вечности, не касание горнего мира, потому что тогда читатель разом оказывается на ветру и чувствует подступающую тоску перед «забавами мира» и чуждость «людской молвы». И сразу бросается обратно – под кров идеи и пользы, в спасительную пазуху быта, под защиту множественности, желанного «как все» – в толпу, чтобы оттуда уже покрикивать на поэта («к какой он цели нас ведет?»), требовать служения себе без снисхождения к нему.

Пушкин вышел к толпе первый, потому что и поэт, профессиональный литератор был первый, и отношения тогда были потоньше и поболеезненное наших. Далеко ли догматическое требование толпы /«сердца собратьев исправляй»/ от настоячивых призывов Рылеева к Михайловскому-заточнику писать поэму о Псковской республике («там задушены последние вспышки русской свободы»)? А уговоры Жуковского «уняться» и его резоны в письмах Пушкину, которые хоть сей-

² Мандельштам О. Стихотворения. – Свердловск. Сердне-Уральское книжное издательство, 1990. – С. 428.

час в уста толпы: «Наши отроки при плохом воспитании, которое не дает им никакой подпоры в жизни, познакомились с твоими буйными, одетыми прелестью поэзии мыслями, ты уже многим нанес вред неисцелимый. Талант ничего. Главное величие нравственное»³?

Немногим позднее этих сорвавшихся у Пушкина объяснений с толпой чуткий Гоголь взглянул на этот предмет с еще только-только нащупывающей проблему философией: «Масса публики, представляющая в лице своем нацию (как нарядно передел слово «толпа» и как верно угадал неоднозначность этого слова – В.К.), очень странна в своих желаниях, она кричит: изобрази нас так, как мы есть, в совершенной истине... Но попробуй поэт, послушный ее велению, изобразить все в совершенной истине..., она тотчас заговорит: это вяло, это слабо, это нехорошо... Масса народа похожа в этом случае на женщину, приказывающую художнику нарисовать с себя портрет совершенно похожий, но горе ему, если он не умел скрыть всех ее недостатков»⁴. И тут же Гоголь мимолетно и незаметно роняет самое важное для верного понимания проблемы замечание: его кисть «дивила и поражала только что начинавшую читать Россию».

Вот, вот отчето проблема была так беспокойна – «только что начинавшую читать». Сам ли грамотный русич во дворце или усадьбе, в офицерском собрании или в купеческом особняке читал поэта или покупал книжку или журнал для детей своих («учись, мой сын, наука сокращает нам опыты...»), он часто читал ее еще глазами отцов.

Слишком еще недавно русский человек был целым, не ведавшим и даже не предполагавшим деления на «толпу и поэта», ибо был религиозен не в бытовом, а во всеобъемлющем смысле, и книга его была Евангелие и Послание, Моление и Слово, и она была равно обращена к государю и крестьянину, иерарху церкви и ремесленнику.

³ Тыркова-Вильяме А. Пушкин. – В 2-х т. – М.: Мол. гвард., 1998 – Т. 2. – С. 131.

⁴ Гоголь Н.. Арабески. – М.: Мол. гвард., 1990. – С. 151–152.

Хотя XVIII век, конечно, много успел в выветривании духа и разжаловании Божьего Слова в поэтическое, моления в художественное размышление, псалма в оду, но он не мог так же скоро выветрить в человеке евангельски служебного понимания письменной речи. Человек легко предал существо слова, но остался простодушно уверен, что сохранил право владения им. Увидев слово без священной ризы, он вообразил, что теперь может получить поучение даром, без труда, веры и посылать слово по своим мелочным моральным поручениям.

Человек из единичного, каков он всегда перед Богом, дезертировал в толпу, в чернь, немедленно и, вероятно, даже бессознательно, торопясь утвердить свою порочную диктатуру, подмять поэта и тем не оставить над собою суда, самовольно «выписав себе билет», если воспользоваться словом Достоевского. Он благосклонно, а то и восторженно принимал оды Ломоносова и Державина, баллады Жуковского, романтические поэмы Пушкина, его молодую лирику, даже поэтическое вольнодумство, но стоило поэту напомнить о настоящем Божьем свете человека, его свободе, его одиночестве, его ответе перед Небом, стоило стать тем, для чего и избран поэт, для чего ему дан дар, стоило вспомнить, Кем он дан, и начать служить слову с грозной полнотой понимания того, что призвание всегда жертвенно, как толпа почувствовала угрозу своему покойному самодовольству, а поэт, еще вчера видевший перед собой только благосклонных читателей, вдруг со смятением увидел чернь, опустевшее лицо растратившего свое единство, свое Божье целое человека и по настоящему понял неизбежность жертвы, свою обреченность. «Восторженных похвал пройдет минутный шум; услышишь суд глупца...». Горше всего, что часто услышишь этот суд из тех же уст, что вчера изливались восторженными похвалами.

Он узнал это первым и первым сформулировал закон, справедливость которого подтвердили с той поры многие русские поэты: «Ты царь: живи один».

Пройдет несколько десятилетий, и русская мысль догадается, что исток этой драмы в отношениях поэта и черни был того же религиозного свойства. И если поэт говорил о «Божественном глаголе», то его так и надо было понимать, и если уподоблял душу орлу, то знал, что читатель сам подставит с колыбели слышимое в храме «обновится, яко орля, юность твоя». Он возвращал слову его евангельскую силу и подлинность, со страшной простотой называя мир его действительным именем, почти не зная слова «или» и убегая от сравнения, чтобы никакое «как» не оскорбляло единичности жизни.

И станет ясно, что другой судьбы, кроме жертвенной, у такого поэта быть не могло.

Он обнял собою слишком многое в русском сердце, чтобы уже ослабленный, окончательно теряющий свою целостность мир не подыскал какого-нибудь случайного повода (дуэль была одним из лучших и «жанрово» наиболее соответствующим поэтической судьбе) и не устранил поэта. Судьба и история любят рядиться в одежды случайности, чтобы их не сразу узнали. История расставалась с цельностью, с единством земного и небесного, выбирая дорогу толпы. дорогу множественности, дорогу распыления человека и слова.

Проницательный В.В. Розанов как-то справедливо сказал, что, поживи Александр Сергеевич подольше, мы не разделились бы на славянофилов и западников. И биограф Пушкина А. Тыркова-Вильямс⁵: «проживи Пушкин дольше, его влияние удержало бы русскую интеллигенцию от многих заблуждений и ошибок». Да только то беда, что мы уже были готовы к этому делению, что целое уже мешало как укор, что его уже нельзя было удержать под напором теснившей личность индивидуальности, крепнувшей самости.

Замечательно это угадано и чудно просто выражено в четверостишии Н. Рубцова⁶, как в дивной эпитафии:

⁵ Тыркова-Вильямс А. Пушкин. – М.: Мол. гвард., 1998. – Т. 2. – С. 328.

⁶ Рубцов Н. Подорожники. – М.: Мол. гвард., 1976. – С. 183.

*Словно зеркало русской стихии,
Отстояв назначенье свое,
Отразил он всю душу России
И погиб, отражая ее.*

Он был подлинно зеркало единственное и умел удержать в одном себе «звук сладкий» и «клеветникам России», «молчи, бессмысленный народ» и «лица, полные отваги», «люди, жалкий род, достойный слез и смеха» и «долго буду тем любезен я народу», «пусть чернь слепая суетится» и «века старинной нашей славы», матушку Екатерину и бунтовщика Пугачева. И сколько было сил держал, «отстояв назначенье» со строгостью воина на посту.

Растерянное, смятенное «наше всё» (было сказано о нем А. Григорьевым) с детской верностью и мудрой полнотой. Мир торопился к специализации, к этим самым славянофилам и западникам, Толстому и Достоевскому, Некрасову и Майкову, Бальмонту и Блоку, к «нашим» и «не нашим», монархистам и революционерам. И повсюду и во всех, великих и малых, – к главному следствию распада и специализации – к эгоизму и честолюбию. Удержаться было ничего нельзя.

Как хорошо у того же В. Розанова⁷: «Пушкин и Карамзин... чувствовали себя детьми в отношении России и были оба ей послушны и чувствовали себя около нее чем-то маленьким и даже отнюдь не необходимым.., не «мужами рока и судьбы»... «А уж скоро, смеется Розанов, – Чернышевский и Благовещников почувствуют себя «судьбою России», и потом этого не остановишь. Да и только ли эти «малые сии»? Только ли разноточные учителя? А лучшие, величайшие? Толстой в «Исповеди» не может удержаться от вздоха: «Я наивно воображал, что я – поэт, художник и могу учить всех, сам не зная, чему я учу». А задыхающееся письмо Достоевского жене сразу после того, как он сказал свою «Пушкинскую речь» с его почти уж комической верой в целительную силу своего пророчества. Ни в каком сне никогда не увидишь в такой учи-

⁷ Розанов В.В. Когда начальство ушло. – М.: Республика, 1998. – С. 456.

тельной роли Пушкина, потому что он – в е с ь народ, вся вековая крепость России, вся ее душа, последний ее кристалл, который можно было только разбить, чтобы мир, наконец, мог без помехи сойти с дороги единства на гибельный путь разбегающихся частных, и потом уже только тосковать об утрате, как Адам об оставленном рае.

Александр Кушнер⁸ в одной из недавних книг великодушно улыбается: «Что ни поэт – то последний. Потом / Вдруг выясняется, что предпоследний...» А я вдруг подумал, что нет, не было у Александра Сергеевича наследника:

Наследника нам не оставит он.

Так улетай же! Чем скорей, тем лучше...

О, он это чувствовал! Всех обнимал, благословлял, всякого готов был впереди себя поставить, но, кажется, вместе с «Памятником» так свой путь и завершил, замкнул его этой великой стихотворной статуей, зная, что мир пойдет «другим путем».

Он был первый Поэт России. Он был ее последний Поэт. Он был золотой образец, явленный Богом миру как символ лучшего в русском сознании, русском языке, спасительном небесном единстве.

«Судьбы свершился приговор».

«Солнце русской поэзии закатилось...»

Дальше была только... великая литература...

⁸ Кушнер А. На сумрачной звезде. – СПб.: Акрополь, 1994. – С. 73.

Пушкин и мы

Александр Пушкин

Воспоминание

Когда для смертного умолкнет шумный день,
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

1828

Анатолий Чернышев

Предтечи и соратники

Мы привыкли вести отсчёт современной русской литературы от Пушкина. Как будто до него ничего не было. Не было ни Карамзина, ни Фонвизина, ни Крылова. Не было и золотого века Екатерины с мощным всплеском периодической литературы. Андрей Битов, председатель Российского Пен-клуба, договорился даже до того, что мы всем обязаны... Наполеону! Мол, победа над ним и взятие Парижа породили амбиции, которые и выплеснулись в русской словесности. Он заявил об этом публично: в «Литературной газете», на логотипе которой профиль Пушкина.

Какой же близорукостью надо обладать, чтобы не заметить золотого века Екатерины Великой, канцлер которой Безбородко говорил:

– Не знаю, как у вас, а при нас ни одна пушка в Европе не могла выстрелить без нашего ведома.

Ни одна пушка! Вот где они, амбиции, если на то пошло. И она же, Екатерина, – воистину великая – закладывала основы современной русской литературы и журнальной периодики. Я не говорю о Сумарокове, Тредиаковском, Ломоносове. Я говорю о литературе, почти триста лет сохраняющей свою актуальность: о Державине, Фонвизине, Крылове, Карамзине, Жуковском.

Чтобы сказать: «Я бог, я червь, я царь, я раб», – надо быть Державиным, или хотя бы обладать масштабом его мышления. О «Недоросле» Дениса Фонвизина даже светлейший князь Потёмкин сказал: «Умри, Денис, лучше не скажешь». А он знал жизнь не по литературе.

Да и сегодня Простаковы и Митрофанушки не вывелись ещё. И, похоже, не скоро выведутся.

Карамзинской «Историей государства Российского» зачитывалась вся образованная Россия. А о популярности Ивана Крылова и говорить не приходится: он и сейчас у всех на слуху. О Жуковском, отце русского романтизма, тонкой лирики, движения души, Белинский говорил: «Без Жуковского мы не имели бы Пушкина». Вот такие предтечи были у великого поэта, с которого мы привыкли вести отсчёт русской литературы.

Если французская поэзия, по словам Пушкина, вышла из кухни, то русская – из дворянских салонов. Да и как иначе, если сама императрица писала пьесы, подавая пример остальным. Увлечение литературой, задолго до Наполеона, было поголовное, породив такое явление, как частные типографии, журналы – литературная периодика

Пушкин никого не сбрасывал с корабля современности. Радищеву он даже посвятил свою статью.

А сколько благоговения и гордости в его словах:

– Старик Державин нас заметил!

Конечно, время неумолимо: что-то ветшает, выходит из моды. Тот же Державин. Но не по манере мышления, а по языку. Писатель отличается от писаря не почерком, а оригинальностью мысли. Гавриилу Романовичу оригинальности не занимать. И преклонение Пушкина перед ним вполне понятно.

Восторгался он и Карамзиным, его «Историей государства Российского».

– Даже дамы держат в руках журналы с его «Историей...» – отмечал он восхищенно.

Кстати, современники Пушкина первым писателем считали Карамзина, и, принимая эстафету служения литературе, Пушкин имел хороший задел своих предшественников. А они из своих салонов видели глубоко и масштабно. О чём мечтает Садко в подводном царстве, где перед ним выложены все богатства водяного царя?

*Что толку мне в том, что сокровищ полны
Подводные эти хоромы?*

*Увидеть бы мне хотя б зелень сосны!
Прилечь хоть на ворох соломы!*

*Хоть дёгтем повеяло б раз на меня,
Хоть дымом курного овина!*

А ведь это написано графом, представителем старинного дворянского рода. Написано так, будто он, Алексей Константинович Толстой, досконально знает и дым курного овина, и запах дёгтя, и сладость вороха соломы после долгого труда.

Пушкин, как губка, впитывал всё, наработанное русской культурой. И не только русской. Чтобы познать подлинники Библии, он серьёзно занимался древнееврейским и древнегреческим языками.

Знаменитый «Пророк» пришёл оттуда: из Библии, из «книги Исая».

Масштаб мышления Пушкина – потрясающ. Он видел не только «вещего Олега», но и «рабство, падшее по манию царя», хотя до отмены крепостного права ещё было почти полвека. И пало оно именно по манию царя, а не снизу, не по воле самих помещиков. Даже Герцен продал свои деревеньки вместе с крепостными и жил в Лондоне безбедно.

Пушкин знал Россию изнутри. Мы забываем, что он был не только поэтом, но и помещиком, и титулярным советником, и камер-юнкером царского двора. И живой совестью России, её животрепещущей историей, густо замешанной на великих событиях и явлениях. Он вошёл в наш век со своим окружением, где и Рогдай, воитель смелый, мечом раздвигавший пределы богатых киевских полей, и Пётр Великий, и Мазепа, и Борис Годунов, и самозванец Гришка, и Емельян Пугачёв, и хан Гирей, опустошавший набегами округу.

Отмечая годовщину «Бородина», мы назвали 2012 год годом истории. Пушкин в ней занимает почётное место. Он сам – живая история, вобравшая в себя всю русскую культуру с её древними рукописями и творениями своих близких предшественников – братьев по труду на ниве великой русской литературы.

Владимир Ястребов

**А.С. Пушкин и
К.Н. Батюшков**

*Аполлон дал чуткое ухо.
(К. Батюшков об
А. Пушкине)*

Александр Пушкин

К.Н. Батюшков
*Портрет работы
О. Кипренского. 1815*

Литературному критику Л.Н. Майкову, издавшему в Санкт-Петербурге 117 лет назад (в 1896 г.) книгу «Батюшков, его жизнь и сочинения», принадлежат замечательные слова: «художественная деятельность Батюшкова представляет замечательные начатки того, что получило полное осуществление в деятельности гениального Пушкина, потому-то Пушкин и признавал так открыто свое духовное родство с Батюшковым.

Великий преемник заслонил собою даровитого предшественника; но Батюшков не может быть забыт в истории русской художественной словесности. При свете солнца меркнет бледная луна; но в Божьем мире всему есть свой час и свое место».

Луна названа здесь как символ батюшковской жизни и сочинений совсем не случайно: путешествие Астольфа в лун-

ные пределы из «Неистового Роланда» было одним из любимейших мест Батюшкова в мировой литературе, а сама она – неперенный объект его поздних рисунков.

Константин Николаевич Батюшков родился 18 мая 1787 года в Вологде. Он принадлежал к старинному дворянскому роду.

К отцу А.С. Пушкина – Сергею Львовичу – знатоку французского языка и литературы, поэту, неперенному участнику любительских спектаклей, интересному собеседнику, остролову, и его жене – Надежде Осиповне, «прекрасной креолке», приезжали Дмитриев, Карамзин, Жуковский, Вяземский. Потом к ним присоединился и Батюшков.

Как и другие гости, он, конечно же, обращал внимание на затесавшегося среди взрослых курчавого мальчика, ловившего каждое слово собеседников. Но мог ли Батюшков тогда предполагать, что спустя какой-нибудь десяток лет этот мальчуган станет его учеником, а позднее – гордостью России. Последнего он так и не узнал, хотя пережил Пушкина на восемнадцать лет.

К.Н. Батюшков был на 12 лет старше А.С. Пушкина. Не раз видя в доме отца К.Н. Батюшкова, Пушкин полюбил «певца Эллады», вольнодумца.

Пушкин следил за его творчеством, находил в его стихах «гармонию очаровательную». Он, впрочем, следил и за поэзией своего времени.

В 1813–1817 гг. Пушкин испытал сильное воздействие эпикурейской, элегической и батальной лирики, а также сатиры Батюшкова, и в лицейские годы посвятил ему два послания: «К Батюшкову» (1814) и «Батюшкову» (1815).

Позднее они встречаются в литературном обществе «Арзамас», где Батюшков был под именем «Ахилл», на субботах Жуковского, у Олениных и общих петербургских знакомых.

Сохранился экспромт, посвященный дружескому собранию в Царском Селе 1 сентября 1817 г. Его содержание живо передает непринужденное веселое настроение участников:

Пушкин:	<i>Я дружбой пламенею, Я дружбе верен стал.</i>
Батюшков:	<i>Мне дружба заменяет Умершую любовь.</i>
Жуковский:	<i>Пусть жизнь нам изменяет, Что было, – будет вновь.</i>

В октябре 1817 г. Батюшков и Пушкин в Царском Селе провожали Жуковского в Дерпт. Высоко оценив дарование юного Пушкина, Батюшков с интересом следил за его развитием. Маленькому Пушкину скажет он: «Аполлон дал чуткое ухо». В мае 1818 г. он отзывался о «Руслане и Людмиле»: «Молодой Пушкин пишет прелестную поэму и зреет».

П.В. Анненков в «Материалах для биографии А.С. Пушкина» отмечает, что Батюшков, прослушав песни из «Руслана и Людмилы» Пушкина, «с изумлением смотрел, как антологический род поэзии, созданный им на Руси, легко и непринужденно подчиняется перу молодого человека...»

В этой же книге Анненков без ссылки на источник приводит еще один характерный факт: «Рассказывают, что Батюшков судорожно сжал в руках листок бумаги, на котором читал пушкинское «Послание к Юрьеву» («Поклонник ветреных Лаис», 1818), и проговорил: «О! Как стал писать этот злодей!»

Следуя творчеству Батюшкова, Пушкин быстро достигает успехов и превосходит своего учителя. Примером может служить стихотворение 1816 г. «Певец» («Слыхали ль вы за рощей глас ночной Певца любви, певца своей печали?»). Поэтический гений Пушкина ищет новых путей и преодолевает старые традиции в разных направлениях. Это со всей определенностью проявляется со второй половины 20-х годов в тематике, жанровых формах и языке пушкинских произведений. «Искусство в описаниях, яркость в выражениях и сила в мыслях», – одно из направлений развития поэзии и ее языка, по мнению Пушкина (1836).

В послании «Батюшкову» Пушкин обращается к поэту: «Пой, юноша! Певец Тииский...» По-видимому, он не знал,

что в это время Батюшкову было 28 лет и он как раз переживал тяжелое душевное состояние.

Это не помешало ему искать знакомства со своим гениальным учеником. В начале февраля 1815 г., когда Пушкин находился в лицейском лазарете, его навестил Батюшков. Пушкин, вероятно, был очень удивлен, когда увидел грустные и странные глаза этого мнимого эпикурейца, у которого ум был уже занят темой статьи, им вскоре написанной, «Не-что о морали, основанной на философии и религии», а сердце – элегиями, в коих он оплакивал свою неразделенную любовь.

Вскоре после той встречи появляется стихотворение «Батюшкову».

Батюшкову казалось опасным увлечение Пушкина светскими обычаями, и он советовал А.И. Тургеневу его «запереть в Геттинген и кормить года три молочным супом и логикою... но да спасут его Музы и молитвы наши!» В 1817 г. вышел в свет первый сборник произведений Батюшкова «Опыты в стихах и прозе», которому суждено было стать единственным. Поэт рассматривал его как итог своего поэтического творчества. Слабое здоровье Батюшкова и «ипохондрия» заставили друзей в 1818 г. хлопотать о причислении его к Министерству иностранных дел, чтобы он мог поехать для лечения в Италию. Хлопоты увенчались успехом. В честь проводов Батюшкова было устроено дружеское застолье в Царском Селе. Италия не помогла Батюшкову. Душевная болезнь прогрессировала. Пророчески звучат его слова: «Я похож на человека, который дошел до цели своей, а нес на голове красивый сосуд, чем-то наполненный. Сосуд сорвался с головы, упал и разбился вдребезги. Поди узнай теперь, что в нем было». И скажет с глубокой скорбью: «Меня уже нет».

Печальное известие о болезни Батюшкова достигло и Михайловского. Глубокая тревога звучит в письме Пушкина брату 21 июля 1822 г.: «Мне писали, что Батюшков помешался: быть нельзя; уничтожь это вранье». Обращаясь к К.Ф. Рылееву 25 января 1825 г., поэт с грустью вспоминает о

трагической судьбе Батюшкова: «Уважим в нем несчастья и несозревшие надежды». В наброске статьи 1824 г. Пушкин писал: «Батюшков, счастливый сподвижник Ломоносова, сделал для русского языка то же самое, что Петрарка для итальянского».

В 1828 г. Пушкин сказал о своем стихотворении «Муза»: «Я люблю его – оно отзывается стихами Батюшкова». Пушкин в своем послании В.Л. Пушкину называет Батюшкова «русским Буффлером», имея в виду легкое изящество и остроумие ранних стихотворений Батюшкова (Буффлер Станислав (1738–1815) – французский поэт).

Имя Батюшкова в истории русской поэзии стоит рядом с именем В.А. Жуковского. Батюшков – один из основателей русского романтизма. В своем творчестве он отдавал предпочтение жанрам элегий, посланий, исторической элегии. В то же время различия между поэзией Жуковского и Батюшкова разительны. У Жуковского – смутное томление по чему-то возвышенному, тоска по заповедному и запредельному. У Батюшкова – вполне земные чувства, выраженные динамично, зримо, ярко. Античный колорит придал лирическим переживаниям Батюшкова яркость, праздничность, театральность, единство с внешним миром и внутреннюю цельность. Его считают главой анакреонтического направления в русской лирике. Не найдя в современном ему обществе гармонии ни внутри человека, ни в его отношениях с реальной действительностью, Батюшков создает ее силой поэтической фантазии. Его задача состоит не в том, чтобы извлечь поэзию из реальности, а в том, чтобы «оземлить», «опредметить» чувство, окружить его природными и даже бытовыми деталями.

Поэзия Батюшкова вызвана глубоким разочарованием и неудовлетворенностью сущим. Вследствие этого «земной» мир в лирике Батюшкова совсем не тождествен и не равен реальному.

Подлинно гармоничный человек в поэтическом воображении Батюшкова бурно проявляет свои чувства, с радостью

предается чувственным наслаждениям и целиком поглощен всеохватывающей страстью, которая овладевает им. В стихотворении «Элизий» он говорит:

*О, пока бесценна младость
Не умчалася стрелой,
Пей из чаши полной радость
И, сливая голос свой,
В час вечерний с тихой лютней,
Славь беспечность и любовь!..*

Поэт воспевает радости земной жизни, свободу личности, дружбу, любовь, нежность.

Приведем ставшие уже афоризмом слова Батюшкова из стихотворения «Мой гений»:

*О память сердца! ты сильнее
Рассудка памяти печальной,
И часто сладостью своей
Меня в стране пленяешь дальней.*

Однако личная жизнь Батюшкова трагична. Страшная трещина прошла почти по самой середине жизни поэта. На одной ее стороне остались 35 лет, вобравших в себя рождение, становление и расцвет яркого поэтического таланта, на другой его ждали 33 года страданий больного ума.

В той, первой половине были воспитание в частных пансионах и в семье двоюродного дяди Михаила Николаевича Муравьева, отца декабристов, служба в канцелярии Министерства народного просвещения, первая публикация стихов в 1805 г., через два года – участие в походе русских войск в Пруссию, затем в войне с Швецией, мирная жизнь в сельце Хантонове, что на Новгородчине, знакомство в Москве с Карамзиным, дружба с Жуковским, Вяземским, В.Л. Пушкиным и служба в Петербурге.

Почти от самой колыбели он был лишен материнских попечений: через некоторое время после рождения сына Александра Григорьевна Бердяева – мать Батюшкова (первый брак отца) лишилась рассудка и скончалась вдали от де-

тей, в Петербурге 21 марта 1795 года. К. Батюшкову не было тогда и 8 лет. От этого брака было у отца четверо дочерей: Александра, Анна, Елизавета, Варвара и сын – Константин.

Когда началась Отечественная война 1812 г., Батюшков, получивший ранение в ногу еще во время прусского похода и вышедший в отставку за два года до вторжения Наполеона в Россию, идет в армию добровольцем, становится адъютантом генерала Раевского, героя многих битв, доходит вместе с русскими войсками до Парижа. В мирные годы Батюшков почти целиком отдается литературному творчеству. Он становится главой так называемой «легкой поэзии». Радостное восприятие жизни приходит, однако, в столкновение с реальностями бытия. Опустошительные войны, массовая гибель людей, реки крови, которые он видел, горечь неразделенной любви, которую он изведal, – все это вносит в поэзию Батюшкова мотивы грусти и сомнения. А формой для такого содержания становятся исторические и философско-психологические элегии.

Его «Разлуку» Пушкин считал «прелестью»:

*Напрасно покидал страну моих отцов,
Друзей души, блестящие искусства,
И в шуме грозных битв, под тению шатров
Старался усыпить встревоженные чувства.
Ах! небо чуждое не лечит сердца ран!..
... Напрасно: всюду мысль преследует одна
О милой, сердцу незабвенной,
Которой имя мне священно,
Которой взор один лазоревых очей
Все неба на земле блаженства отверзает
И слово, звук один, прелестный звук речей
Меня мертвит и оживляет.*

По поводу «Тавриды» Пушкин писал, что она «по чувству, по гармонии, по искусству стихосложения, по роскоши и небрежности воображения – лучшая элегия Батюшкова».

В программном стихотворении «Мои пенаты» Батюшков противопоставил частный, интимный быт и личный строй

чувств господствующему быту своего сословия с его «низкими» страстями. Герой намеренно отчуждается от привычной среды и ищет ценности, лежащие вне ее.

Новаторство Батюшкова заключается в том, что он первым в русской литературе создал «лирического героя», который отнюдь не отождествляется с автором, он пытался приблизить литературный язык к разговорному и, наоборот, смело применял звукопись, краткие причастия и прилагательные. Эти и многие другие художественные приемы и принципы просто не мог не заметить юный А.Пушкин. Курчавый юноша из Царского Села не только высоко ценил талант Батюшкова, о чем особенно свидетельствуют его два стихотворных послания 1814 и 1815 годов, но и учился у него, подражал на первых порах.

После 1812 г. Батюшков почти прекратил свое сотрудничество с «Вестником Европы», Это подметил Пушкин:

*Философ резвый и пиит,
Парнасский счастливый любимец...
...Почто на арфе златострунной
Умолкнул, радости певец?...
Любовь и Вакха не поешь...*

На самом деле, в последних стихах Батюшкова не было прежней радости. Все та же античная грация стиха, но грусть и сомнение.

Батюшков был кумиром юности Пушкина, поэтому Пушкин обращается к нему со страстным призывом:

*Поэт! в твоей предметы воле
во звучны струны смело грянь,
С Жуковским пой кроваву брань...
...Иль, вдохновенный Ювенолом,
Вооружись сатиры жалом,
Подчас прими его свисток,
Рази, осмеивай порок...*

Когда Пушкин шутил над своими товарищами – лицейскими поэтами (Дельвигом, Кюхлей, Илличевским), это вы-

зывало смех или обиды местного масштаба. А здесь «безвестный в мире сем поэт» дает публичный совет признанному, всеми любимому поэту и очень ранимому человеку, Батюшкову, да и напоминает мэтру о его предназначении:

*Играй; тебя молодой Навон,
Эрот и грации венчали,
А лиру строил Аполлон.*

К.Н. Батюшков уже в феврале 1815 г. приехал в Лицей для встречи с Пушкиным. Стихотворение Пушкина было напечатано в сокращенном виде, опущенная часть содержала резкую критику, остроумную атаку на эпигонскую и графоманскую поэзию Хвостова и Висковатова. Одному он предсказывает (как Батюшков в стихотворении «Видения на берегах Леты») забвение внуков, а второму советует сказать, что он «невпопад, // Уродов выставил на сцену, // Визжать заставил Мельпомену» и здравый смысл поставил вверх дном,

О чем говорил вернувшийся из заграничного похода Батюшков, не успевший снять мундир, с юным коллегой, неизвестно. Кажется, Батюшков посоветовал Пушкину взять не свирель, а громкую лиру или трубу.

Но тот еще в 1813 г. в стихотворении «К Наталье» сказал:

*Не люблю я бранный гром:
Шпага, сабля, алебарда
Не тягчат моей руки
За Адамовы грехи.*

Видимо, следствий этой встречи поэтов будет много. Во втором послании «Батюшкову» (1815) юный стихотворец не заставит ждать ответа:

*...Бреду своим путем:
Будь всякий при своем.*

Последнюю строку, позаимствованную у Жуковского и лишь слегка переделанную, шестнадцатилетний лицеист подчеркнул.

А через полтора десятка лет Пушкин – редактор, Пушкин – критик пройдет по второму тому «Опытов в стихах и про-

зе» Батюшкова, изданных в 1817 г., быстрым карандашом, и на полях многих страниц запестрят восклицания «прекрасно», «прелесть», «гармония», «сильное, полное и блистательное стихотворение», «очень мило», «вот батюшковская гармония», перемежаясь, однако, с убийственными «вяло», «неудачный оборот и дурные стихи», «темно», «черт знает что такое», «что за детские стихи», «дурно», «какая дрянь», «пошло», «слабо»...

Некоторые же строфы карандаш и вовсе зачеркнет. Впрочем, этот критический разбор Пушкин не опубликовал: было бы жестоко кидать камешки в огород поверженного наследственной болезнью поэта, который не мог ответить на критику.

Известно очень немного о том, как Батюшков оценивал пушкинский поэтический дар, кроме уже приведенного эпизода, описанного П.В. Анненковым. Гораздо больше известно об отношении Пушкина к Батюшкову.

Помимо двух посланий, фамилия Батюшкова то и дело попадает в письмах и статьях Пушкина. В 1822 г. и 1825 г. он отзывался о болезни Батюшкова. Пушкин признавался, что ему приснились два стиха, а остальное он дописал – так родилось стихотворение «Лицинию». «Перевод с латыни», – на всякий случай приписал поэт.

Самая серьезная попытка обратиться к своему кумиру будет сделана им в стихотворении «Тень Фонвизина» (1815) очень скоро. Он понимал, что Державин стар, и, вплетая голос свой в хор лучших российских поэтов, Пушкин сам судит хвостовых, шахматовых, шишковых. А русский Парни «несравненный»:

*Он только пьет, смеется, спит
И с Лилой нежится молодою,
Забыв совсем, что он поит»...
«Так я же разбужу повесу», –
Сказал Фонвизин, рассердясь,
И в миг отдернул занавесу.
Певец, услыша вещей глас,*

*С досадой весь в пуху проснулся (...)
(...) И снова крепким сном заснул.*

Пушкин еще надеется, что Батюшков услышит его голос:

*«Когда Хвостов трудиться станет,
А Батюшков спокойно спать,
Наш гений долго не восстанет,
И дело не пойдет на лад».*

Пушкина слышали «Арзамасские гуси» (т.е. члены литературного кружка «Арзамас», выступавшие против сторонников классицизма и входивших в лит. общество «Беседы любителей русского слова»), они с восторгом приняли сатиру на «Беседчиков», в пику которым и родился «Арзамас». Стихи Пушкина цитировали, знали наизусть. Он становится известным поэтом, сам этого еще пока не желая. Когда Дельвиг послал его первое стихотворение в журнал, поэт даже сожалел:

*Еще хоть год один
Позволь мне полениться
И негой насладиться,
Я, право, лени сын!
Я там, где нет охоты,
Но придут уж заботы
Со всех ко мне сторон:
И буду принужден
С журналами сражаться,
С газетой торговаться
С Графовым восхищаться...
Помилуй, Аполлон!*

Провидению Пушкина мы не перестаем удивляться. В его судьбе сбылось почти все, что он предсказал. И в ранних стихах он словно читает книгу своего бытия. Не случайно многие пушкинисты видели в Лицее «начало всех начал» его зрелого творчества.

В стихотворении 1819 г. «Царское Село» тоже слышны отголоски встречи с Батюшковым:

*Другой пускай поет героев и войну,
Я скромно возлюбил живую тишину.
И, чуждый призраку блистательному славы,
Вам, Царского Села прекрасные дубравы,
Отныне посвятил безвестной музы друг
И песни мирные, и сладостный досуг.*

Однако два последних года пребывания в Лицее в поэзии Пушкина, как и в стихах Батюшкова, будут преобладать элегические настроения, грусть, мысли о бренности бытия, тоска, разлука, слезы.

Вторая половина жизни Батюшкова – период его тяжелой душевной болезни. Начальные проявления уже давно давали о себе знать: «ипохондрия», мучительное раздвоение личности, неустойчивость настроения.

Это раздвоение он зафиксировал в набросках, не предназначавшихся для чужих глаз: сегодня жизнерадостен, завтра угрюм; сегодня добр, завтра отчаянно мстителен; сегодня видит вокруг одни радости и приятности – завтра мир для него беспросветен. Однажды Батюшков этот набросок записал в черновую тетрадь и сам не предполагал, до чего был прав. Раздвоение мучило его и впредь – между ним и его лирическим героем бездна: герой свободен от тех комплексов сомнений, угрызений, которые терзают автора.

Острые проявления болезни начались во время его пребывания в Крыму, в Симферополе в 1822 г., когда у него отмечались галлюцинации, бред.

С тех пор он пациент больниц для душевнобольных в Саксонии (г. Зонненштейн), где лечился 4 года, но улучшения не было. В 1828 г. его привезли в Москву и поместили в небольшом домике в Грузинах, в переулке Тишине под наблюдение доктора А. Дитриха и под надзором старой любящей его покровительницы – тетки Е.Ф. Муравьевой. Несмотря на неизлечимую болезнь, Батюшков числился на службе по министерству иностранных дел. В 1833 г. уволен со службы, ему назначена пенсия 2000 рублей. В том же году его привезли в Вологду, где поместили в семье племянника А. Гре-

венса. Лечащим врачом его долгое время был доктор А. Дитрих, оставивший подробную справку о заболевании Батюшкова и о нем самом (на немецком языке). Дитрих «... видел причины его болезни в том, что Константин Николаевич унаследовал от своих родителей и предков некоторые болезни, предрасполагающие к умопомешательству, а частично – в его собственном душевном складе, в котором воображение брало решительный перевес над рассудком».

Мы уже говорили о болезни его матери, а в 1829 г., заболела тою же болезнью его сестра – А.Н. Батюшкова.

Однако укоренилась легенда о том, что причиной болезни Батюшкова была несчастная любовь. Несчастливая любовь действительно имела место – он страстно полюбил Анну Федоровну Фурман – воспитанницу Елизаветы Олениной. Фурман ему взаимностью не отвечала. Через Е.Ф. Муравьеву Батюшков заручился согласием на брак Олениных, искренне желавших видеть свою любимицу замужем за близким человеком. Дала свое согласие и Анна Федоровна, но очень скоро Батюшков убедился, что это решение продиктовано не взаимным чувством, но волей опекунов. «Не иметь отвращения и любить – большая разница. Кто любит, тот горд», – объяснил он годом позже Е.Ф. Муравьевой причину разрыва. В любви у него проявилась та же двойственность: Батюшков мог, вполне мог бы добиться полной взаимности – но неуверенность в себе и страх ответственности за чужую судьбу остановили его. Он не то чтобы гордо пожертвовал любовью – он отступил. И в этом был признак той болезни, что зовется страхом перед реальностью.

В долгие годы болезни – 33 года – он написал немало картин, рисунков. Они отличаются какой-то сновидческой свободой; какой-то лунный призрачный свет во всем, любимые им лошади ходят по лугам, то ли дневным, то ли ночным. По словам Л. Майкова, «Он пишет ландшафты. Содержание их одно и то же. Это элегия или баллада в красках: конь, привязанный к колодцу, луна, дерево, более ель, иногда могильный крест, иногда церковь». Их дарит Батюшков тем, кого особенно любит, всего более детям.

Сам Батюшков писал о себе в годы душевной болезни:

*Премудро создан я, могу на вас сослаться.
Могу чихнуть, могу зевнуть,
Я просыпаюсь, чтоб заснуть,
И сплю, чтоб вечно просыпаться.*

Об этих стихах говорили – «последний луч таланта пред кончиной».

После встречи с больным Батюшковым Пушкин написал знаменитое «Не дай мне Бог сойти с ума». По одним данным, их встреча состоялась в Москве 3 апреля 1830 г. в Грузинах, по другим – в Вологде, где Пушкин был проездом. Батюшков не узнал Пушкина. Когда на другой день его повели к утрени, заплакал. «И был он мертв для внешних впечатлений...» – с грустью скажет П.А. Вяземский.

Первый приступ душевной болезни Батюшкова многие авторы приписывали неразделенной любви. В те годы для мужчин одним из решительных способов лечения в подобных случаях признавалась физическая близость с женщиной. Такой метод лечения врачи рекомендовали и Батюшкову.

В.Ф. Вяземская (жена поэта П.А. Вяземского, именовавшая Пушкина своим приемным сыном), принимавшая большое участие в судьбе больного Батюшкова, намеревалась привлечь для этого за вознаграждение какую-то девушку. П.Вяземский категорически воспротивился этому. В своем письме 4 июня 1832 г. из Петербурга В.Ф. Вяземской он писал: «Только что-то грешно прививать девушку к сумасшествию. Каково, если он не получит пользы, а она сойдет с ума? Это как-то глава из Бальзака. Нет, по мне, решительно не должно делать того. Таким образом можно допустить, что позволено вредом одного помогать другому. Но кто решит здесь, кто тот, который должен быть в виду. Для нас, разумеется, Батюшков, но в общем смысле, или счете, и девушка та же единица, Как ни говори, а это безнравственность и не позволительная. Не мешайся, если ты уже не начала переговоров. Одна любовь может оправдать такую жертву, но вов-

лечь в нее за деньги просто преступление». Тогда экзальтированная Елизавета Михайловна Хитрово (дочь фельдмаршала М.И. Кутузова-Смоленского, известная поклонница Пушкина), исполненная жалости к Батюшкову, предлагала для этой цели себя.

В том же письме П.А. Вяземского вложена записка Пушкина на французском языке: «Сейчас от Хитрово. Она как нельзя более взволнована состоянием Батюшкова. Она с самоотверженностью, поистине изумительной, предлагает сама явиться к нему, чтобы испытать последнее средство».

Умер К.Н. Батюшков 7 июля 1855 г. в Вологде от «тифозной горячки». Погребен 10 июля 1855 г. в Спасо-Прилуцком монастыре, в 5 верстах от Вологды.

Говоря о взаимосвязи Пушкин – Батюшков, нужно еще раз подчеркнуть, что Батюшков много способствовал формированию Пушкина таким, каким мы его знаем.

Валерий Болтунов

**Книга «Живой Пушкин» П.Н. Милюкова
и поминальный юбилей 1937 года**

***10 февраля, день памяти
Александра Сергеевича Пушкина***

*«Это мы уславливаемся, каким именем
нам аукаться, как нам перекликаться
в надвигающемся мраке».*

Владислав Ходасевич, 1921 год

Из тех ста или более работ о Пушкине, что были изданы первой русской эмиграцией, самой известной и значимой стала книга Павла Николаевича Милюкова «Живой Пушкин». Это признавали сами авторы тех, других работ, такие известные поэты и литературоведы, как Г.В. Адамович, Н.К. Кульман или В.Ф. Ходасевич.

Милюков долго был у нас известен только как лидер кадетской партии, которой приписывали однозначно умеренно-либеральную, промонархическую линию в русской буржуазной революции [2, 3]. В суть его политической деятельности мы не будем вникать, хотя бы по той причине, что Милюков на протяжении всей долгой жизни был ещё и учёным-историком, написал трёхтомную «Историю русской культуры», потом отдельно «Энциклопедию русской православной культуры» и много других книг – «Главные течения русской исторической мысли», «История второй русской революции» и т.д.

Взявшись за биографию А.С. Пушкина по случаю 100-летия памяти поэта в 1937 году, Милюков особо не обозначил политические пристрастия прошлых лет и нынешнего его эмигрантского окружения при толковании фактов жизни Пуш-

кина и умственного направления его произведений. Однако есть суждения, и довольно резкие, по поводу политической ангажированности автора, отразившейся на его историко-биографическом очерке [8, 9]. Имеет место преувеличение значимости политической деятельности эмиграции, в частности, некогда влиятельной кадетской партии и её лидера. А более всего бросается в глаза желание использовать имя Пушкина в мнимых заговорах, якобы тянувшихся уже целое столетие и апофеозом которых стала деятельность Пушкинского комитета в 1937 году. Заметим, если трения на политической почве и были тогда в организационном комитете, то в интерпретации исследователей 90-х годов эти разногласия приобрели характер политической возни вокруг ушедшего в историю столетия памяти поэта. Можно предположить, что через шестьдесят с лишним лет это кому-то понадобилось.

Столетие печального события получило, пусть не покажется это странным, смысл «праздника», «юбилея» для всей зарубежной России, – так называли себя изгнанники первой русской эмиграции. Для них эта дата стала поводом к заявлению о себе как о носителях великих духовных традиций, утерянных на родине при советском режиме.

Эмиграция, как уже замечено, не была политически однородной, поэтому мероприятия в Париже и других городах Европы стали в какой-то степени событием объединяющим. Посольство Советской России во Франции предложило эмигрантскому оргкомитету совместное «празднование», но большинство в нём высказалось против, разглядев в этом чекистскую провокацию, которая бы усилила идейный раскол эмиграции. В самом деле общей платформы для «празднования» не существовало: в большевистской России идеологической пропагандой Пушкин к столетию события 1837 года был представлен как кондовый борец с самодержавием.

Да и возможно ли было русской эмиграции «слиться в экстазе» с представителями большевиков по поводу Пушкина-борца с деспотизмом, если в то же самое время на его родине осуществлялся чудовищный террор в отношении

народа? Более позорного фарисейства в Париже трудно было бы представить! В Советской же России такое было как раз характерно для пушкинистики, и во многом это фарисейство сохранилось до наших дней в праздновании различных Дней Пушкина в России. На стыке веков несколько раз только прозвучал призыв «прорыва Пушкина в современность» [5, С. 133]. Прорыв действительно необходим, чтобы уйти от Пушкина-«бронзового истукана», от дежурных панегириков по датам его рождения и смерти, и такая необходимость обусловлена, прежде всего, состоянием нашей духовной культуры.

И хотя книга П.Н. Милюкова (по отзыву Г. Адамовича) «редко и бегло касается творчества поэта, будучи по замыслу ограничена его жизнью», «живой» Пушкин может стать тут отправной точкой для раздумий о серьёзных проблемах современности. Потому что и это, даже «беглое касание», сосредоточено у Милюкова на самых важных смыслах, объединяющих представление о судьбе поэта с замыслами его произведений.

Милюков подчёркивал, что отталкивался от «Пушкина в жизни» В.В. Вересаева, составленного по фактам из жизни поэта и по воспоминаниям современников и, казалось бы, также соответствующего ему «живому». Но, по Милюкову, эта книга соответствовала больше *жившему* когда-то поэту, чем ныне *живущему* в умах и сердцах. Поэтому название его книги и формула – «живой Пушкин» – наиболее точны, отвечают современному взгляду на личность поэта не только как на памятник, но как на живое общественное явление.

М. Филин видит главную особенность пушкинистики Милюкова в либерализме, и стилистика его обвинений такова: «... книга П.Н. Милюкова являла собою образчик методологически безупречного применения коллекции либеральных постулатов и тактических приемов». Но сами «приёмы» автор предисловия к книге не раскрывает. Особенность книги свелась к следующему: «основным содержанием жизни Пушкина была его перманентная борьба за личную свободу, за «самостоянье». Эта *политическая борьба* привела к «по-

гибельным узлам», затянувшимся на Пушкине [4, С. 213]. Но, на наш взгляд, личная свобода, пушкинское «самостоянье» не имеет ничего общего с либерализмом в толковании М. Филина и приведённого им В. Леонтовича. Если не брать во внимание «либеральные бредни» молодого Пушкина, в которых он потом «закалялся» [6, С. 79], то его свобода, начиная со строк «духовной жаждою томим», есть *свобода духовная*. Только она определяет «самостоянье человека, залог величия его». И в книге Милюкова Пушкин – человек, гений в условиях именно такой несвободы, а не политической. Соответственно этому – понимание творческого наследия поэта.

«Жажда» духовной свободы не противоречила «постепенному дрейфу вправо» Пушкина. Согласимся, что было обольщение словами царя после ссылки, и верно, что после аудиенции с Николаем в Кремле поэт постепенно шёл к убеждению в органичности самодержавия для России. Что касается *узла* по Милюкову, то его «не сам затянул на себе Пушкин», но Судьба, – но с этой категорией жизнь поэта в книге никак не увязывается.

В статьях Филина имеет место желание приписать Пушкина к определённом идеологическому лагерю, оторвав от милюковского, и внести в связи с этим в пушкинистику целую конспирологию. Отсюда, книга Милюкова *«лукавое сочинение»* [8, С. 20], т.е. она у него что-то утаивает. На поверхности же вождь либерализма у Филина «пошел на все, дабы выполнить поставленную задачу и записать поэта в партию “прогрессистов”, в свою партию: он не только замалчивал невыгодные факты, но и сокращал цитаты до нужных ему размеров, а когда не помогло и это, стал попросту фальсифицировать пушкинские тексты... Ученый П.Н. Милюков подделывал Пушкина, подделывал таким образом, что смысл высказываний поэта менялся на противоположный, “либеральный”» [8, С. 19]. Суждения безосновательны, ничего подобного в книге нет, аргументы же, вроде тех, что говорят о намеренном сокращении Милюковым цитат из Пушкина, слабы.

Но Филин последовательно, как он думает, выстраивает своё толкование «политической подкладки» книги: «27 фев-

раля состоялось научное заседание, организованное редакцией журнала “Современные Записки”. С докладом “Государство и общество в их отношениях к Пушкину” выступил П.Н. Милюков. Многие положения этого доклада были заимствованы из его книги “Живой Пушкин”; несложные подсчеты показывают, что это была уже четвертая попытка лидера парижских либералов выставить поэта предтечей кадетов» [8, М. 24].

«Своего» Пушкина Филин проповедует через отрицание либерализма, повинного, по его мнению, в российской катастрофе 1917 года, без какой-либо скидки на состояние либерализма в году 37 и уже вне России. Но демократы конца века – назовём уж филиновских либералов-«прогрессистов» своим именем – ни в какое сравнение не идут с теми же кадетами по искренности своих намерений, не надо только последним приписывать заговорщицкий характер. Филин, как и другие импер-консерваторы, проповедует национал-патриотический путь для России и согласен называть российскую вертикаль, зарождающуюся в конце века, близкой к самодержавию. Филин стал «подсвистывать» ей уже в 1997 году. И из охранительных побуждений не стал теперь ругать и лживую пушкинистику советского периода, отойдя от своего мнения 1989 года.

А ведь заметь Филин, что Пушкин был против не самодержавной, а полицейской власти, претендующей и на духовный мир человека, ограничивающей свободу собственного мнения, тогда и вывод его прозвучал бы громким протестом как раз против псевдолиберализма власти в России конца XX века, прозвучал бы отказом от духовного смирения перед новоявленным злом – новым «чудищем обло». Тогда и заключительные слова предисловия к «Живому Пушкину» Милюкова были бы понятны, они – не о духовном смирении перед воровской светской властью: «Не о сражениях вещал зрелый Пушкин, но о *мудром приятии жизни как неотклонимого Божественного дара*. И в этом постижении, в этом *смирении* перед прошлым, настоящим и вечным заключена

высшая елико возможно свобода человека» [9, С. 16]. (*Курсив мой.* – В.Б.). Это можно было продекларировать и без обвинений в адрес Милюкова и либерализма вообще, без связи с именем Пушкина.

В следующей своей публикации, касающейся также столетия памяти Пушкина, Филин развивает взгляд на состояние пушкинистики, отличный от жёсткой и нелицеприятной оценки его статьи 1987 года. Своему же мнению о «прискорбном и едва ли не самом мощном и безнравственном векторе современной науки о Пушкине» он противопоставляет в 1999 году вроде бы безобидную теорию «нерасторжимости текста и комментария к нему». Начальный посыл таков: «Пушкин, громадное явление русской истории и одна из вершин русской мысли, произвел на свет огромную литературу о себе, и он неотделим от этой литературы, от Пушкинианы». А далее эту Пушкиниану пытается препарировать: «Разумеется, речь идёт о литературе особой, избранной, о высоких взлётах мысли, интеллектуальных откровениях, *в лучших своих образцах даже конгениальных творчеству нашего поэта*» [8, С. 16]. (*Курсив мой.* – В.Б.).

Вопрос – кто определит эти «лучшие образцы» в пушкинистике и даже их «конгениальность» Пушкину? Все грамотные суждения, самые различные – лишь бы они не были конъюнктурными – лежат в поле герменевтики, толкования не лукавого, но искреннего, пусть и подверженного заблуждениям. А заблуждения, как заметил Л.Н. Толстой, имеют свою «энергию заблуждения», которая подталкивает мысль к развиту.

Но Филин берётся, конечно, сам оценивать, что лежит вне «образцов» и что необходимо, выкинуть из Пушкинианы как «псевдопушкиниану». Так, он пишет: «уровень парижских публикаций заметно уступал» тем «главным трудам о Пушкине», что были опубликованы в том же году в других местах. В своих изменившихся политических пристрастиях (теперь – в неприятии милюковского либерализма) он уже не помнит, что когда-то Пушкиниана первой русской эмиг-

рации воодушевляла его на изменение «безнравственного вектора современной науки о Пушкине» и «пошлого лицедейства» Пушкинских праздников. Именно безнравственность конъюнктуры и лицедейство в общественно-политических интерпретациях творчества поэта ставят последние вне пушкинистики.

Статья о пушкинистике, как предисловие к сочинениям Пушкина, превратилась в политический фельетон, весьма далёкий от «пушкинософии» даже в понимании Филина. Обвинения в адрес «либерально-масонских “пушкинистов”» (заметим, пушкинисты уже взяты в кавычки) раскручиваются по сюжетам советских судов страшного 37-го года. Они звучат как политический донос, посланный назад в историю. Судите сами: обвиняя Пушкинский комитет в отказе от сотрудничества (по существу – покровительства) со стороны большевиков в лице своих дипломатических представителей во Франции, автор называет «их антисоветское упрямство... очередным *антирусским* маневром» [8, С. 14]. Недалеко от обвинений в прямом национальном предательстве, кому? – дореволюционной России, во второй раз после 17 года. Филин пишет: «Так было в начале нынешнего столетия, то же самое случилось и в конце века. Продолжающаяся, несмотря ни на что, русская история тем самым доказывает неукорененность, заемность отечественного либерализма, его чуждость и духу нации, и строю государства» [8, С. 23].

Вызов Филина объясним «либерализмом» бандитских 90-х в России. Последующее *свободно-воровское* десятилетие при жёсткой властной вертикали, возможно, отрезвило его, вернуло в пушкинистике на «путь, который должен привести к полной и подлинной реконструкции науки о Пушкине, к освобождению её от пут вульгаризаторства. Путь, ведущий к обогащению нашей культуры... в конце которого непременно откроется несостоятельность многих догм, выпестованных иными «голыми королями» лжепушкиноведения, вчерашними и сегодняшними» [7].

Тогда «голые короли» во власти пусть до поры до времени тешат себя *своей «свободой»*, но разговор о них – вне пуш-

кинистики, они ей не интересны. Так же и с понятием либерализма: полезно отделить кадета Милюкова от либералов ельцинского периода, из-за которых всё перевернулось в представлениях Филина, размахивающего при этом именем Пушкина как флагом.

Вряд ли это «символично, – как он считает, – что именно на Пушкине “прогрессисты” проиграли окончательно, уйдя вскоре в небытие как политическая сила. Их неудача – хороший методологический урок для всех “арендаторов” любых партий. К сожалению, уроки на Руси испокон веку усваиваются неважно».

К данному пассажи автор даёт такую сноску: *«Достойно внимания, что с пушкинским юбилеем связаны и важнейшие политические сдвиги в Советской России. Случайно или нет, но 1937 год стал там годом фактического окончания “интернационального” этапа советского периода русской истории. Над такими “странными сближениями” не мешает и поразмыслить, но это – особая и сложная тема, требующая специального исследования и исследовательского мужества»* [8, С. 28]. Жаль, что Филин не решился здесь на «исследовательское мужество» (всё равно, он уже много написал не по теме, не к предисловию издания сочинений поэта). А то бы он многое открыл нам в истории перехода от интернационального к национальному в год массового террора в России. (*Курсив мой. – В.Б.*).

Если интернационализм – очередной камень в огород кадетов, масонов и прочих либералов, то, выходит, вождь Сталин исправил их ошибку, заодно ошибку и Ленина, и совершил национально-патриотическую контрреволюцию. От данного «эпохального» исторического события Филин протягивает нить в конец 90-х XX века, когда, он подсказывает, вновь *«свершилось обратное»*.

Филин сделал жупелом либерализм Милюкова, назвав книгу «сочинением, написанным по жестким либеральным канонам», имеющим «политическую подкладку» и т.д. Будто наперёд знал, что будущий читатель ему поверит на слово и

не прочтёт у Милюкова: Пушкин «не связал своей посмертной судьбы ни с одной из тех доктрин, которые возникали и отживали свой век в зависимости от менявшихся условий жизни и состояний нашего знания... Он всем понятен и классичен. Он не мудрил над жизнью; для него «веревка – вервие простое»; но зато он и не укладывал жизни в прокрустово ложе теорий, не упрощал ее, чтобы найти намеченное заранее объяснение... Во всем этом сказалась его объективность – условие и причина его классичности». Именно эта особенность объясняет «посмертный путь Пушкина не к могиле, а к бессмертию» [4, С. 278–279]. (*Курсив мой.* – В.Б.).

Литературная классика при требовании к объективности всегда избегала однозначных оценок. Один из современников Милюкова по поводу либеральных ноток в толковании *маленького* героя «Медного всадника» писал: «Какое-то смутное и гневное «Ужо тебе!» слышится из книги Милюкова... Впрочем, *гневность никак нельзя приписать автору очерка*. Наоборот, П.Н. Милюков скорее подтрунивает над теми, *кто подает Пушкина «под разными приправами, скромными и постыжными»*, чем обличает их» [1, С. 293–294]. (*Курсив мой.* – В.Б.).

Нет однозначно-либерального Пушкина на всём протяжении историко-биографического очерка Милюкова, что пытается доказать Филин, и не могло быть. Это как раз в советском пушкиноведении эксплуатировалось бунтарство молодого поэта, когда свободолюбие его стихов данного периода *размазывалось* на всё более позднее творчество, включая тенденциозное толкование «Медного всадника» и «Капитанской дочки». В то, что противоречило этому, не вчитывались, в письмах Пушкина видели *другого Пушкина*, письма охотно издавали в полном собрании, чтобы убедить иногда в греховности поэта, но не для поиска в них мысли, которая, не дай Бог, не соответствовала бы каким-то установкам.

Например, в письме к А.И. Тургеневу (1823 г.) Пушкин пишет о своей эволюции восприятия либерализма. Он не может не поделиться с другом, поэтическим образом Наполеона, некогда бывшего их кумиром, тем более, что вместе с

Францией, «надеждой озарённой» когда-то, «пробудилась» и Россия. Пушкин заостряет внимание на последних стихах, обращённых к Наполеону:

*Хвала! Ты русскому народу
Высокий жребий указал
И миру вечную свободу
Из мрака ссылки завещал.*

Но далее пишет: «Эта строфа ныне *не имеет смысла*, но она писана в начале 1821 года – впрочем, это мой *последний либеральный бред*, я *закался* и написал на днях подражание басне умеренного демократа Иисуса Христа (Изыди сеятель, сеяти семена своя):

*Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано...*

Здесь и самоирония («сеятель пустынный» – в пустыне), и далее, как мы знаем, отчаяние: «К чему стадам дары свободы? Их должно резать или стричь». Признание искреннее: «закался». (*Курсив мой.* – В.Б.).

Милюков также не проходит мимо политического эволюционизма Пушкина, он находит у него в эти годы «углубление» политической мысли, и «разочарование в народе как в революционном факторе» является у него лишь этапом на пути к пониманию Пушкиным народности. Данной проблеме уделено большое внимание в книге П.Н. Милюкова [4, С. 86].

Эта книга значима в другом – она подготавливала прорыв *живого Пушкина* в современность, его *присутствие* среди нас. Она имеет исключительное значение: совершив прыжок через идеологизированные наслоения советской пушкинистики, книга пришла к нам в конце XX века с Пушкиным – не только с живой личностью, но с его, Пушкина, живым пониманием общечеловеческих проблем, не ушедших и не уходящих в историю.

О таком вкладе в пушкинистику по первому изучению Русского зарубежья писал и сам М. Филлин, «сравнивая скром-

ные эмигрантские праздники с помпезными и зачастую пошлыми лицедействами, поставленными на родине Пушкина». «Праздники» в Советской России проходили «среди кровавой вакханалии судилищ, — писал он, — где шли стройные мероприятия, громыхали по команде неистовые овации, возлагались лицемерные венки... Эхо торжеств, пожалованных тогда народу *лучшим другом всех пушкинистов*, и поныне слышно в отечественном пушкиноведении. Оттуда, из 1937 года, идёт *прискорбный и едва ли не самый мощный и безнравственный вектор современной науки о Пушкине*. И плодятся бесчисленные барабанные опусы, поётся фальшивое «слався» утверждённому когда-то в верхах медному истукану, в котором нет ничего от настоящего Поэта» [7].

Ещё на десять лет раньше, пожалуй, впервые нелицеприятно о советской пушкинистике высказывался В.С. Непомнящий. Говоря, что «жажда нового слова идёт не от специалистов по А.С. Пушкину», про «войско» пушкинистов он отозвался словами из «Бориса Годунова»: «Я сам скажу, что войско наше дрянь». *Жажда* Пушкина формируется в общественном мнении, и «разговор о нем... стремительно перерастает рамки литературы, переходя на главные проблемы и ценности человеческого бытия, на «последние вопросы». Так Пушкин становится «горячей точкой», его пророческий «угль» возрождает «русскую традицию художества как совестного служения» [5, С. 135–136]. Как видим, традиция духовной жажды оставалась *живой*, и возвращение книги с названием «*Живой Пушкин*» подтвердило это, несмотря на политические и конспирологические *страхи* её предисловия.

Мы уделили столько внимания автору предисловия не потому, что мнение его в чём-то оригинально (наоборот, оно скорее банально и одномерно). Это предисловие являет пример *просоветского, имперского* толкования историко-биографического очерка. Крайности, как известно, сходятся, а в данном случае сам М. Филин подвёл к применимому в отношении уже к нему самому выводу: «Лишний раз убеждаемся, что пропасть между большевиками и либералами от-

нюдь не бездонна. Это, кстати, доказывают и российские политические реалии конца XX столетия» [8, С. 12].

Отзывы М. Филина незаслуженно вывели в разряд маргинальных в пушкинистике книгу П.Н. Милюкова, единственное её издание, исказило (мягко говоря) образ автора – великолепного историка и политика и принизила значение Пушкинских дней в Париже 1937 года.

Список литературы

1. *Адамович Г.* Живой Пушкин. – Милюкова П. Живой Пушкин. – М.: Эллис Лак, 1997. – С.289–300.
2. *Архипов И.* П.Н. Милюков: интеллектуал и догматик русского либерализма//Звезда. – 2006. – №12.
3. *Дякин В.С.* Павел Николаевич Милюков: либерал перед лицом революции//Звезда. – 1994. – №6.
4. *Милюков П.* Живой Пушкин. – М.: Эллис Лак, 1997.
5. *Непомнящий В.С.* Пророк // Новый мир. – 1987. – № 6.
6. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. – Т. 13. – М.: Воскресенье, 1996.
7. *Филин М.Д.* «Гроб Пушкина стоит открытым навсегда...». Предисловие к публикациям «Пушкинианы «Литературной России», №6, 10 февраля 1989 г.
8. *Филин М.Д.* Русский Париж в 1937 году // Пушкин А.С. Сочинения: юбилейное Парижское издание в 2 т. – Т. 1. – М.: Вече, 1937–1999.
9. *Филин М.Д.* От составителя. – Милюков П. Живой Пушкин. – М.: Эллис Лак, 1997.

Владимир Фрункин

Памяти профессора Е. Г. Эткинда...

(26.02.1918, Петроград – 22.11.1999, Потсдам, Германия)

*Критик, историк литературы,
переводчик и преподаватель.
Родился в Петрограде.*

В 1941 году закончил Ленинградский университет по специальности «романская литература». В 1942 ушел в армию добровольцем. Во время Великой Отечественной войны – переводчик фронтовой разведки. После войны защитил диссертацию по творчеству Золя, преподавал в 1-м Ленинградском педагогическом институте иностранных языков. В 1949 был «за методологические ошибки» уволен в ходе развязан-

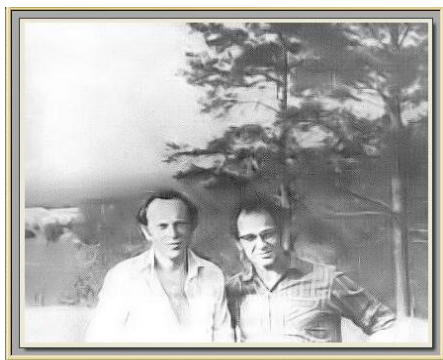
ной властями кампании по борьбе с космополитизмом, уехал в Тулу, где преподавал в педагогическом институте. С 1952 – снова в Ленинграде. Доктор филологических наук (1965, диссертация была посвящена стилистическим проблемам стихотворного перево-

да), профессор (1967) Ленинградского педагогического института им. Герцена.

В 1968 на Е.Г. Эткинда вновь обрушились нападки партийного руководства за одну фразу из его предисловия к сборнику «Мастера русского стихотворного перевода». Е.Г.

Эткинд «посмел» заметить в предисловии к двухтомнику «Русские поэты-переводчики» (Большая серия «Библиотеки поэта») то, что многие выдающиеся поэты были вынуждены в сталинские годы заниматься переводом, поскольку этот период был неблагоприятен для их собственного творчества.

Вместе с ученым-филологом Владимиром Адмони и поэтессой Натальей Грудиной Е. Г. Эткинд выступил свидетелем защиты на процессе И. Бродского (13.03.1964). В его адрес судом было вынесено частное определение. Как и дру-

гие свидетели защиты по делу И. Бродского, Ефим Григорьевич получил взыскание от Ленинградского отделения Союза писателей. Эта репрессивная акция вызвала протесты ленинградских писателей, на ближайших выборах всех троих свидетелей защиты избрали членами правления Ленинградского отделения, и новое руководство писательской организации сняло с Эткинда взыскание. В дальнейшем Ефим Григорьевич помогал Бродскому получать заказы на переводы.

Во второй половине 1960-х Эткинд познакомился и подружился с А. Солженицыным, стал одним из хранителей и распространителей его неподцензурных произведений, помогал в работе над «Архипелагом ГУЛАГ». В 1969 перевел на русский и распространил в самиздате предисловие выдающегося немецкого писателя Генриха Бёлля к роману «В круге первом», в котором впервые было сказано о мировом значении творчества Солженицына.

В 1972–1973 участвовал в подготовке самиздатского собрания сочинений И. Бродского. Написал рецензию на предисловие М. Хейфеца к этому изданию.

Вскоре после высылки Солженицына из СССР Эткинд был вызван в КГБ на допрос по делу Хейфеца, не дал нужных следствию показаний. После этого КГБ направил в Ленинградское отделение Союза писателей и Институт им. Герцена материалы об «идейной порочности» Е.Г. Эткинда с указанием принять меры. Главным «криминалом» были связи с Солженицыным и Бродским. Другим обвинением было конфискованное частное письмо Эткинда своему зятю с призывом оставаться на родине. Оно распространилось в самиздате как «Письмо молодым евреям» о проблеме эмиграции евреев из СССР, где Ефим Григорьевич советовал советским евреям «не уезжать в другую страну, а бороться за свою свободу и гражданские права здесь».

В 1974 году Е.Г. Эткинд «за антисоветскую деятельность» был исключен из Союза писателей, уволен с работы в институте и лишен профессорского звания (стенограмма заседания ученого совета института ходила в самиздате). В тот же день Эткинд написал и отправил за границу для публикации открытое письмо ректору Амстердамского университета, где описал обстоятельства своего изгнания из советской науки и литературы: «...я внезапно лишился всех прав ученого и литератора, лишился работы, возможности печатать свои труды, лишился средств к существованию» (письмо широко публиковалось мировой прессой). А 3 мая 1974 года Ефим Григорьевич написал «Заявление для печати». Он говорит:

«..Да, я знаком с СОЛЖЕНИЦЫНЫМ. Да, я выступал свидетелем по делу Иосифа БРОДСКОГО и по мере сил помогал молодому поэту публиковать переводы, которые давали ему кусок хлеба. Да, я писал книги и статьи, в которых пытался высказывать свои взгляды на французскую литературу, русский стиль, немецкую драматургию. Все это я делал в твердой убежденности, что способствую росту отечественной культуры, для которой живу. Занимаясь теорией и историей художественного перевода, я был твердо уверен, что способствую дружбе между

народами, говорившими на русском, французском и немецком языках...

...Мое поколение хорошо помнит собрания 1949 года: в ту пору из университетов выгоняли лучших профессоров, наших учителей, а из литературы – лучших писателей. Я не сравниваю себя с ними. Но мое поколение до смертного часа не забудет кровожадного единодушия, с которым ораторы на таких собраниях клеймили ЖИРМУНСКОГО, ЭЙХЕНБАУМА, АЗАДОВСКОГО, ГУКОВСКОГО и требовали их немедленного устранения из Ленинградского университета...

...Казалось бы, возродить 1949 год невозможно. Увы, не только возможно, но и куда как просто! Профессора, писатели, поэты знают своего коллегу по многу лет, но им сказали, что их коллега государственный преступник, – и они торопятся верить... Им говорят, что он совершил «методологические ошибки» в 1949 году, – и они не вдумываются в то, какой абсурд им сказали: они не слышат даты «1949», а только привычно-пугающие слова об ошибках, и соглашаются казнить... И казнь эту совершают единогласно. Единогласие было необходимым условием процедуры и в ту давнюю пору. А ведь за четверть века, казалось бы, должна была вырасти новая общественность, должно было воспитаться в людях гражданское самосознание. Возможно ли, что нас так легко отбросить на 25 лет назад? Возможно ли, что люди не накапливают исторический опыт? Что их ничему не научил хотя бы «Новый мир»? Что они забыли о стихах ТВАРДОВСКОГО, о покаянных статьях СИМОНОВА, о самоубийстве ФАДЕЕВА, о возрождении из праха БУЛГАКОВА, БАБЕЛЯ, МАНДЕЛЬШТАМА, АХМАТОВОЙ и многих других? Возможно ли сегодня, в 1974 году, пользоваться доводами той поры и, вызывая общее одобрение, ссылаться на 1949 год? Нет, я верю в прогресс, в новую общественность, в рост гражданского самосознания. Я верю в то, что отбросить нашу страну на 25 лет назад не удастся никому. И еще я верю в демократические силы современного мира».

В защиту Ефима Григорьевич выступил Генрих Бёлль, была принята резолюция Международного ПЕН-клуба. Через две недели Эткинд был лишен и всех научных званий. Книги Ефима Григорьевича распоряжением Главлита были изъяты из библиотек СССР. Таким образом, Е.Г. Эткинд был склонен к эмиграции.

Как только изгнанник пересек границы СССР, он получил **четыренадцать приглашений** крупнейших университетов мира. Ефим Григорьевич выбрал Парижский университет. И, по законам Французской республики, вместе с должностью профессора Парижского университета сразу же обрел и французское гражданство. Прошло несколько лет, и в Париже появилась всемирно известная ныне группа Ефима Эткинда, которая занялась переводом на французский Александра Сергеевича Пушкина. Как это ни странно, величайший поэт России до той поры переводился на французский лишь прозой. Каждый стихотворный перевод принимался, а нередко и отвергался лишь после взыскательного обсуждения всей группой. Через несколько лет гигантский труд был завершен, и весь университетский мир праздновал победу поэтического коллектива профессора Эткинда. Во Франции Ефим Григорьевич активно участвовал в литературной и политической жизни русской эмиграции. Печатался в журнале «Континент», затем, отойдя от него, в журналах «Синтаксис», «Время и мы», «Страна и мир». В 1975–1985 преподавал русскую литературу на кафедре словесности Университета Париж-Х (Нантер). Переводил русскую поэзию на французский и немецкий языки. В 1977 в Англии вышла книга воспоминаний Эткинда. В 1988 выпустил книгу о суде над Бродским, кроме того, Эткинд издал сборник неподцензурной советской эпиграммы, подготовил к печати и выпустил со своим предисловием роман Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» (рукопись которого в СССР была конфискована КГБ в 1961 и передана на Запад в 1970-е при участии В. Войновича, А. Сахарова и Е. Боннэр).

Когда Ефим Григорьевич по возрасту перестал быть профессором в Париже, он был немедленно приглашен читать

лекции в крупнейшие университеты мира – Йельский в США, Берлинский, Пражский, Хельсинкский... Пенсионером Ефиму Григорьевичу стать так и не дали... Он читал лекции в странах Европы и США. Был одним из инициаторов и участником проекта многотомной истории русской литературы, издаваемой коллективом зарубежных и русских ученых-эмигрантов. С 1988 постоянно печатался в СССР и постсоветской России.

В годы перестройки Ефиму Григорьевичу Эткинду были возвращены все академические звания, он постоянно приезжал в Россию, передал свой богатый литературный архив в Публичную библиотеку (ныне Российская национальная Библиотека в Петербурге).

Вечером 22 ноября в Потсдаме на 82-м году жизни после тяжелой операции скончался знаменитый филолог и переводчик **Ефим Григорьевич Эткинд**.

Похоронен на кладбище селения Ивиньяк (Бретань, Франция).

Сибирский Парнас

Василий Федоров

На закате своей короткой жизни А.С.Пушкин сказал:

*«И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит...»*

Слава богу, поэзия жива, как живы и её служители – «пииты». В том числе и наши, сибирские. Открывая новый раздел в альманахе, мы решили начать его с творчества Василия Фёдорова, 95-летие которого в этом году отмечалось в Новосибирске.*

И бог,
И чёрт –
Они всё время в паре:
Талант с бездарностью
Не развести.
На каждого из нас
Есть свой Булгарин,
Готовый доглядеть
И донести.

Где лев,
Там и шакал,
Шакаля, ищет
Отброшенную кость
В густой траве.
Порою лев
Не доедает пищи,
И потому шакал
Всегда при льве.

Прошла пора
Булгаринских доносов,

* Раздел «Сибирский Парнас» ведет член Союза журналистов России Анатолий Чернышёв.

Но жив Булгарин,
Хоть и не в чести.
Поэт, будь строг:
Не оставляй отбросов,
Пусть он, шакал,
Подохнет без кости!

Гордиться?
Чем?
Стихом?
Едва ли!
Уж лучше нищему – сумой.
Меня словами награждали
Все говорившие со мной.
Я строчкой этой,
мыслью этой
Лишь занятое отдаю.
Ты,
Он,
Весь мир
И вся планета
Работали на мысль мою.
Любовью,
Счастьем,
Строчкой,
Книгой
Дань отдаю другим творцам.
И даже ненавистью дикой
Я весь обязан подлецам.
Я весь в долгах,
Куда ни сунусь,
Повсюду забрано вперёд.
Минули
Отрочество,
Юность,

Приходит зрелость...
Долг растёт!

Какой-то странный человек
Придумал, меру перепутав,
Коротенькое слово – *век*
И очень длинное – минута.

Разоблачая смысл длиннот,
Везде найду я подтверждение,
Что «малость»
Слов нагромождением
Себе значение придаёт.

В лесах,
В кустах,
Густых и прочих,
Весь превращаясь
В бег и слух,
Под хриплый лай
И визги гончих
Зверь совершает
Жизни круг.

Охотник ждёт,
И он дожётся.
Охотник знает:
Есть закон,
Что зверь затравленный
Вернётся
На место,
Где был поднят он.

Тогда рука взведёт курки...
Но я печалюсь
Не об этом.
Я говорю, что и поэтам

Даны подобные круги.
Когда поэзия не шалость,
Усилий требует полёт.
В какой-то час
Придёт усталость:
Что ж, и железо устаёт!

Тогда усталый,
Но не хилый,
Чтоб стать сильнеей
И боевей,
За прежней дерзостью
И силой
Спешит он к юности своей.

Темна,
Близка
Защита леса...
Дай бог ему
В тот крайний срок
Не встретить своего Дантеса,
Уже взводящего курок.

Владимирка

Листва берёз...
Черёмух кружево...
Ветлы свисающая шаль...
Как хорошо глядеть из кузова
На убегающую даль.

Как в раме,
Мчимся ль по булыжнику,
Плывём ли в хлябях колеи, —
Показывают передвижки
Пейзажи русские свои.

Мотор
Мурлычет колыбельную,

Мотору вторит ветерок.
А вот и роща корабельная,
Вот левитановский мосток.

Вот поворот...
Вот сразу, сразу вам
Знакомый видится ручей.
Вот колоколенка Саврасова
С берёзкой,
Только без грачей.

Вот новый вид.
И лес,
И вырубка,
И новый цвет, и новый тон...
Вот начинается Владимирка,
Уже одетая в бетон.

И сразу
Скорость прибавляется:
Летим, летим!
Вперёд, вперёд!
И на пейзажах появляется
Энергетический налёт.

И в нём
Среди всего отменного
Всё тот же мир цветов родных.
И ни Ван-Гога,
Ни Гогена вам.
Ни-ни!
И никаких иных.
Нет,
Мне мила берёзок грация,
Под ветром
Её буйный пляс.
Я родину люблю.
И Франция
Простит меня на этот раз.

Совість

Упадёт голова —
Не на плаху,
На стол упадёт,
И уже зашумят,
Загалдят.

Завздыхают
Дескать, этот устал,
Он уже не дойдёт...
Между тем
Голова отдыхает.

В темноте головы моей
Тихая всходит луна,
Всходит, светит она,
Как волшебное око.
Вот и ночь сметена,
Вот и жизнь мне видна,
А по ней
Голубая дорога.

И по той,
Голубой,
Как бывало,
Спешит налегке,
Пыль метя подолом,
пригибая берёзки,
Моя мама...
О, мама!
В мужском пиджаке,
Что когда-то старшой
Посылал ей из Томска.

Через тысячи вёрст,
Через реки,
Откосы и рвы
Моя мама идёт,

Из могилы восставши,
До косматой моей головы
Под весёлый шумок
На ладони упавшей.

Моя мама идёт
Приласкать,
Поругать,
Побранить,
Прошуметь надо мной
Вековыми лесами,
Только мама
Не может уже говорить,
Мама что-то кричит мне
Большими глазами.

Что ты, мама?
Зачем ты надела
Тот старый пиджак?
Ах, не то говорю!
Раз из тьмы непроглядной
вышла ты,
Значит, делаю что-то не так,
Значит, что-то
Со мною неладно.

Счастья нет.
Да и что оно!
Мне бы хватило его,
Порасчётливей будь я
Да будь терпеливей.
Горько мне оттого,
Что ещё никого
На земле я
Не сделал счастливей.

Никого!
А ведь сердце весёлое

Миру я нёс,
И душой не кривил.
И ходил только прямо.
Ну, а если я мир
Не избавил от слёз,
Не избавил родных,
то зачем же я,
Мама?..

А стихи!..
Что стихи?!
Нынче многие
Пишут стихи,
Пишут слишком легко,
Пишут слишком уж складно...
Слышишь, мама,
В Сибири поют петухи,
А тебе далеко
Возвращаться обратно...

Упадёт голова —
Не на плаху,
На тихую грусть...
И пока отшумят,
Отгалдят,
Отвздыхают, —
Нагружусь,
Настыжусь,
Во весь рост поднимусь,
Отряхнусь
И опять зашагаю!

* * *

Счастливый,
Я не нужен никому.
Счастливым быть
Мне стыдно одному.

Счастливым
Тяготеет к облакам,
К высоким звёздам,
Где легко и вольно.
Счастливые – как боги,
А богам
Ни жалостно,
Ни горестно,
Ни больно.
Печали,
Огорченья,
Страхи все
Я испытать душою
Не премину,
Как добрый врач,
Который на себе
Испытывает
Новую вакцину.

Как он,
В бреду
Над страхом проплыву,
Над жаркой бездной
Чёрной лихорадки,
Ещё угарный,
Потянусь к тетрадке,
Чтоб записать победное:
«Живу!»

А коль живу,
То, значит,
И другой
Сумеет жить,
Переболев однажды.
Я нужен людям
Именно такой,
Каким сумеет быть
На свете каждый.

* * *

Со времён
Ещё древнегреческих
Уверяют, что жизнь стара.
А подумать –
У человечества
Ученическая пора.

Если землю
Со всей Европою
В мире звёздном
С селом сравнить, –
Человечество
Только пробует
За околицу выходить.

Очень трудно
Даются знания,
Потому-то у имярек
На уроках правописания
Сто ошибок
На каждый век.

Набираясь
Любви и смелости,
Человечество из тенёт
Всё идёт
К аттестату зрелости
И никак к нему
Не придёт.

И страдает оно,
И мучится
В подражании естеству.
Человечество
Только учится
Настоящему мастерству.

Нетерпимо,
Во зле запальчиво,
непреклонно
И в доброте,
Человечество
Только начало
Разбираться в своей Бедѣ.

Умудряйся,
Моё Отечество,
И рассчитывай на успех
У свободного
Человечества
Скоро станешь ты
Старше всех..

Надежда Семенова

Живой голос поэта*

(юбилейный вечер В.Федорова в Новосибирске)

Афиша на входе в Центр истории новосибирской книги гласила: «Поэт России и Сибири Федоров Василий Дмитриевич. Москва – Новосибирск – Кемерово – Марьевка. 2013 год».

Свободных мест в зале нет. Время приближается к 15-ти часам, а ровно в 15.00 собравшиеся услышали живой голос поэта:

*На родине моей
Повыпали снега,
Бушует ветер в рощах голых.
На родине моей,
Должно, шумит пурга
И печи топятся в притихших сёлах.*

Голос звучит за кадром, а на экране – заснеженная Марьевка, дом-музей В.Федорова на Назаркиной горе. На сцену выходит директор Центра истории новосибирской книги Левченко Наталья Ивановна. Она тоже родом из Кузбасса. Наталья Ивановна зачитывает напечатанный в 1976 году в «Литературной газете» диалог поэта и критика: Василия Федорова и Александра Михайлова.

В.Федоров: «Знаете, как отливают деталь литейщики? Они не делают её точно по контуру, а всегда сверху оставляют так называемую «прибыль». Формовку открывают, «прибыль» отсекают, и деталь получается такой, какая требуется».

* Материал из газеты Яйского района Кемеровской области.

А. Михайлов: «Пока не понимаю Вашей загадки, Василий Дмитриевич. К чему Вы заговорили о литейщиках?» В. Федоров: «А к тому, что прежде чем нам с Вами начать обсуждать проблему народности поэзии, следует, очевидно, отсеять немало «прибыли», которая выросла на нынешнюю поэзию».

И в этом весь Василий Федоров.

Наталья Ивановна представляет гостей: членов литературного объединения «Молодость» при Союзе писателей Новосибирска, у истоков которого стоял Василий Федоров, членов Пушкинского общества.

Короткий экскурс в биографию Василия Дмитриевича. Затем следует музыкальная пауза. Заслуженный работник культуры Виктор Егоров из Кемерово написал на стихи Василия Федорова 40 песен, сам их исполняет. Звучат песни «Время», «В дороге», «Я жил и не заметил», «Пророк». Чеканные слова «Пророка» невольно заставляют задуматься над тем, что должен каждый из нас «исполнить на земле»?

Бурными аплодисментами провожают со сцены кемеровского барда. Забегая вперёд, скажу, что в конце вечера Виктор Никифорович спел ещё около 10-ти песен на стихи знаменитого поэта-земляка.

Это: «Всё слова, слова...», «Сибирские реки», «По главной сути», «От Рафаэля к Рубенсу», «Тост за любовь» и другие.

На сцену приглашается легендарный земляк из Улановки Моряков Пётр Фадеевич, кавалер золотого почётного знака «Достояние Сибири», полученного за большой личный вклад в развитие журналистики Сибири. Он – двоюродный брат знаменитого советского актёра Петра Чернова, чей дом до сих пор, как мне помнится, стоит в Медведчиково. Да, немало легендарных людей взрастила яйская земля! Петру Фадеевичу сейчас 99 лет, но он ещё в творческом процессе. Делится воспоминаниями о Василии Федорове. А потом достаёт листочек и читает недавно написанное стихотворение, посвящённое Василию Федорову. Зал в полном восторге от

этого хрупкого пожилого человека. Он принёс с собой несколько экземпляров своего поэтического сборника «Гроздь рябины» и подарил их Центру истории новосибирской книги и гостям города.

Затем слово предоставляется гостю из Нижнего Новгорода Александру Кочеткову, сопредседателю комиссии по литературному наследию В. Федорова. Он передал привет новосибирцам от поэта России и Сибири Валентина Сорокина, который является истинным учеником Василия Федорова. Александр Анатольевич прекрасно прочитал несколько стихотворений Василия Федорова и сделал презентацию юбилейного видеодиска с живым голосом поэта.

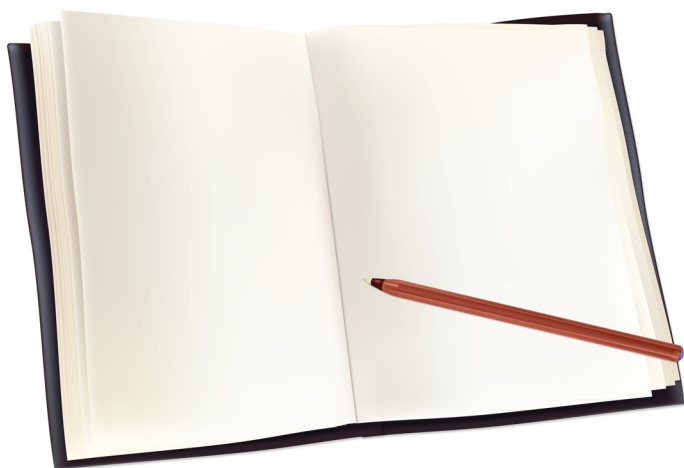
На сцене – Анатолий Чернышёв. Имеет высшую награду Союза журналистов России – крест «Честь. Достоинство. Профессионализм». Рассказывает о связующей нити поэта с трижды Героем Советского Союза Александром Покрышкиным: первый выпускал самолёты ЯК, второй прилетал с фронта принимать их. Выступали известный новосибирский литературный критик Алексей Горшенин, который знаком с творчеством Василия Федорова со школьной скамьи; председатель Новосибирского Союза писателей Анатолий Шалин, много тёплых слов услышали присутствующие о Василии Дмитриевиче от руководителя литературного объединения «Молодость» Евгения Мартышева.

Вечер закончился, но гости ещё долго не расходились: обменивались мнениями, осматривали выставку, читали стихи у свободного микрофона, обменивались подарками.

Это был настоящий праздник русского поэта Василия Федорова.

Полемические заметки

Ольга Видова

**Миф: отношения А.С.Пушкина с
Е.К.Воронцовой**

и

Реальность: А.С.Пушкин и В.Ф.Вяземская*

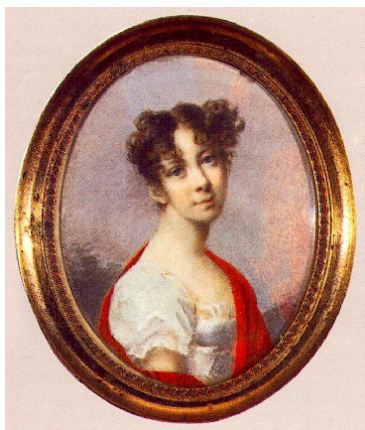
До сих дней устойчиво держится легенда о любви А.С. Пушкина и графини Е.К. Воронцовой. Несмотря на предпринятые попытки Г.П. Макогоненко¹ разрушить ее, она продолжает жить в пушкинистике.

Однако при ближайшем рассмотрении фактов, связанных с графиней и ее отношением к Пушкину, мы не находим даже малейшего намека на легендарные предания. Больше того, вместо Воронцовой обнаруживается другая женщина – княгиня Вера Вяземская.

Пушкин познакомился с Верой Вяземской летом 1824 года в Одессе, куда она приехала с маленьким сыном и дочерью. Хотя Вяземские и были очень богатыми людьми, но, приехав в разгар сезона, княгине удалось снять лишь маленькую хибарку над самым морем.

Пушкинисты, анализируя жизнь Александра Сергеевича в Одессе, сосредоточивали свое внимание на дворце Воронцовых, даче Рено, расположенной на высоком берегу, на обрыве, и совершенно не обращали внимания на то, что и кня-

*Наше наследие. – №82. – 2007.

В.Ф. Вяземская

гиня Вяземская летом 1824 года также жила рядом. От дачи Воронцовых с обрыва сбегала к морю крутая тропинка. Это обстоятельство служило доказательством того, что Пушкин, якобы, посвятил элегию 1824 года «Ненастный день потух...», где обыгрывается местонахождение возлюбленной, Елизавете Ксаверьевне Воронцовой. А уже на основе того, что эта элегия передает в подробностях интимные отношения поэта с некоей женщиной, был выстроен сценарий отношений Пушкина с графиней. Достаточно исследователям было увязать скудную информацию современников Пушкина о том, что поэт с Воронцовой и Вяземской однажды прогуливался по берегу моря и они были окачаны волной и промокли до нитки, что дача Воронцовой находилась на высоком берегу, как появился ряд работ, посвященных романтической, причем, взаимной любви поэта и графини. Заметим, что Вера Федоровна Вяземская, хотя и была третьей на этой прогулке, явно не привлекала внимания пушкинистов, несмотря на титул княгини. Гораздо интереснее было объяснить высылку Пушкина из Одессы в Михайловское, которая произошла по ходатайству графа Воронцова, ревностью обманутого мужа, нежели другими обстоятельствами. И возник миф о Воронцовой, ее значении в жизни Пушкина.

*Вот время: по горе теперь идет она
К брегам, потопленным шумящими волнами;
Там, под заветными скалами,
Теперь она сидит, печальна и одна...*

И никто из исследователей всерьез не отнесся к взаимоотношениям Пушкина с княгиней Верой Федоровной Вязем-

ской. Конечно, графиня Елизавета Ксаверьевна Воронцова была более интересным объектом, так как княгиня Вера Вяземская была, во-первых, женой друга Пушкина, во-вторых, не была так привлекательна, как Элиза Воронцова.

Между тем есть свидетельство самой Вяземской о том, в каких условиях она жила в Одессе. В письмах к мужу она подробно описывает свой быт: «Чтобы добраться до дому, мне надо последние полверсты идти домой пешком, так как хутор стоит на такой круче, куда никакой экипаж не может подняться».

Обратим внимание на то, что Вера Федоровна жила на такой «круче, куда никакой экипаж не может подняться». А это означает, что ей волей или неволей, но приходилось идти по горе, прежде чем куда-либо попасть – к морю ли, в город ли.

Надо сказать, что отношения ее с мужем не были обычными: супруги терпимо относились к увлечениям друг друга, делились своими впечатлениями, и это в какой-то степени даже укрепляло их брак.

Почему на этом заостряем внимание? Дело в том, что в пушкинской элегии «Ненастный день потух...» есть такие знаменательные строки:

Вот время: по горе теперь идет она.

Но поскольку Вяземская, как и Воронцова, также жила на горе, то у пушкинистов уже появляется выбор: так кто же из женщин шел по горе: графиня Воронцова или княгиня Вяземская?

При ближайшем рассмотрении фактических данных, оставленных Верой Федоровной в письмах к мужу, можно уверенно сказать, что это именно Вера Федоровна Вяземская идет по горе, прежде чем спуститься к морю, либо поехать в город. Но если это так, то элегия «Ненастный день потух...» отнесена может быть вовсе не к Воронцовой, а к Вяземской!

Так кому все же была посвящена эта элегия? От ответа зависит либо продолжение, либо крах легенды о любви Пушкина к графине Воронцовой.

По общему мнению биографов и исследователей пушкинского творчества, Пушкин, для которого любовь и поэзия составляли смысл жизни, был в эту пору влюблен сразу в трех женщин. Об этом сообщает нам в письме к своему мужу Вера Вяземская.

15 июля 1824 года она пишет: «У меня для развлечения есть романы – итальянские спектакли и Пушкин, который скучает гораздо больше, чем я: три женщины, в которых он влюблен, уехали. <...> К счастью, одна из них на днях приезжает»².

А 25 июля Вяземская констатирует: «Графиня Воронцова и Ольга Нарышкина вернулись два дня тому назад. Мы постоянно вместе и гораздо более сдружились»³.

Кстати, во втором Дон-Жуанском списке Пушкина есть имя Ольга. Вряд ли это была Ольга Масон, как неоднократно подчеркивали пушкинисты, это могла быть и Ольга Нарышкина. Вполне вероятно, вернулись не одна, а две женщины, о которых пишет Вяземская⁴.

27 июля в письме к мужу Вяземская акцентирует внимание на том, что она, графиня Воронцова и Ольга Нарышкина неразлучны. Ольга Нарышкина доводилась родственницей графине Воронцовой. Иными словами, эти три женщины настолько часто появляются вместе, будь то будни или праздники, что их вполне можно считать подругами. Даже к Пушкину они, заметьте, а не одна графиня Воронцова, как это часто преподносят пушкинисты, относятся с одинаковым участием: «Мы все еще не знаем, что ждет Пушкина»⁵, – пишет в том же письме к мужу княгиня Вера. А это означает, что наша версия об увлечении Пушкина и Ольгой Нарышкиной вполне жизнеспособна. По свидетельству современников, всем, кто общался с нею, выпадало и очароваться ею, настолько она была хороша. Очевидно, и Ольга Нарышкина была на стороне Пушкина.

А еще ранее, 11 июля 1824 года, Вера Вяземская рассказывает мужу еще один знаменательный эпизод из своей одесской жизни: «... я помещаюсь на громадных камнях, ушед-

ших в море, я смотрю, как волны разбиваются у моих ног, иногда я не нахожу храбрости ожидать девятый вал, когда он приближается слишком поспешно; я тогда стараюсь убежать еще поспешнее и возвращаюсь минутой спустя...»⁶

Заметим, что строфа XXXIII первой главы «Евгения Онегина» определенно посвящена этой прелестной сценке:

*Я помню море пред грозою:
Как я завидовал волнам,
Бегущим бурной чередою
С любовью лечь к ее ногам!
Как я желал тогда с волнами
Коснуться милых ног устами!*

«Вот строфа, которой я вам обязан», – пишет Пушкин уже из Михайловского, обращаясь к Вере Вяземской⁷. Наверное, не стоит опровергать свидетельство самого поэта в отношении того, кому посвящена эта строфа. Это факт, и его следует принимать как данность.

Интересно, что В. Набоков справедливо увязывал колорит сцены строфы XXXIII первой главы «Онегина» с аналогичной в отрывке «За нею по наклону гор», считая, что восхищение прелестными ножками графини привело к тому, что Пушкин переработал этот отрывок в строфу XXXIII:

*За нею по наклону гор
Я шел дорогой неизвестной,
И примечал мой робкий взор
Следы ноги ее прелестной.*⁸

И здесь возникает гора, по которой движется желанная Пушкину женщина.

Превратив отрывок в строфу XXXIII первой главы «Евгения Онегина» – «Я помню море пред грозою», Пушкин тем самым дал понять современникам, что ему очень дороги эти воспоминания.

Можно было бы полностью согласиться с Набоковым, если бы он не отнес «ножки» к графине Воронцовой, что, на наш взгляд, очень спорно.

Скорее всего, имеются в виду не ножки графини Елизаветы Ксаверьевны Воронцовой, а ножки княгини Веры Федоровны Вяземской. Именно она, по свидетельству самого поэта, является адресатом строфы XXXIII первой главы «Евгения Онегина», а значит – и аналогичных лирических произведений: элегии «Ненастный день потух...» и отрывка «За нею по наклону гор».

Как бы ни хотелось, чтобы эти строки имели отношение к Марии Раевской (Волконской) или Элизе Воронцовой, но свидетельство самого Пушкина нам важнее, чем домыслы пушкинистов, построивших версию отношений поэта с графиней Воронцовой на одной фразе Вяземской к мужу: «...нам довелось вместе с графиней Воронцовой и Пушкиным дожидаться и быть окаченными так обильно, что нам пришлось менять одежду». Это так же безосновательно, как и связывание этих строк с именем Марии Волконской, которая однажды, прочитав «Евгения Онегина», сделала в своем дневнике запись: «Увидя море, мы приказали остановиться, и вся наша ватага, выйдя из кареты, бросилась к морю любоваться им. Оно было покрыто волнами, и, не подозревая, что поэт идет за нами, я стала, для забавы, бегать за волной и вновь убежать от нее, когда она меня настигала!... Пушкин нашел эту сцену такой красивой, что воспел ее в прелестных стихах, поэтизируя детскую шалость; мне было только 15 лет»⁹.

Мария Раевская почему-то решила, что сцена, изображенная в «Онегине», та самая, что воспроизведена в ее дневнике. Но это не так. Нет ничего «детского» в изображении чувств к женщине, воспеваемой в этих сценах жизни поэта на юге, женщине, к ногам которой волны бежали «бурной чередой». А если обратиться к черновым записям этой строфы, согласно которым волны ложились к ногам женщины, стоящей «под скалами», а не бегущей по берегу и играющей с волнами у кромки моря, то скорее прав Л.Н. Гроссман, указывающий на то, что в этой знаменитой строфе «Онегина» нет никакого конкретного описания игры девочки с морским прибоем и грациозная картина, запечатленная М.Н. Волконской, не имеет

ничего общего с байронической Мариной, зарисованной Александром Пушкиным¹⁰.

Итак, строфа XXXIII первой главы «Онегина», по признанию самого же Пушкина, посвящена Вере Федоровне Вяземской. Лучше самого поэта никто не может знать о том, кем в эту пору восхищался автор «Онегина». А он прямо называет Веру Вяземскую, подчеркивая, что строфа XXXIII возникла под ее влиянием, а следовательно, и посвящена ей. Это ее образ преследовал Пушкина в момент создания строфы.

Увидев за поэтическими строками Веру Вяземскую, мы тем самым способствуем развенчанию двух мифов – об «утаенной» любви Пушкина к Марии Николаевне Раевской-Волконской и страстном романе с Елизаветой Ксавьерьевной Воронцовой.

Действительно, о Воронцовой мы узнаем очень немного, Вяземская очень сдержанно комментирует отношение к ней поэта. Больше она пишет в письмах к мужу о себе и своих отношениях с Пушкиным.

16 июня «Каждый день у меня бывает Пушкин. Я его усердно отчитываю»¹¹.

20 июня «Я начинаю думать, что Пушкин менее дурен, чем кажется»¹².

23 июня «Какая голова и какой хаос в этой бедной голове! Часто он меня ставит в затруднение, но еще чаще вызывает смех»¹³.

Надо сказать, что Воронцова и Вяземская подружились не случайно: обе, каждая по-своему, были обаятельными, прелестными, очаровательными. Обе были моложавы, смотрелись намного младше своих лет. В силу своего обаяния имели массу поклонников, которых часто не воспринимали серьезно.

«У нас сложились совсем простые отношения с графиней Воронцовой, и я постараюсь, чтобы это и дальше шло так же, потому что она очаровательна»¹⁴, – писала мужу Вера Федоровна.

Воронцова и Вяземская не были, по мнению современников, красавицами, но они обладали необыкновенной

прелестью и живостью лица. Облик Воронцовой отличался аристократизмом в высшем смысле этого слова. Манера держаться, приятная улыбка, очарование взгляда придавали ее тонким чертам особенный шарм. Гордая посадка великолепно вылепленной головы с чудесными густыми волосами, спускавшимися завитками вдоль ее лица, стройная лебединая шея на чудесно очерченных плечах – все располагало к тому, чтобы плениться ею. «Все ее существо было проникнуто такою мягкою, очаровательною, женственною грацией, такою привлекательностью, таким неукоснительным щегольством, что легко себе объяснить, как такие люди, как Пушкин, герой 1812 года Раевский и многие, многие другие без памяти влюблялись в княгиню Воронцову», – вспоминал Владимир Соллогуб¹⁵.

А вот характеристика Ф.Ф. Вигеля В.Ф. Вяземской: «Не будучи красавицей, она гораздо более их нравилась: немного старше мужа и сестер, она всех их казалась моложе. Небольшой рост, маленький нос, огненный, пронзительный взгляд, невыразимое пером выражение лица, грациозная непринужденность движений долго молодили ее. Смелое обхождение в ней казалось не наглостью, а остатком детской резвости. Чистый и громкий хохот ее в другой казался бы непристойным, а в ней восхищал; ибо она скрашивала и приправляла его умом, которым беспрестанно искрился разговор ее»¹⁶.

Но особенно Ф.Ф. Вигель был очарован Е.К. Воронцовой. И это не было лестью жене его начальника графа Воронцова, а слова подлинного восхищения: «Ей было уже за тридцать, а она имела все права казаться еще самую молоденькою. Со врожденным польским легкомыслием и кокетством желала она нравиться, и никто лучше ее в том не успевал. Молода была она душою, молода и наружностью. В ней не было того, что называется красотою, но быстрый, нежный взгляд ее маленьких глаз пронзал насквозь; улыбка ее уст, которой подобной я не видал, казалось, так и призывает поцелуи»¹⁷.

Пушкин, увидев однажды Воронцову, не стал исключением из правил. В его рукописях стал появляться образ жен-

щины с ярко выраженными чертами Елизаветы Ксаверьевны. Подчеркивались ее прекрасного рисунка шея и великолепные плечи, стройная изящная фигура. Есть и прелестная зарисовка ее лица, обрамленного кудрями, высокой шеи и покатых плеч, задрапированных материей. Но Пушкин всегда зарисовывал тех, кто в какой-то важной для него степени привлекал внимание. Конечно, это еще не повод строить какие-то серьезные предположения по поводу отношений поэта с этими людьми.

Между тем Г.П.Макогоненко еще в 70-х годах XX столетия уже развенчивал миф о Воронцовой. А он, в принципе, основательно задевает честь Елизаветы Ксаверьевны: якобы от Пушкина у нее родился темнокожий ребенок, девочка; якобы графиня писала письма поэту в Михайловское, куда он был выслан из Одессы по желанию ее мужа графа Михаила Воронцова. Якобы их соединяла страстная любовь, отголоски которой отчетливо просматривались в ряде элегических произведений: «Ненастный день потух...», «Сожженное письмо», «Желание славы», «Храни меня, мой талисман...», «Талисман».

Г.П.Макогоненко доказывает, что Воронцова не имела и не могла иметь любовных чувств к Пушкину, что отношения их были односторонними, лишь поэт мог быть ею очарованным¹⁸.

И писем Воронцова не посылала Пушкину, и он ей не писал.

Однако письма в Михайловское приходили. От кого же? Оказывается, от княгини Веры Федоровны Вяземской. Она писала Пушкину в Михайловское, как и он ей.

Но нет ни одного свидетельства современников Пушкина о том, что кто-то еще из женщин присылал письма поэту, когда он находился в северной ссылке.

Некоторые исследователи ссылаются на загадочные строки в письме Александра Раевского к Пушкину из Александрии близ Белой Церкви, имения Воронцовых, от 21 августа 1824 года, написанные через 10 дней после отъезда поэта в Михайловское: «...а сейчас расскажу вам о Татьяне. Она при-

няла живейшее участие в вашем несчастье; она поручила мне сказать всем об этом, я пишу вам с ее согласия, ее нежная и добрая душа видит лишь несправедливость, жертвой которой вы стали; она выразила мне это со всей чувствительностью и грацией, свойственными характеру Татьяны».

Александр Раевский, по признанию его отца, а значит – и всех его родственников, питал «несчастную страсть» к графине Воронцовой, которая вовлекла его из ревности в «неблаговидные поступки». Была скандальная история, которая охладила родственные отношения Н.Н.Раевского с семьей Воронцовых. Основанием явилось то, что Александр Раевский, остановив на улице карету графини Воронцовой, «наговорил ей дерзостей».

Если «Татьяна» – это Е.К.Воронцова, то тон письма говорит об отсутствии близости графини с Пушкиным. Иначе бы она не воспользовалась таким посредником как Александр Раевский.

Но есть и иное мнение пушкинистов. Под «Татьяной» подразумевалась Наталья Кочубей.

В мае 1825 года уже Николай Раевский писал Пушкину из Белой Церкви, говоря о том, что отец и мать «вашей графини Натальи Кагульской» уже неделю как находятся здесь». А за 9 дней до этого письма поэту Николай Раевский писал из Тульчина своему брату Александру: «Вы не сообщаете мне никаких новостей с тех пор, как находитесь в Белой Церкви. Вот что я могу сказать вам наиболее интересного: я представлялся Кочубеям, проезжая здесь, и только что вернулся из паломничества в Антоновку».

П. Губер в свое время не случайно сделал вывод, исследуя это письмо, о том, что пушкинская Наталья – это Наталья Викторовна Кочубей.

Следовательно, о ней, на наш взгляд, могла идти речь под именем «Татьяна».

30 марта 1819 года вблизи Кагульского памятника (в Петербурге) Пушкин встретил Наталью. Какую? Кочубей? Апраксину? Вот черновой набросок 1819 года:

*... она при мне
Красою нежной расцветной
Я был свидетель умиленный
Ее младенческих забав.
Она цвела передо мною,
Ее чудесной красоты
Уже угадывал мечтою
Еще неясные черты.
И мысль об ней одушевила
Моей цевницы первый звук.*

Вот у памятника — небольшой стихотворный отрывок:

*Воспоминаям упоенный,
С благоговеньем и тоской,
Объемлю грозный мрамор твой,
Кагула памятник надменный!
Меня воспламеняют ныне.....*

Пушкина «воспламеняют ныне» не подвиги. Он предается с упоением вблизи этого памятника иным воспоминаниям, не связанным с этим памятником. У памятника была встреча с Натальей. Не случайно в письме прозвучало: Наталья Кагульская. То есть Наталья Кочубей. Девушка, затем княжна. В «Онегине» — Татьяна — девушка, затем Татьяна — княгиня.

Каковы же были истинные отношения Веры Федоровны с Александром Сергеевичем в Одессе?

1 августа 1824 года Вера Вяземская пишет мужу письмо: «Приходится начать письмо с того, что меня занимает сейчас более всего, — со ссылки и отъезда Пушкина, которого я только что проводила до верха моей огромной горы, нежно поцеловала и о котором я плакала, как о брате, потому что последние недели мы были с ним совсем как брат с сестрой. Я была единственной поверенной его огорчений и свидетелем его слабости, так как он был в отчаянии от того, что покидает Одессу, в особенности из-за некоего чувства, которое разрослось в нем за последние дни, как это бывает. Не гово-

ри ничего об этом, при свидании, мы потолкуем об этом менее туманно, есть основания прекратить этот разговор. Молчи, хотя это очень целомудренно, да и серьезно лишь с его стороны... Я проповедую ему покорность судьбе, а сама не могу с ней примириться, он сказал мне, покидая меня, что я была единственной женщиной, с которой он расстанется с такою грустью, притом, что никогда не был в меня влюблен»¹⁹.

А между тем стихи Пушкина говорят о другом:

*Все кончено: меж нами связи нет,
В последний раз обняв твои колени,
Произносил я горестные пени.
«Все кончено», — я слышу твой ответ.*

Мысленно переносясь в будущее, он не обольщается в отношении дальнейшей их связи:

*Обманывать себя не стану вновь,
Тебя тоской преследовать не буду,
Прошедшее, быть может, позабуду —
Не для меня сотворена любовь.
Ты молода: душа твоя прекрасна,
И многими любима будешь ты.*

К своему психологическому состоянию во время расставания с возлюбленной Пушкин еще раз вернулся в «Евгении Онегине», куда он заносил все самые яркие свои впечатления:

*Я вспомню речи неги страстной,
Слова тоскующей любви,
Которые в минувши дни
У ног любовницы прекрасной
Мне приходили на язык.*

И еще:

*Погасший пепел уж не вспыхнет,
Я все глущу, но слез уж нет,
И скоро, скоро бури след
В душе моей совсем утихнет...*

Что здесь важно узнать: Вера Вяземская была единственной в Одессе женщиной, с которой поэту было трудно расставаться. Что он в отчаянии, так как в последние дни пребывания в Одессе разрослось его чувство к какой-то женщине. Судя по намекам, мы можем только догадываться, к кому обращено это чувство. Конечно, к Вере Федоровне Вяземской. Не случайно эту мысль высказал ее муж в ответном письме. Уж опытного в любовных делах Петра Вяземского невозможно было провести. Напоминаем, что отношения супругов не были обычными²⁰.

Так что как ни красив мифологический роман Пушкина с графиней Воронцовой, но в реальной жизни ему места нет. Можно поставить точку в отношении поэта к Воронцовой и вновь обратиться к Вере Вяземской.

В октябре 1824 года Пушкин пишет княгине Вяземской: «Прекрасная, добрейшая княгиня Вера, душа прелестная и великодушная! Не стану благодарить Вас за Ваше письмо, слова были бы слишком холодны и слишком слабы, чтобы выразить Вам мое умиление и признательность... Вашей нежной дружбы было бы достаточно для всякой души, менее эгоистичной, чем моя; каков я ни есть, она одна утешила меня во многих горестях и одна могла успокоить бешенство скуки, снедающей мое нелепое существование»²¹.

«Сожженное письмо» вполне может быть навеяно письмами Вяземской.

*Прощай, письмо любви, прощай! Она велела...
Как долго медлил я, как долго не хотела
Рука предать огню все радости мои!..
Но полно, час настал: гори, письмо любви.*

Где-то там протекала бурно и ярко ее жизнь, и тихо, мирно тянулись дни для поэта, заточенного в Михайловском. Вспомним строки из письма Веры Федоровны Вяземской мужу от 1 августа 1824 года: «У меня сплин, не знаю, что такое, но эта высылка, преследования неизвестно с чьей стороны, с чего и почему, переполняют меня смутной тревогой...»

*Слезы, муки,
Измены, клевета, все на главу мою
Обрушилось вдруг...*

Оторванный от любимой, поэт боится потерять ее навсегда, боится забвения и потому с огромной силой стремится к славе:

*Желаю славы я, чтоб именем моим
Твой слух был поражен всечасно, чтоб ты мною
Окружена была, чтоб громкою молвою
Все, все вокруг тебя звучало обо мне.
(«Желание славы»)*

Вера Федоровна любила нравиться, любила вызывать к себе любовь и рассказывать об этом своему мужу. В свою очередь и ее муж Вяземский ей поверял свои чувства, возникающие во время ухаживаний за другими женщинами.

По свидетельству А.А. Муханова, с которым у Веры Федоровны был в прошлом роман, во время новой их встречи в ноябре 1825 года, Вяземская «силилась пробудить усопшие чувства», на что он в ответ ей достаточно красноречиво дал понять: «в душе моей одно волнение, а не любовь пробудишь ты». И вот что важно: дальнейшие отношения Вяземской и Муханова были чрезвычайно дружескими.

Знаменательно, что Пушкин, вернувшись в Москву из ссылки, пытался возобновить отношения с Вяземской. В письме к ней от 3 ноября 1826 года поэт называет С.П. – своим добрым ангелом, но другую – своим демоном, поставив при этом многоточие. На что Вяземская кокетливо отвечает: «Добрый ангел и демон дерутся ли еще около вас? Я полагаю, что вы уже давно их отогнали. Кстати, вы так часто меняли предметы, что я уже не знаю, кто же другая. Муж мой уверяет меня, что я надеюсь, что это – я ... Но я рассчитываю на вашу дружбу»²². Веру Вяземскую выдает слово «уже»: «Я уже не знаю, кто же другая». То есть подтекст такой: «Вы так часто меняете свои привязанности, что я уже и не знаю, кто сегодня у вас другая, хотя прежде ею была я».

Так на основании свидетельств самого Пушкина, поэтических и эпистолярных, возникает канва реальных отношений поэта с княгиней Вяземской. Их встречи, чувства, переписка из Михайловского служат мощным доказательством отсутствия любовных отношений А.С. Пушкина с графиней Е.К. Воронцовой.

Вера Федоровна Вяземская оказалась той самой женщиной, вокруг которой крутились все мысли Пушкина, когда он уезжал в Михайловское. Не следует забывать о том, что княгиня была обаятельной, любила создавать романы и при этом старалась оставаться в дружеских отношениях со многими мужчинами. Андре Моруа все же был прав, говоря о том, что лучшие друзья – это бывшие любовники. Намеки со стороны современников Пушкина были. Но пусть это останется тайной. Важно другое: Пушкин и Вяземская действительно до самой смерти поэта оставались друзьями.

А что же было у Пушкина с графиней Воронцовой? Очевидно, восхищение, временное увлечение, перешедшее позже в глубокое уважение.

Так при ближайшем рассмотрении жизни Пушкина в Одессе перед самой его высылкой в Михайловское в силу особых отношений с Верой Федоровной Вяземской, чему свидетельством явилась переписка Пушкина, Вяземской и Вяземского, красивый миф о любви поэта к Воронцовой, к сожалению, не выдержал испытания реалиями жизни и развеялся как дым.

Список литературы

1 *Макогоненко Г.П.* Творчество А.С.Пушкина в 1830-е годы (1830–1833). – Л.: Худ.лит., 1974.

2 *Пушкин А.С.* Письма. В 3 т. М.; Л.: 1928. – С.340.

3 *Остафьевский архив князей Вяземских* / Ред. В.Сайтов и В.Шеффер. В 4 т. СПб.: 1899–1913. – Т.V. – Вып.2. – С. 130–131.

4 *Преобладающее* мнение пушкинистов по поводу трех женщин в одесский период жизни Пушкина, в которых он был влюблен, было таково: Амалия Ризнич, Каролина Со-

баньская и Елизавета Ксаверьевна Воронцова. Однако Г.П. Макогоненко, В.М. Есипов, В.А. Удовик, а также автор данной статьи считают, что ни один период жизни Пушкина в Одессе в 1823–24 гг. не дает оснований для того, чтобы подтвердить миф о бурном романе поэта с графиней Воронцовой, созданный Т.Г. Цявловской.

Макогоненко Г.П. Указ. соч.; Есипов В.М. Пушкин в зеркале мифов. – М.: 2006; Удовик В.А. Пушкин и чета Воронцовых. – СПб.: 2007.

5 *Остафьевский* архив князей Вяземских. Т.V. – Вып.2. – С. 119–123.

6 *Там же*.

7 *Пушкин А.С.* Письма. В 3 т. – Т.1. – С.351.

8 *Набоков В.В.* Комментарии к «Евгению Онегину». М.: 1999. – С. 138–139.

9 *Записки* княгини М.Н. Волконской. – Красноярск: 1975. – С. 47–48.

10 *Гроссман Л.Н.* У истоков «Бахчисарайского фонтана» // *А.С.Пушкин. Материалы и исследования*. – Л.: 1967.

11, 12, 13 *Пушкин А.С.* Письма. В 3 т. С. 326, 330, 333.

14 *Остафьевский* архив князей Вяземских. – Т.V. – Вып.2. – С.123.

15 *Соллогуб В.А.* Повести. Воспоминания. – Л.: 1988.

16, 17 *Вигель Ф.Ф.* Записки. М.: 1928.

18 *Макогоненко Г.П.* Указ. соч. С. 53–76.

19 *Остафьевский* архив князей Вяземских. – Т.V. – Вып.2. – С.139.

20 *На наш взгляд*, речь идет не о Воронцовой Е.К., а о самой В.Ф.Вяземской, когда она говорит о том, что Пушкин был в отчаянии от того, что покидает Одессу, «в особенности из-за некоего чувства, которое разрослось в нем за последние дни, как это бывает». Если взглянуть внимательнее в эти строки и вспомнить, что Елизаветы Ксаверьевны в последние дни в Одессе не было, и единственной женщиной из светского общества, с которой поэт постоянно общался, была сама Вера Федоровна, то можно эти строки прямо отнести к

ней. Таковы были отношения мужа и жены Вяземских, что романы свои они не скрывали, хотя и специально не афишировали. Но при встрече делились пережитым. Отсюда и тон письма: «Не говори ничего об этом, при свидании мы толкуем об этом менее туманно... Молчи, хотя это очень целомудренно, да и серьезно лишь с его стороны».

П.В. и В.А. Нащокины утверждали, что Пушкин не любил Вяземского, хотя не выражал того явно... Напротив, Вяземскую Пушкин любил.

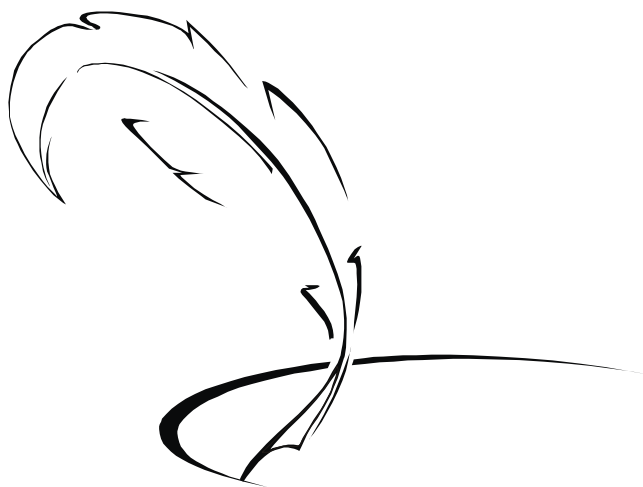
См: А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 т. – Т.2. М.: Худ.лит., 1974. С.185.

21 *Пушкин А.С.* Письма. В 3 т. – Т.1. – С.351.

22 *Пушкин А.С.* Письма. В 3 т. – Т.3. – С.194.

*Поэтические
страницы*

Марианна Майская

Мимолётное свиданье

Я прихожу к вам на свиданье,
Неловко руки теребя,
Скрывая девичье страданье
От вас и от самой себя.

В плену томящегося чувства
С легкоранимою душой
Я отдаюсь на суд искусства
И ваш, мой избранный герой.

Пусть мимолётное свиданье
Не нарушает жизни ход,
Но пробуждает в вас желанье
Увидеть пламенный восход.

Где цвета розы станут лица,
Сердца сольются в унисон.
Но я не смею вам открыться:
Любовь меж нами только сон.

Путь к любви

То чувство не вспыхнет однажды,
Оно созревает внутри.
Его испытает не каждый,
Кто с ночи гулял до зари.

Купаясь в ласкающем море,
Порою легко утонуть,
Забывшись в желанном просторе
Пускаясь в загадочный путь.

Зависит от близкого друга,
Какой ты получишь ответ.
Подует ли гулкая вьюга?
Зажжётся ли пламенный свет?

Но нет искушения слаще,
Чем тайные сети любви.
И даже от боли щемящей
Оправься и дальше живи.

Молись за святое участие
Души не жалея и сил.
Дари бескорыстное счастье.
Люби, как никто не любил.

Любовь

Твоя любовь
Как дождик долгожданный:
Легка, свежа, божественно-чиста.
И с нею вновь
Всё видится желанным –
Казалось бы, обычные места.

Брильянты рос
Природе первозданной
Подарят обновлённые черты.
Бутоны роз.
Я буду благодарна
Тебе – за воплощение мечты.

Моя любовь
Как солнечная ванна:
Ярка, нежна, пьяняще-горяча.
Да так, что кровь
Волнует беспрестанно
И манит откровенно по ночам.

Немного грёз,
Беспечности сердечной

Рождают ощущение высоты.
От счастья слёз
И молодости вечной
Есть плод любви волшебной красоты.

Письмо

Я письмо откровений пишу,
В ароматах цветущего сада.
Я ответ от тебя не прошу,
Твоего мне ответа не надо.

Для меня высока и крепка
Из твоих наставлений ограда.
Пред тобою я буду робка
И любым твоим прихотям рада.

Ты тоскуешь и даже во сне
Ждёшь, когда я тебя поцелую,
Словно кошка, прильну в тишине,
О покое твоём памятуя.

Если ранишь меня невзначай,
Я пролью легковерные слёзы
И вернется мой искренний Кай,
Чтоб выращивать хрупкие розы.

Ты письмо откровений прими,
В ожиданье поры звездопада
И к груди своей крепко прижми,
Мне ведь этого только и надо.

Счастливый билет

Ты словно создан для мольберта -
Лица классический овал.
Ты – предвкушение десерта,
Для женщин – чистый идеал.

В твоей душе так много света,
Она прозрачна, как кристалл.
С тобою вертится планета
И меркнет звёздный пьедестал.

Ты – аромат в прохладе лета,
Вином наполненный бокал
И знак счастливого билета,
Который в руки мне попал.

Мама

I

Мама – чистая светёлка.
Мама – серые глаза.
В сказке ты жила недолго –
Накатилась слеза.
В жизни ты, как перепёлка,
Легкокрыла и мила.
Не боясь труда, как пчёлка,
Огород и дом вела.
Разносолы нам варила,
Сдобу вкусную пекла,
А уж сколько перешила,
Знает лишь твоя игла.

II

Ты сейчас живёшь в Ордынске,
На татарской стороне.
А с тобою «хан ордынский»
На придуманной войне.
Да, ругаться он умеет,
Он моряк – мужик вдвойне.
С ним, конечно, веселее,
Чем с собой наедине.

Папа

Прямой, упрямый, смелый,
Он, не жалея сил,
Всегда радел за дело,
Здоровья не щадил.
Надорванный желудок
Всё время донимал,
Загруженный рассудок
Его не унимал.
Руководя котельной,
За трубами следил;
Вносил рацпредложения;
Порядок наводил.
Бездельников разгулы
Изрядно поносил.
А пьяниц за прогулы,
С работы попросил.
Придя домой, усталый,
Газеты он читал.
Да, отдыхал он мало,
О море не мечтал.
А иногда весёлый
Смекалисто шутил,
Но дерзкие уколы
Он не переносил.
Воспитывал нас строго,
Разумно наставлял.
Рассказывал о многом,
Заботу проявлял.
Литературы чтение
Он искренне любил.
Ценил чужое мнение
И правдой в глаз рубил.
Умелый, аккуратный,
Внимательный он был
Всех в радостные даты

Поздравить не забыл.
На праздники коллегам
Плакаты рисовал.
А изредка, набегом,
Стихи им рифмовал.
Он кладезь был таланта,
Но лавров не познал.
Таков и был мой папа,
Он заслужил похвал.

Татьяне Ивановне Майской

В семье у славного Ивана
Когда-то родилась Татьяна
И сёстрами окружена
В просторной горнице жила.
И только благостные всходы
Девические дали годы:
Похорошела, расцвела;
Хозяйство с мужем завела;
Двоих детей родить успела;
Москву вживую посмотрела.
Кормильца потеряв, смогла
Крутиться будто бы юла:
Всё успевала на работе
И соответствовала моде.
Склонимся низко перед ней
И пожелаем долгих дней,
И чтоб от бед оберегало
Судьбы цветное покрывало.

Настоящий человек

Сыну Роману

В семье рождается ребёнок,
Ещё не значит человек.

Он маму кликает спросонок,
Как безусловный оберег.

И лишь её увидев рядом,
Спешит к открытиям малыш,
И за его пытливым взглядом
Порой никак не уследишь.

Стремясь с усердием к успехам,
Он хочет, стоя на ногах,
Пройти по комнате со смехом,
Хоть неуклюж ещё в шагах.

И достигая новой цели,
Но всё ж преследуя одну,
Стать человеком в самом деле
Не так уж просто пацану.

А настоящим человеком
Стать и не каждому дано.
Шагать достойно в ногу с веком,
Лишь терпеливым суждено.

Дети сентября

*Дочери Анастасии
и сыну Роману
в день совершеннолетия*

Два звёздных светила,
предчувствуя просинь,
решили исход сентября,
где нас золотила
созревшая осень,
плодами любви одаря.

Два белых конверта,
завязанных лентой,
мы нежно прижали к груди.
Не только концерта

с тромбоном и флейтой
мы ждали от них впереди.

Мы искренне ждали
их первого смеха
и первых промолвленных слов.
Остались детали
созвучного эха
на снимках раскрашенных снов.

«Смелее летите,
родные орлята,
мы вас научили летать.
Пусть солнце в зените
поможет когда-то
потомкам тепло передать.

Сердечная нежность
поможет не сбиться
с начатого вами пути,
встречать человечность
в распахнутых лицах
и счастье своё обрести».

Татьяна Трофимова

Земля! Ты Родина моя!
Россию ты мою лелеешь!
Я счастлива, что дочь твоя,
Другой планеты нет милее!

И пусть снега, и пусть жара –
Я всё с любовью принимаю,
Что новый день начать пора,
Ты мне напомнишь, точно знаю.

На помощь солнцу призовёшь,
Ты с ним дружна, и дружба эта
Меж вами прочною слывет
И тоже воспевается поэтом.

В себя вбираешь все невзгоды,
Прощаешь необдуманный нам шаг,
Какой прекрасною Природой
Россию наделила ты, как маг!

И горы, реки и леса...
Какие ты дала нам чудеса!
Спасибо тебе, милая Земля,
За рощи, степи и поля!

Ты поддержи Россию в трудный час,
Чтобы наш факел на планете не погас,
Ведь русский человек силен, мудрён!
Ты верь, найдет все ж выход он!

Родина у каждого своя,
Родину, её не выбирают!
Здесь и деревенчка моя,
Ширь полей от края и до края.

Здесь и дом стоял, и был плетень,
Сцены детства вдруг всплывают лентой....
Было всё, остались – предков тень
И строений чуть заметные фрагменты...

Но живёт ещё моя деревня,
И погост стоит невдалеке,
Встретился один старик мне древний,
Нёс грибов корзину он в руке.

Пусть природа щедрая одарит,
Принесет старик ещё грибов,
И потомкам в память он оставит,
На века родительский свой кров!
Возрождайтесь, наши деревеньки!

Мой край березовый

(Посвящается родному Краснозерскому району)

Как же не любить мне край березовый!
Детство...юность в нём моя прошла...
Вечером закат багряно-розовый
Видеть там я каждый день могла.

В городе такого не увидишь...
Иногда мелькнет одна звезда,
Горизонт из-за домов не виден,
А восходит солнце уж когда

Петухи в деревне все пропели,
В поле трактор пашет целину,
И кукушка вторит свиристам,
Села рядом с пашней на сосну.

Затерялась в колочке березовом
Та сосна, зная, ветром занесло...
Много о берёзах песен сложено...
Их поют деревня и село...

Как же не любить мне край березовый!
Приезжайте в наш родной район
И увидите закат багряно-розовый,
И услышите берёз хрустальный звон!

И как бы сохранить нам этот мир

Мне хочется порой, как птице,
Расправив крылья, в небе покружиться,
Увидеть лес, и речку, и поля,
И как прекрасна сверху вся Земля.

Как хочется душе дать красоты,
Для сердца взять от солнца теплоты,
Глазам – голубизны небесной...
И жизнь была б такой чудесной!

Но мне, как птице, в небе не летать,
Из книг стараюсь жизнь я познавать,
Встречаюсь в них я с красотой небесной
И узнаю, какой же мир прелестный!

И как бы сохранить нам этот мир,
Чтобы потомки нас благодарили,
Чтоб оставалось место и для лир
И добрыми и нежными все были.

Давайте же, друзья, не озлобляться,
Не обижать друг друга никогда,
Иначе можем распрощаться
С землёю нашей навсегда.

Боюсь, она не выдержит такого –
Умчит нас в бездну, как стрела,
И от стыда за нас большого
Сгорит Земля наша дотла.

*Очерк и
публицистика*

Нэля Тпрухина

Возрожденные традиции

*– Не сладить с пульсом учащенным
Вплоть до закрытия кулис,
Лишь выдохну я восхищенно:
– Он потрясающий артист*

Л. Ливнева «Жаворонок»

Игорь Юдин... Это имя связано для новосибирцев с лучшими страницами сибирской и российской культуры. Народный артист России, художественный руководитель и главный дирижер Новосибирского камерного хора, заведующий кафедрой дирижирования Новосибирской консерватории. Можно еще добавить, что Игорь Викторович – знаток и почитатель творчества А.С. Пушкина, порывисто преданный великому русскому поэту человек, патриот Новосибирска и его неустанный труженик.

С 1981 года и по сей день судьба Юдина связана с Новосибирским камерным хором, первым профессиональным академическим хоровым коллективом за Уралом. В составе высокопрофессиональных исполнителей хора он поднимался по ступеням творческой карьеры: певец, хормейстер, дирижер.

За 32 года творческой биографии хор завоевал популярность, любовь и уважение сибиряков и прежде всего новосибирцев за большую работу по воспитанию вкуса слушателей на лучших образцах отечественной и мировой классики, исполняя музыку разных эпох и стилевых направлений. Это русское барокко и романтизм, западноевропейский ренессанс и классика: отечественная, зарубежная, народные песни и т.д.

У Новосибирского регионального Пушкинского общества сложились теплые и надежные отношения с камерным хором и его руководителем, основанные на взаимопонимании и сотрудничестве. Совместное проведение Пушкинского дня России, 6 июня отмечается многообразием тем: «Пушкин-учитель», «Пушкин-поэт, историк», «Пушкинский венок» и др.

День 6 июня стал для новосибирцев поистине святым праздником. Зал переполнен, зрители поздравляют артистов, работников филармонии, всех без исключения, и друг друга с днем рождения Александра Сергеевича и бурными аплодисментами встречают и провожают камерный хор и его руководителя и вдохновителя Игоря Юдина. Как пишет новосибирский поэт Иван Зайцев:

*– Ваш звонкий колокол души
Небес веление вершит:
На битву души поднимает,
Зовет всех тех, кто свет алкает.*

Камерный хор год за годом в день рождения великого поэта с удовольствием открывает для себя и для всех нас новые грани пушкинского гения.

Как же расходится народная молва об Игоре Юдине по городам и весям России? – Через транзитных пассажиров, которые в пасхальные дни волею судеб оказываются в вокзале «Новосибирск главный», в его огромном с прекрасной акустикой зале, где проходят пасхальные благотворительные концерты.

Хоры и хоровые ансамбли Новосибирска: камерный хор Новосибирской филармонии, ансамбль «Рождество» (руководитель Ольга Гурина – заслуженный деятель искусств РФ), хор студентов НЭТИ и хор кафедры дирижирования Новосибирской консерватории (руководитель

Александр Париман – заслуженный артист России, доцент кафедры дирижирования); Лариса Благовещенская (кандидат искусствоведения, музыковед-компанолог, руководитель школы звонарей центра колокольного искусства) осуществляла музыкальное сопровождение концерта. Хоровое пение, сопровождаемое колокольными звонами, взволновало слушателей, о чем свидетельствовали бурные аплодисменты и слезы на глазах зрителей.

Удивленные и восхищенные, увозят пассажиры неизгладимое впечатление и охотно делятся ими по пути следования поездов и в родных местах.

А ведь Юдин не открыл, а лишь возродил подзабытую традицию в культурной жизни России XIX – начала XX веков – концертные выступления в залах вокзалов Царскосельской железной дороги: Павловского и Царскосельского. Более полувека жители северной столицы наслаждались чудесной музыкой, восхищались лучшими представлениями театров Петербурга. Десять сезонов подряд, с 1856 года, Иоганн Штраус со своим оркестром в летние месяцы давал концерты для отдыхающих петербуржцев, бывал и позже, в 1869 и в 1886 годах. А Михаил Глинка специально для таких концертов написал вальс-фантазию «Павловский вальс». Зна-

менитые артисты считали за честь выступить на концертах в Павловске.

Только за одно возрождение этой прекрасной традиции Игорь Юдин станет живой легендой российской культуры. А если вспомнить фестиваль русской музыки «Покровская осень», певческое объединение лучших хоровых коллективов сибирского региона «Хоровое вече Сибири», конкурс-фестиваль «Поющая школа», фестиваль патриотической музыки «Соотечественники», благотворительные концерты для ветеранов Великой Отечественной войны и труда и социально не защищенных групп населения! Залогом успеха и возрастающей популярности камерного хора стали высокая гражданственность и глубокий патриотизм всех артистов хора и его бессменного руководителя народного артиста России Игоря Викторовича Юдина. Низкий поклон Вам, пожелание творческих побед и новых свершений во славу российской культуры.

Владимир Евдасин

Я вам поведаю приватно*

Как память чтим варягов-руси, созидателей Руси.

Варяги славу заслужили

Варяг Рюрик основал целую династию правителей нашего Отечества, которая правила 736 лет. Варяги и их потомки были великими и удельными князьями, стали первыми царями всея Руси.

Фамилией обзавестись норманнские правители не удосужились, да и не принято это было ни у древних скандинавов, ни у племён Восточно-Европейской равнины. Знаем мы их по именам, к которым часто прибавляется прозвание по названию управляемой земли, внешности, чертам характера, по славным и не очень деяниям. Но по имени Рюрика всех его потомков, а их, только правивших, более сорока, зовут династией Рюриковичей.

Связанные родственными узами, потомки Рюрика не всегда действовали сообща, часто соперничали и враждовали, доходило до междоусобных войн, братоубийств, измен и предательств в борьбе за власть и расширение личных владений. Но в целом Рюриковичи – династия созидательная. Эти наследники канунга-флотоводца, предводителя отряда наёмных военных моряков из Скандинавии, больше известных как варяги или варяги-руси, создали нашу государственность, доведя её от удельных и великих княжений до единого царства, которое и звалось-то одинаково с варяжским морским флотом – Русь. Они хранили и завоёвывали новые зем-

* Продолжение. Начало в выпусках 12 и 13.

ли, заставили считаться с Русью все другие народы и государства. Они инициировали и руководили историческим процессом превращения десятков языческих племён в единую православную русскую нацию.

В величественном монументе «Тысячелетие России» ваятель И. Микешин и его помощники в скульптурных портретах изобразили многих великих деятелей, составивших славу России. В том числе и славных представителей первой правящей в нашем Отечестве династии русских князей и царей во главе с её основателем Рюриком.

И до, и после празднования в 1862 году тысячелетнего юбилея России открыто много памятников Рюриковичам, их именами назывались улицы, площади, корабли, им посвящались музыкальные и литературные произведения, их образы представлены на живописных полотнах и почтовых марках. Они, Рюриковичи, заслужили эту славу.

Однако в создании нашего Отечества, в формировании народа русского участвовали не только правители из варягов. С Рюриком, его братьями и другими канунгами из Скандинавии в 8поднепровье, новгородские и другие земли будущей Древней Руси пришли тысячи рядовых варягов и с каждым годом число этих пришельцев увеличивалось. Историки согласны с Карамзиным, который считал, что уже в X веке н. э. по количеству варяги были «равными соседями» славян. Древние летописцы и историки сообщали, например, о походе в 908 г.н.э. киевского князя Олега в Константинополь на двух тысячах кораблях. Поскольку на боевых кораблях служили только варяги, то ходило их в тот поход порядка 200 тысяч. А ведь были ещё варяги на охране городов и границ, на службе у купцов и на «чиновной» службе у правителей. Многие из этих сотен тысяч варягов со временем перестали быть иноземными наёмниками и осели на территории русских княжеств, став равноправными представителями их населения, а потом и равноправной составной частью единого русского народа. Вряд ли кто знает, сколько россиян могут вести свою родословную от бывших варягов.

Каждый русский, считая себя славянином, не может утверждать, что в его жилах не течёт и капля скандинавской крови, привнесённая в его род древним витязем-варягом.

За исключением князей, имена сотен тысяч варягов, участников создания русского государства, Русской православной церкви и русской нации, история не сохранила. Как же отдать дань благодарной памяти всем и каждому из наших варягов? Поставить где-то на Руси памятник неизвестному варягу?

Ответ на этот вопрос нашёл представитель другой большой династии правителей нашего Отечества. С его высочайшего соизволения в год празднования тысячелетия России дан старт ещё одной династии «Варягов», династии кораблей российского флота. И это справедливо: память о первых военных моряхах нашего Отечества, о первых, кого называли русьскими наши предки, о древних варягах хранили и хранят самые современные боевые корабли. О них и хочу рассказать.

«Варяги», Русь стерегущие

Парусно-винтовой

Император Александр II вступил на престол в 1855 году. Шла, увы, непобедоносная Крымская война. Коалиция противников захватила Севастополь, Керчь, Еникале, Анапу на Чёрном море, угрожала портам на Азовском и Балтийском морях, обстреливала даже Петропавловск-Камчатский. Пришлось пойти на заключение Парижского мира, которым России запрещалось иметь флот на Чёрном море. Но надо было принимать меры к восстановлению былого морского могущества государства.

Раньше Россия заказывала железные корабли за границей. После войны таких денег в казне не было. Но уже в конце войны по чертежам российских инженеров на российских верфях были заложены в строительство шесть клиперов и четырнадцать корветов, хотя и с деревянными корпусами, но вполне современных.

Один из четырнадцати парусно-винтовых корветов с 18-ю пушками на верхней палубе, тот, что введён в состав военного флота России в 1862 году, когда Россия отмечала своё тысячелетие, император Александр II высочайше повелел именовать «ВАРЯГ» в память обо всех варягах, вместе со славянами и другими народами Русь сотворивших.

Словом «крейсер» тогда ещё обозначали не специальный класс кораблей, а любого класса корабль, несущий крейсерскую службу, то есть плавание в назначенном ему командованием флота месте с целью разведки, наблюдения, обеспечения связи, охранения своих и уничтожения чужих кораблей. Парусно-винтовой корвет и был предназначен для такой службы. Паруса на трёх мачтах придавали ему мореходность и дальность плавания, а винты и паровые машины – маневренность и быстроходность.

Крейсер – так именовался парусно-винтовой корвет во время несения боевой службы, это была его постоянная функция. Поэтому-то парусно-винтовой корвет «ВАРЯГ» с полным правом следует считать первым в династии российских крейсеров с таким именем. В составе отечественного флота он числился до 1886 года.

Бронепалубный, легендарный

По традиции имя боевого корабля, выбывшего из состава флота, передаётся новому кораблю, в состав флота входящему. На этот раз передача имени «ВАРЯГ» была отсрочена на целых пятнадцать лет. Новый «ВАРЯГ», уже официально относящийся к классу крейсеров 1 ранга, по заказу России строился на американской судостроительной фирме «В. Крэмп» в Филадельфии и был спущен на воду в октябре 1899 года. После достройки и ходовых испытаний, уже в Кронштадте, над крейсером взвился Андреевский флаг. Так в 1901 году началась служба в российском флоте второго по счёту корабля с названием «ВАРЯГ» на борту. Это был один из самых совершенных по тем временам бронепалубный крейсер 1 ранга.

Поскольку важнейшей для России задачей в то время стала защита восточных рубежей от попыток захвата террито-

рий другими странами, Россия построила на территории Китая новую военно-морскую базу Порт-Артур. Туда и был направлен новейший крейсер «ВАРЯГ», расчётная дальность плавания в автономном режиме 5000 миль это позволяла.

10 декабря 1902 года на прибывший в Порт-Артур «ВАРЯГ» был назначен командиром капитан 1 ранга В.Ф. Руднев. За короткий срок умелому и грамотному военачальнику удалось создать хорошо обученный и патриотически настроенный экипаж (из почти 600 офицеров и матросов) по штатному расписанию.

В декабре 1903 года «ВАРЯГ» заступил на дежурство в порту Чемульпо, что рядом со столицей Кореи Сеулом. Аналогичную службу в Чемульпо несли и корабли других государств: крейсера «ТЭЛБОТ» (Англия), «ПАСКАЛЬ» (Франция), «ЭЛЬБА» (Германия), «МИЛАН» (Италия), канонерская лодка «ВИКСБУРГ» (США), а также канонерская лодка России «КОРЕЕЦ». В ночь на 27 января (9 февраля по новому стилю) иностранные корабли получили извещение о разрыве Японией дипломатических отношений с Россией, а в 9 часов 30 минут утра на борту «ТЭЛБОТА», командир которого был старшим на рейде, командиру «ВАРЯГА» был вручён ультиматум командующего японской эскадрой адмирала Уриу: «ВАРЯГ» и «КОРЕЕЦ» должны сдать без боя либо покинуть порт до полудня, иначе они будут атакованы прямо на рейде. Руднев через старшего по рейду обратился к командирам всех иностранных кораблей с просьбой сопроводить русские корабли в открытое море за линию построения японской эскадры, но получил отказ со ссылкой на нейтралитет своих стран.

Собрав офицеров, Руднев сообщил о своём решении корабли не сдавать, а прорываться в Порт-Артур на соединение с основными силами российской эскадры. В 11 часов 30 минут на русских кораблях прозвучала команда: «С якоря сниматься!». При прохождении мимо иностранных кораблей, команды которых выстроились на палубах и отдавали честь уходящим в бой кораблям, музыканты «ВАРЯГА» исполняли

соответствующие иностранные гимны, а в ответ с палуб иностранцев звучало «Боже, царя храни!» – гимн Российской империи. «Мы салютовали этим героям, шедшим так гордо на верную смерть», – укажет в донесении командир французского крейсера «ПАСКАЛЬ».

Бой предстоял заведомо неравный. Российскому бронепалубному крейсеру и канонерской лодке противостояли 1 броненосный и 5 бронепалубных крейсеров, 8 миноносцев, посыльное судно и ещё 3 военных транспорта – всего 18 кораблей японской эскадры, затаившейся в 10 милях от Чемульпо за островами.

В книге «Крейсер «ВАРЯГ» Р. Мельников, анализируя сражение, писал: «Трудно представить обстановку, более не соответствующую тактико-техническому назначению корабля. Доведись этому кораблю встретиться с врагом в открытом море, он оказался бы сильным противником. Но в узком фарватере, изобилующем камнями и отмелями, все достоинства «ВАРЯГА» как бы не работали: вынужденный идти строго по фарватеру, он неизбежно подставлялся под огонь японских кораблей. Тем более, что против двух русских 203 мм, тринадцати 152 мм орудий и семи торпедных аппаратов японцы имели четыре 203 мм, тридцать восемь 152 мм орудий и сорок три торпедных аппарата. Более чем тройное превосходство! Кроме того, русские комендоры у открыто установленных на верхней палубе орудий были ничем не защищены от японских фугасов, содержавших в пять раз больше взрывчатки, чем бронебойные снаряды русских».

Руднев и офицеры кораблей знали об этом неравенстве, но ни на минуту не могли себе представить, что можно без боя спустить российский флаг и сдать корабли противнику.

Русские корабли не открывали огонь. Руднев надеялся как можно ближе сойтись с врагом. Первым не выдержал японский флагман. Крейсер «АСАМА» открыл огонь по «ВАРЯГУ» с дистанции 7–8 км в 11 час 45 мин. Тут же ответил «ВАРЯГ», в сражение включились все боевые корабли, закипел беспощадный артиллерийский бой, длившийся ровно час.

«ВАРЯГ» и «КОРЕЕЦ» сражались достойно. Русские моряки проявили чудеса стойкости и мужества, среди них не оказалось ни одного труса или паникёра. Подсчитано, что за час сражения комендоры «ВАРЯГА» выпустили по кораблям противника 1105 снарядов. Они потопили японский эсминец и бронепалубный крейсер «ТАКАЧИХО», получивший сильные повреждения и затонувший, не дойдя до базы. Вышли из боя повреждёнными и крейсера «АСАМА» и «ЧИО-ДА», им предстоял длительный ремонт.

Но и «ВАРЯГУ» досталось. Японские корабли посылали в его сторону каждую минуту 200 снарядов, за час – 12000. На крейсере начались пожары, одно за другим выходили из строя орудия, гибли моряки. Все сооружения на верхней палубе были разбиты, а через пять пробоин поступала вода, усиливался крен на левый борт. Было повреждено рулевое управление, и «ВАРЯГ» плохо маневрировал. Более половины из 580 членов экипажа было убито, ранено или контужено. Ранен и командир «ВАРЯГА».

Через час ожесточённого боя Руднев вынужден был приказать возвращаться, и в 13 час 15 мин «ВАРЯГ» и почти не повреждённый, прикрытый в бою «ВАРЯГОМ», «КОРЕЕЦ» появились на рейде порта Чемульпо. Потрёпанная японская эскадра не осмелилась преследовать русские корабли.

После осмотра повреждений крейсера, стало ясно, что самим их не устранить. Руднев, учтя мнение военного совета, приказал команды кораблей эвакуировать, а корабли уничтожить. Моряков с русских кораблей приняли на борт английский, французский и итальянский крейсера. В 15 час 30 мин. были открыты кингстоны, а Руднев и ещё несколько моряков последними покинули тонущий «ВАРЯГ». Канонерская лодка «КОРЕЕЦ» была взорвана своим экипажем и тоже пошла ко дну.

Русским морякам в том первом морском сражении XX века не удалось вырваться из блокады и соединиться со своей эскадрой. Но вряд ли Руднев и его сослуживцы на это всерьёз рассчитывали. Они вступили в бой за честь русского флота,

руководствуясь девизом: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях». И не посрамили ни флот, ни Отечество.

Исход сражения был явно в пользу «ВАРЯГА». Да, русский флот потерял два корабля. Но прежде затопил два корабля противника и ещё два вывел из строя. Этого перевеса экипажу «ВАРЯГА» удалось добиться практически в одиночку, так как экипаж медлительного и слабовооружённого «КОРЕЙЦА» не мог быть полноценным бойцом в морском сражении с крупными кораблями, канонерская лодка лишь огрызнулась в ответ японцам и «ВАРЯГУ» в бою приходилось ещё и прикрывать собратьев по оружию.

Так навеки вошёл в героическую летопись Отчизны бронепалубный крейсер «ВАРЯГ». Слава о нём полетела по свету.

Ещё залечивали раны герои, ещё иностранные суда с экипажами «ВАРЯГА» и «КОРЕЙЦА» только шли через моря и океаны, а с виниловой пластинки уже звучала кантата композитора Кюи «ВАРЯГ» идёт свершать свой подвиг славный».

Уже через две недели после сражения весть о нём дошла до Германии. Восхищённый подвигом российских моряков, немецкий поэт Рудольф Гейнц тут же сочинил стихи, а молодёжный журнал «Югенд», отставив другой материал, эти стихи – «Памяти «ВАРЯГА» – опубликовал. Их прочёл и некто Н.К. Мельников, который немедленно сделал перевод на русский язык, и стихи были опубликованы уже в мартовском номере российского журнала «Море и жизнь». В переводе Н. Мельникова текст начинался словами:

*На палубу, воины!
Спешите скорей!
К последнему мчитесь параду!
«ВАРЯГ» не сдаётся на волнах морей
И милость не примет в награду...*

Леонид Утёсов, любимый народный артист эстрады советского периода, вспоминал, что текст этот стал первой песней о «ВАРЯГЕ». Её исполняли в Одессе в Электроопти-

ческом театре (предшественник кинотеатров) перед сеансом новой «фильмы» о русско-японской войне. На какую мелодию пели эту песню весной 1904 года, Утёсов не упоминает, но пишет, что чувствовал он некую непесенность текста. Видимо, второпях перевод Н. Мельников сделал не слишком удачно, да и вряд ли он предназначал стихи для пения.

Уже через месяц после первого перевода, в «Новом журнале иностранной литературы, искусства и науки», был опубликован новый перевод стихотворения Р. Гейнца на русский язык, сделанный поэтессой Еленой Студенской. В Одессу журнал попал, видимо, в апреле. И Л. Утёсов в воспоминаниях намекает, что одним из первых исполнителей песни с новым текстом был именно он, тогда ещё 10-летний ученик коммерческого училища, а пел он на берегу для знакомых рыбаков.

К сожалению, поэты Р. Гейнц из Германии и Е. Студенская из Санкт-Петербурга ныне почти забыты, как и автор музыки. Но песня, став народной, звучит до сих пор. Это ли не международный гимн подвигу «ВАРЯГА».

Наверняка, ступив на одесский причал, герои «ВАРЯГА» были приятно удивлены, услышав песню о себе. Но прежде чем это случилось, к пароходу «МАЛАЙЯ», в середине мая доставившего участников легендарного боя на одесский рейд, вышел катер «ТАМАРА» с начальником порта, который по поручению императора вручил героям самые почётные боевые награды России. Все офицеры получили ордена Святого Георгия IV степени, а нижние чины – Знак отличия этого ордена. Кроме того, все были награждены именными часами и серебряными столовыми приборами с инициалами каждого и впаянными в серебро эмалевыми изображениями Георгиевского креста. Всех участников сражения наградили ещё специально отчеканенными медалями-жетонами с надписью: «За бой «ВАРЯГА» и «КОРЕЙЦА» 27 янв. 1904 г.».

Особо император России отметил заслуги командира «ВАРЯГА», капитана 1 ранга В.Ф. Руднева. Ему, кроме наград, было присвоено звание контр-адмирала и дарован почётный титул флигель-адъютанта Его Императорского Величества.

Император Японии тоже отметил мужество и воинскую доблесть крейсера «ВАРЯГ», наградив его командира за стойкость в сражении с превосходящими силами японской эскадры орденом «Звезда Восходящего Солнца», высшей наградой Японии.

А когда отмечалось 50-летие подвига, доживших до этого юбилея моряков «ВАРЯГА» и «КОРЕЙЦА» Указами Президиума Верховного Совета СССР в четыре приёма наградили медалью «За отвагу». Видимо, не враз разыскали 49 живых героев легендарного боя, они были скромны и не трубили на каждом шагу о своих заслугах.

Во Владивостоке на Морском кладбище в братской могиле были захоронены 15 из 122 погибших моряков крейсера «ВАРЯГ». Гранитный памятник увенчан Георгиевским крестом, на граните выбита памятная надпись: «Нижним чинам крейсера «ВАРЯГ», погибшим в бою с японской эскадрой при Чемульпо 27 января 1904 года». Высечены и имена захороненных.

Памятником на родине, в Туле, увековечено имя славного командира крейсера «ВАРЯГ», руководившего легендарным сражением, и в числе последних, покинувшего борт тонущего корабля. Памятник В.Ф. Рудневу открыт на площади у Комсомольского парка 30 сентября 1956 года. Контр-адмирал Руднев с семиметровой высоты с надеждой смотрит на Отечество. На гранитной плите у постамента бронзовый барельеф с изображением боя «ВАРЯГА» с японской эскадрой и краткий рассказ о подвиге российских моряков.

О Всеволоде Фёдоровиче Рудневе известно, что родился он в 1855 году в семье потомственных моряков, начавших службу на флоте ещё при Петре 1. Окончил военно-морское училище и молодым офицером участвовал в кругосветном плавании на крейсере «АФРИКА». Командовал миноносцами и другими военными кораблями, а в декабре 1902 года принял командование крейсером «ВАРЯГ», с которым и совершил бессмертный подвиг. Десятью российскими и одним японским орденом отмечены заслуги контр-адмирала и фли-

гель-адъютанта, но совершенно неожиданно его уволили в отставку, говорят, за симпатии к революционно настроенным морякам. Умер В.Ф.Руднев в 1913 году.

Вторая жизнь бронепалубного «варяга»

27 января (9 февраля н.с.) 1904 года бронепалубный крейсер «ВАРЯГ» был затоплен экипажем в плачевном техническом состоянии. Вот как об этом написал командир французского крейсера «ПАСКАЛЬ» капитан 1 ранга Сенес, поднявшийся на борт «ВАРЯГА» для руководства эвакуацией раненых на свой корабль: «Я никогда не забуду потрясающего зрелища, представившегося мне. Палуба залита кровью, всюду валяются трупы и части тел. Ничто не избегло разрушения: в местах, где разрывались снаряды, краска обуглилась, все железные части пробиты, вентиляторы сбиты, борта и койки обгорели. Там, где было проявлено столько героизма, всё было приведено в негодность, разбито на куски, изрешечено; плачевно висели остатки мостика. Дым шёл из всех отверстий на корме, и крен на левый борт всё усиливался».

Герман Смирнов в книге «Корабли и сражения» добавляет: «... из двенадцати 152 мм орудий осталось только два, а из двенадцати 75мм осталось пять, 47мм пушки выведены из строя полностью...». Вот таким лёг на дно на тридцатиметровой глубине крейсер «ВАРЯГ». Япония победила в той войне. Едва был подписан мир, уже в 1905 году, японцы подняли крейсер «ВАРЯГ» со дна морского, решив не в бою, так после боя сделать непобеждённый корабль своим трофеем. Наскоро отремонтировали, сменили имя, начертав на борту иероглифы, по-русски произносимые как «СОИЯ», и заставили служить в качестве учебного корабля японского флота.

Японским бронепалубный был более десяти лет. В 1916 году, в разгар Первой мировой войны, Николай II выкупил гордость российского флота у Японии. На борту крейсера второй раз в его истории и в третий раз в истории российского флота появилось название «ВАРЯГ». Над кораблём вновь взвился Андреевский флаг, а команда, собранная с разных

российских флотов, дала клятву быть достойной первого экипажа, свято хранить традиции героев.

Вот что рассказал один из членов второго экипажа «ВАРЯГА» Ф. Сызранкин в интервью журналу «Филателия СССР» в мае 1976 года. Когда началась Первая мировая война, его, бывшего моряка-балтийца, мобилизовали и направили на Черноморский флот. А в начале 1916 года он оказался уже в Японии, в экипаже, принявшем у японцев выкупленный Россией крейсер «ВАРЯГ».

Нелёгким оказалось пятимесячное плавание из Японии в Россию. Три океана, восемь морей прошёл «ВАРЯГ», прежде чем в ноябре 1916 года бросил якорь на рейде в порту Романов-на-Мурмане, нынешнем Мурманске. «ВАРЯГ» был первым из военных кораблей, вставших на охрану северного побережья России в составе только что созданной флотилии Северного Ледовитого океана. Но в боевом строю был недолго, всего три месяца. Техническое состояние корабля, выкупленного у Японии, было столь плохим, что уже в феврале 1917 года, по приказу морского штаба, «ВАРЯГ» отправился в Англию для ремонта. В Ливерпуль прибыли уже под красным флагом, в пути донеслась весть о Февральской революции.

Временное правительство не торопилось профинансировать ремонт, он затягивался, а экипаж крейсера всё больше революционизировался. В мае судовой комитет постановил провести митинг в Шекспировском театре, но праздничную демонстрацию английская полиция разогнала. Команду с крейсера списали на берег, разрешив оставить десять матросов для охраны. А 8 декабря 1917 года англичане вероломно захватили корабль, арестовали охрану и красный флаг, разумеется, сорвали. Ходили слухи, что это произошло по воле военно-морского атташе Временного правительства России, который, не желая отдавать крейсер большевикам, за месяц до того пришедшим к власти в России, продал корабль английской частной фирме, а деньги, должно быть, прикарманил. Экипаж «ВАРЯГА» из Ливерпуля отправили в США, а потом через японский порт Иокогама во Владивосток

А корабль? На запрос правительства Советской республики Англия, солгав, ответила, что «ВАРЯГ» затонул, торпедированный немецкой подводной лодкой в Ирландском море. А в это время «ВАРЯГ» англичане прятали в одной из бухт Шотландии. Вскоре уже англичане продали российский крейсер, якобы на слом, Германии. По пути крейсер сел на мель и все попытки снять его успеха не принесли. В 1925 году его разобрали на месте.

Из 25 лет своего существования бронепалубный крейсер «ВАРЯГ» под этим именем и под Андреевским флагом в боевом строю был дважды, но всего российским он был только четыре с половиной года. «ВАРЯГ» провёл только одно морское сражение, но такое, что обеспечило ему честь и славу на века.

Гвардейский ракетный крейсер

В год 1100-летнего юбилея России как государства был заложен, а в год 60-летия подвига крейсера «ВАРЯГ», то есть в 1964 году, спущен на воду новый крейсер и в четвёртый раз в истории флота нашего Отечества на его борту было начертано имя «ВАРЯГ». В строй действующих этот ракетный крейсер вступил 10 января 1965 года и долгие годы образцово нес службу Отчизне в составе Краснознамённого Тихоокеанского флота, о чём свидетельствует присвоение кораблю звания Гвардейского и награждение его Юбилейным почётным знаком ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета и Совета Министров СССР. Посетив корабль, тогдашний руководитель страны Л. И. Брежнев написал в Книге почётных посетителей: «Впечатление ... о Гвардейском ракетном крейсере «ВАРЯГ» осталось самое хорошее. Могучая и грозная техника находится в умелых руках. Наследники боевой славы русских моряков достойно продолжают традиции, с честью выполняют свой воинский долг. Такими верными сынами наша Родина может гордиться». На вечном хранении в Центральном военно-морском музее страны находится теперь Гвардейский военно-морской флаг Гвардейского ракетного крейсера «ВАРЯГ».

Имея на вооружении крылатые ракеты П-35 с дальностью стрельбы до 300 км с обычными и ядерными зарядами, действуя самостоятельно или совместно с дальней морской авиацией и подводными лодками, экипаж Гвардейского ракетного крейсера «ВАРЯГ» в годы так называемой «холодной войны» принимал участие в отражении угрозы нападения на нашу страну и её союзников авианосных соединений США и НАТО, размещённых в Индийском и Тихом океанах. Задача «ВАРЯГА» в действиях «флот против флота» состояла в готовности уничтожить авианосцы и другие корабли противника, если тот начнёт боевые действия. В том, что «холодная война» тогда не переросла в войну на уничтожение и был сохранён мир для народов нашей страны, есть и заслуга экипажа Гвардейского ракетного крейсера «ВАРЯГ».

Атомный тяжёлый авианесущий крейсер

В связи со стратегическими ошибками военно-политического руководства, наша страна почти на 50 лет позже Японии, США, Англии и Франции построила первый авианосец. По плану, утверждённому в 1968 году, должно было быть построено 7 атомных тяжёлых авианесущих крейсеров. В 1975 году флоту сдан «КИЕВ», в 1978 – «МИНСК», в 1982 году – «НОВОРОССИЙСК», в 1987 году – «БАКУ». Все они несли на борту самолёты вертикального взлёта ЯК-41 и вертолёты.

Следующие два авианосца этой серии решено было перепроектировать под более современную и более мощную авиационную группу. Первый из них был назван сначала «РИГА», но ещё в ходе строительства переименовывался то в «ТБИЛИСИ», то в «ЛЕОНИД БРЕЖНЕВ» и, наконец, 25 декабря 1990 года был сдан в эксплуатацию и теперь служит в составе Северного флота под названием «АДМИРАЛ ФЛОТА СОВЕТСКОГО СОЮЗА КУЗНЕЦОВ».

Ещё один точно такой же корабль, изначально получивший наименование «ВАРЯГ», был заложен на верфи Николаевского судостроительного завода 6 декабря 1985 года. На воду этот корабль спущен 25 октября 1988 года, и этот день по всем правилам считается днём рождения атомного тяжё-

лого авианесущего крейсера «ВАРЯГ», с таким именем на борту корабль сошёл со стапелей.

Однако этому новорождённому «ВАРЯГУ» не суждено было дожить до совершеннолетия: военно-морскому флоту он так и не был сдан. Готовый на 70%, в ноябре 1991 года достраивающийся корабль поставили на консервацию, а его гордое имя было передано другому кораблю. У России не было денег на достройку, не было их и у Украины. В конце концов Украина продала корпус авианосца в Китай, где один из миллиардеров собирался установить его в Макао и устроить в нём торгово-спортивно-развлекательный комплекс для курортников и туристов.

Возможно, авианосец «ВАРЯГ» ещё появится на волнах океанов под Андреевским флагом, но это будет уже другой, несомненно, более мощный и совершенный корабль.

Ещё один ракетный крейсер

Опыт несения боевой службы в удалённых районах мирового океана убедил военно-политическое руководство страны в необходимости иметь не только подводные ударные противокорабельные силы, но и возобновить строительство надводных ракетных крейсеров. В 70-е годы XX века были построены первые тяжёлые ракетные крейсера с атомными ходовыми установками. В 80-е годы планировалось, в целях ускоренного наращивания флотом потенциала противокорабельных ракет оперативно-тактического назначения построить 6 более лёгких ракетных крейсеров не с атомными, а с газо-турбинными энергетическими установками. Построено только три, и последний, вошедший в строй в 1990 году, получил название «ВАРЯГ».

Будущий ракетный крейсер «ВАРЯГ» строился в Николаеве, на соседней с занятой строительством авианосца «ВАРЯГ» верфи. Когда строительство авианосца по финансовым причинам было остановлено, его название и было передано готовому к спуску на воду газотурбинному ракетному крейсеру.

При водоизмещении 11300 тонн и скорости хода 32 узла, последний в XX веке и первый в веке XXI крейсер «ВАРЯГ»

имеет на вооружении 16 палубных пусковых установок противокорабельных ракет ПКР-500 «Базальт», 8х8 пусковых установок зенитных управляемых ракет ЗУРС-300Ф и 2 х 2 пусковых установок зенитных управляемых ракет ЗУР «Оса».

И этот «ВАРЯГ», флагманский корабль Тихоокеанского флота России, образцово несёт службу по защите того государства, что более тысячи лет назад создали вместе со славянскими и другими племенами варяги – скандинавские наёмные воины, первые военные моряки в нашем отечестве.

*Гости
Пушкинского
альманаха*

Лилия Юсупова

поэт и художник, автор более 10 книг стихов, член Союза писателей России, победитель конкурса «Золотая Лира», лауреат Петровской академии наук и искусств в области литературы. В 2013 г. получила премию им. Марины Цветаевой за книгу стихов «Время любить».

Страницы из дневника

ОПАСНАЯ ПОЭЗИЯ

Сегодня – день рождения Александра Сергеевича Пушкина. Дата, которую я всегда помню и по-своему отмечаю перечитывая его стихи.

Накануне 212-й годовщины рождения поэта на одном из Интернет-форумов возникла дискуссия на тему: «Почему я не люблю Пушкина». Одна из поэтесс определила нашего гения как крепкого поэта средней руки, подкрепляя своё высказывание неудачными пушкинскими рифмами, употреблением нецензурных слов и прочими слабостями, раскопанными литературоведами.

Но разве по слабым стихам определяется гений? «Евгений Онегин» живет уже почти 200 лет, а роман в стихах так и остался вершиной русской поэзии, которую никто из последующих поэтов так и не смог покорить. И по-прежнему современно звучит ответ А.С. Пушкина его воинствующим критикам:

*Поверь: когда слепней и комаров
Вокруг тебя летает рой журнальный,
Не рассуждай, не трать учтивых слов,
Не возражай на писк и шум нахальный;
Ни логикой, ни вкусом, милый друг,
Никак нельзя смирить их род упрямый.
Сердиться грех – но замахнись и вдруг
Прихлопни их проворной эпиграммой.*

Да, на эпиграммы поэт не скупился. Пушкинисты насчитали в его творчестве 71 произведение этого жанра. Большинство из них при жизни поэта не были напечатаны, но широко цитировались в обществе. Пушкин умел ударить язвительными словами. Соперники в долгу тоже не оставались: Фаддей Булгарин стрелял в автора обидной эпиграммы из духового ружья, князь Дондуков-Корсаков пытался отравить его ядом, Кюхельбекер вызывал Пушкина на дуэль, а Гнедич ударил поэта по голове тяжелым томиком «Илиады». Так что поэзия – весьма опасное занятие...

6.06.2011

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОГРАФ

Несмотря на то, что вся пушкинская биография вдоль и поперек изучена литературоведами, находки случаются и в наше время. В прошлом году был найден неизвестный автограф А.С. Пушкина... в подорожной книге. Его случайно обнаружила старший научный сотрудник Государственного литературного музея Светлана Бойко, которая работала в фондах Центрального исторического архива Москвы, готовя работу о Лермонтове. В тетради для записи прихода и расхода подорожных бланкетов она отыскала запись от 27 июля 1830 года: «До Казани Коллежскому Ассессору Александру Пушкину. 2 лошади, 829 верст. 3 р. 16 коп.». В последней графе стоит подпись: «Подорожную получил коллежский ассессор Александр Пушкин».

Интересно, что чин поэта завышен на два ранга. Ошибку списали на чиновника, сделавшего запись. Найденный автограф подтвердил признание Пушкина: «Чины в России – необходимость хотя бы для одних станций, где без них не добьешься лошадей».

Кстати, об этой поездке в Казань (летом 1830 года) биографам ничего не было известно.

7.06.2011

ОГОНЧАРОВАННЫЙ ПУШКИН

У меня пушкинский 1830 год ассоциируется с двумя событиями: в апреле поэт получил согласие Гончаровых на брак с Натальей Николаевной, а осенью испытал необыкновенный взлет творчества, который мы называем Болдинской осенью. Душевный и поэтический подъем был, несомненно, связан с любовью:

Я восхищен, я очарован.

Короче, я огончарован...

Так шутило говорил он друзьям. Женитьба состоялась 18 февраля 1831 года.

8.06.2011

МУЗА И МУХА

Борис Модзалевский в своей работе «Пушкин в донесениях агентов тайного надзора» приводит выписки из рапортов слежки за поэтом. «Пушкин принят во всех домах хорошо и, как кажется, не столько теперь занимается стихами, как карточной игрой и променял Музу на Муху, которая теперь из всех игр в большой моде», – доносит Бенкендорфу начальник 2-го жандармского корпуса генерал-майор А. Волков 5.03.1827 года.

ПРОСЧИТАННЫЙ ПУШКИН

Дотошные исследователи посчитали, что 84% всех стихотворных строк А.С.Пушкина составляют ямбы, 10,6% – хорей, 1,5% – трехсложные размеры, 3,9% падают на «народные» размеры и гекзаметр с пентаметром, а дактиля нет совсем. Так что не случайно ямбы так и называют – пушкинскими.

9.06.2011

ПУШКИН И МАЯКОВСКИЙ

У Маяковского на одном из выступлений спросили: «Часто ли Вы заглядываете в Пушкина?» Маяковский ответил: «Никогда не заглядываю. Пушкина я знаю наизусть».

Я тоже многие строки А.С. Пушкина знаю наизусть. В школьные каникулы (после 6-го класса) я решила развивать память и начала ежедневно учить стихи. Первым произведением, на котором шла «тренировка», был роман в стихах «Евгений Онегин», а ежедневная норма – 1 страница текста в день. Выбор был неслучаен: больше всего из пушкинского наследия мне нравилось именно это творение.

10.06.2011

В СОАВТОРСТВЕ С АЛЕКСАНДРОМ СЕРГЕЕВИЧЕМ

Стихи Александра Сергеевича Пушкина входят в нашу жизнь с детства: сначала со сказками поэта, потом — с его лирикой, навсегда срастаясь с душой. Удивительная легкость и мелодичность стихов, красота и точность слога, ум и юмор пушкинских творений необычайно притягивают читателя. Влияние Пушкина испытывают на себе даже зрелые поэты, не говоря уже о начинающих.

В 1937 году, когда отмечали столетний юбилей гибели Пушкина, одна из учениц прочитала на школьной сцене «собственное стихотворение», посвящённое поэту:

*Он памятник воздвиг себе нерукотворный.
К нему не зарастёт народная тропа.
Вознёсся выше он главою непокорной
Александрійского столпа...*

Торжественно и отчетливо, в полной уверенности в своём авторстве она продекламировала до конца «Памятник» Александра Сергеевича, где слово «я» было замещено на «он»...

11.06.2011

«И ВИЖДЬ, И ВНЕМЛИ...»

Сейчас стало модным писать стихи, как прозу, не разделяя текст на строфы. К примеру, так: «Духовной жаждою томим, в пустыне мрачной я влачился, — и шестикрылый сера-

фим на перепутье мне явился. Перстами легкими как сон моих зениц коснулся он. Отверзлись вещие зеницы, как у испуганной орлицы. Моих ушей коснулся он, – и их наполнил шум и звон»...

О, нет, больше не могу – меня нервируют подобные приёмы. Думаю, что Александр Сергеевич Пушкин, живя в наше время, даже несмотря на то, что «обычай – деспот меж людей», не стал бы лишать стихотворение гармонии, которую придают ему строфы. Поэтому знаменитое стихотворение «Пророк» продолжим читать в авторской редакции:

*И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».*

Это стихотворение очень важное в творчестве поэта. Написано оно в 1826 году во время его ссылки (в Михайловском). О возникновении идеи стихотворения Пушкин рассказывает в одном из писем: «Когда я приехал в монастырь Святые Горы, чтобы отслужить панихиду по Петре Великом,

там прочёл отрывок из Библии, который перефразировал в «Пророк». Отрывок меня внезапно поразил, преследовал несколько дней, и раз ночью я написал своё стихотворение; я встал, чтобы написать его. Мне кажется, что стихи эти я видел во сне. Это было незадолго до того, как Его Величество вызвал меня в Москву. Я думаю, что Пётр Великий вдохновил его тогда; мне кажется, что мёртвые могут внушать мысли живым».

Пушкин сделал стихотворное переложение отрывка «Из Книги Исайи», сохранив торжественность стиля и отчасти библейскую лексику. Главная мысль стихотворения: пророк (поэт) – посредник между Богом и людьми, уста Господа. Я уверена, что стихотворение писалось на большом подъеме, потрясшем поэта до глубины души, на едином дыхании. Великие поэты всегда видят намного дальше и глубже, чем современники, прозревая еще не случившиеся события. Уже 200 лет пушкинский глагол жжет сердца людей, обходя моря и земли. Так что 28-летний поэт в оценке своего творчества был прав...

«ВТОРИЧНЫЙ» ПУШКИН

Сегодня прочла в Интернете об эксперименте, который провел один из авторов литературного сайта. Он разместил на своей страничке под своим именем пушкинское стихотворение «Талисман». Реакция последовала тут же – в первом же отзыве автора обвинили в гомосексуальных наклонностях из-за строк:

*И тебя на лоно друга,
От печальных чуждых стран,
В край родной на север с юга
Не умчит мой талисман.*

А в другой рецензии дан такой разбор стихотворения: «Стихотворение связное. Ритм выдержан. Что хотел сказать автор – понятно. К сожалению, на мой взгляд, у произведения есть недостатки:

1) Бедные рифмы. «Плещет-блещет»; «любя-тебя»; «очиночи» и практически все остальные устарели уже лет сто пятьдесят тому назад.

2) Неточности. «Мусульман» – мусульманин (впрочем, особого греха здесь не вижу). «Лоно друга». Применительно, как правило, к предметам женского рода (лоно природы, материнское лоно).

3) Увы, вторичность. Стилизация под классические образцы не отменяет необходимости новых идей. Рассказ о восточной деве, дарящей герою талисман, к таковым отнесен быть не может».

И никто из 100 посетителей странички не узнал классика!

30.07.2011

КСТАТИ, О ПУШКИНЕ

Наткнулась на днях на интервью Константина Кедрова, озаглавленное «Пушкин – наше ничто»: «Пушкин – гений банальности, если гениальность и банальность в чем-нибудь совместимы. Он всё время ломится в открытую дверь. Я не понимаю, «что в вымени тебе моем». Так и не осилил «Евгения Онегина» до конца, только помню, что «она любила на балконе». Почему бы и нет? Помню «Кончаю. Страшно перечесть...». Тоже неплохо. Еще какие-то глупости, что «гений и злодейство – две вещи несовместные». В открытую дверь за Пушкиным вломились Тютчев, Фет, Некрасов, Надсон, Брюсов, Блок. Благо в открытую дверь ломиться легко. Слава Богу, пришли футуристы, и дверь захлопнулась, больно ударив по носу легкописцев».

Меня статья страшно возмутила: чтобы ругать Пушкина, надо быть если не на голову выше классика, то хотя бы вровень с ним. На досуге почитала критика и пришла к выводу: я ломлюсь в дверь, открытую Пушкиным, а Кедров – в дверь, открытую Хлебниковым. Так, например, выглядит его, Кедрова, стих «Зеркало»:

Зеркало
лекало

звука
в высь
застынь
стань
тон
нет тебя
ты весь
высь
вынь себя
сам собой бейся босой
осой
ссс – ззз
озеро разреза
лекало лика
о плоскость лица
разбейся
то пол потолка
без зрака
а мрак
мерк
и рек
ре
до
си
ля
соль
фа
ми
ре
и рек
мерк
а мрак
без зрака
то пол потолка
разбейся
о плоскость лица
лекало лика

озеро разреза
ссс – ззз
осой
сам собой бейся босой
вынь себя
высь
ты весь
нет тебя
тон
стань
застынь
в высь
звука
лекало
зеркало

Впрочем, в дверь, открытую Пушкиным, Константин Кедров тоже заглядывает и даже пишет стихи в компании с классиком:

*На Свете счастья нет
Но есть покой и Валя*

*я помню чудное мгновенье
а ты всё менее и менее*

А без соавторства с Пушкиным стихи получаются менее поэтичными и более пошлыми:

*Мы с тобой как два яйца
Будем вместе до конца*

3.02.2012

«НАШЕМУ» ПОЭТУ

Что бы ни говорили критики Пушкина, как бы ни пытались принизить его роль для русской литературы, потушить «Солнце русской поэзии» уже никому не удастся. Прав был Федор Тютчев, сказав про поэта:

*Тебя, как первую любовь,
России сердце не забудет...*

Однако помнят о Пушкине не только россияне: в Эфиопии тоже есть памятник Александру Сергеевичу с высеченной надписью – «Нашему поэту».

4.02.2012

СЛЁЗЫ ПУШКИНА

Сегодня 19 октября. 201 год назад в этот день в Царском Селе открылся Лицей – привилегированное учебное заведение для 30 мальчиков. Кандидаты отбирались тщательно: по рекомендации влиятельных особ. Так, за Александра Пушкина просили два известных литератора: А.Тургенев и В.Л. Пушкин, дядя будущего классика.

Впоследствии лицеисты первого выпуска ежегодно отмечали день Лицея, собираясь на обед. Обед 1836 года был для Пушкина последним. Собравшиеся на нем выпускники вспоминали, что Пушкин не смог дочитать приготовленные стихи, заплакав навзрыд. Почему плакал поэт? На этот вопрос пушкинист Александр Лацис (кстати, потомок Пушкина) ответил так: «Поэт ясно представлял: этот праздник – для него последний, на следующем его не будет, его не будет нигде».

Рассуждения Лациса показались мне убедительными и интересными с медицинской точки зрения. Сам пушкинист был болен болезнью Паркинсона, поэтому он обратил внимание на то, что ускользнуло от глаз других литературоведов: он нашел признаки своей болезни у поэта.

Современники говорили, что Пушкин грыз ногти. Лацис утверждает, что это неверно: поэт прикрывал рукой нервный тик в углу рта. В последние годы болезнь прогрессировала, и тик превратился в судороги лица, которые появлялись при волнении. Кроме того, поэт страдал неожиданными обмороками и микрографией (специфическим изменением почерка). Последний симптом усилился в 1836 году: при письме буквы становились всё меньше и меньше. Хотя болезнь Паркинсона обычно развивается в старческом возрасте, у Пуш-

кина признаки заболевания стали проявляться к 35 годам. Что переживал в то время поэт, описано в стихотворении «Странник»:

*При детях и жене сначала я был тих
И мысли мрачные хотел таить от них;
Но скорбь час от часу меня стесняла боле;
И сердце, наконец, раскрыл я поневоле.
«О горе, горе нам! Вы, дети, ты жена! –
Сказал я, ведайте: моя душа полна
Тоской и ужасом; мучительное бремя
Тягчит меня. Идет! Уж близко, близко время...»*

Лацис предположил, что именно тогда Александр Сергеевич принял решение уйти из жизни, опередив конечную стадию заболевания. Окружение поэта чувствовало его состояние. Так, например, И. Иваницкий писал: «В последний год своей жизни Пушкин решительно искал смерти».

На обеде лицеистов 19 октября 1836 поэт, плача, прощался с друзьями: жить ему оставалось 3 месяца и 21 день...
19.10.2012

ОПЯТЬ О ПУШКИНЕ

Поэт Марсель Гафуров, анализируя мою книгу «Время любви», заметил, что в «Страницах из дневника» я то и дело возвращаюсь к Пушкину. Это так. Однако стихов об Александре Сергеевиче у меня почти не было. Но вчера, размышляя о моде в русской поэзии, я не могла обойти имя Пушкина:

О русской поэзии

*Меняется формация –
Меняет вкусы свет.
Был при царе у нации
Один авторитет,
И так блистал он гением,
Что стихотворцев рать
Старалась все творения
По-пушкински писать.*

*Но царские конструкции
Сломал октябрьский шквал –
И голос революции
Взлетел на пьедестал.
Лирические песенки
Покрылись сразу мхом:
Писать все стали лесенкой
И рубленным стихом.*

*А ныне Маяковского
Отправили в утиль:
Теперь народу Бродского
Перенимает стиль;
И новые условия
Диктует всем тираж –
Ведь в моде многословие,
Игра и эпатаж.*

*А я другой конфессии
Давно служу душой:
Той самой, где поэзию
Прозвали золотой;
И жду с надеждой жаркою
Уже не первый год:
Когда ж придёт монархия
И Пушкина вернёт?*

4.11.2012

АЛИНА, ПУШКИН И МУДЖИБ

Тайна Пушкина притягивает. К тому же жизнь сама подбрасывает примеры магнетизма великого русского поэта.

Летом я была на международной конференции в Иркутске. После серьезных докладов состоялся банкет, где делегация врачей из Индии пела заборные частушки на русском языке:

*Ой, девчата, не смотрите,
Что я черненький такой:
Видно, плохо мама мыла
Меня мылом и водой!*

После них я читала свои стихи. Они произвели впечатление на индуса Муджиба. «Я очень люблю русскую поэзию. Особенно вашего Пушкина», – сказал он, встретившись со мной в коридоре. И на хорошем русском языке начал читать:

*Я вас люблю, – хоть я бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный,
И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь!
Мне не к лицу и не по летам...
Пора, пора мне быть умней!
Но узнаю по всем приметам
Болезнь любви в душе моей...*

Муджиб с выражением и почти без акцента дочитал «Признание» до конца. Это было трогательно: индийский врач, с воодушевлением декламирующий стихи русского классика. Я поинтересовалась – пишет ли Муджиб стихи сам? «Немного. Частушки я написал», – сверкнув белозубой улыбкой, ответил индус.

Какой удивительной силой обладают стихотворные строки, наполненные любовью! Они легко шагают через столетия и государственные границы. Такова магия пушкинского слова: невозможно не попасть под ее обаяние.

Пушкину было 25 лет, когда его выслали в Михайловское. Это было испытанием – после яркой и бурной жизни очутиться в деревенской глуши. Общение поэта было ограничено няней и соседским семейством П.А. Осиповой. В доме Прасковьи Александровны воспитывалась ее падчерица Александра, которую в кругу семьи звали Алиной. Эта скромная застенчивая девушка сторонилась шумных забав и любила гулять в одиночестве. Возможно, именно она послужила для Пушкина прототипом Татьяны. Сердце поэта было ранено:

*Алина! Сжальтесь надо мною.
Не смею требовать любви:
Быть может, за грехи мои,*

*Мой ангел, я любви не стою!
Но притворитесь! Этот взгляд
Всё может выразить так чудно!
Ах, обмануть меня не трудно!..
Я сам обманываться рад!*

Это увлечение было недолгим. У Пушкина вскоре появилась новая Муза – А. Керн, однако стихи остались, а с ними и память о тех вечерах в Тригорском.

Через 11 лет, в сентябре 1835 года, Александре Осиповой (теперь уже Беклешовой) пришло письмо от Пушкина: «Мой ангел, как мне жаль, что я Вас уже не застал, и как обрадовала меня Евпраксия Николаевна, сказав, что Вы опять собираетесь приехать в наши края! Приезжайте, ради бога; хоть к 23-му. У меня для Вас три короба признаний, объяснений и всякой всячины. Можно будет, на досуге, и влюбиться. Я пишу к Вам, а наискось от меня сидите Вы сами во образе Марии Ивановны. Вы не поверите, как она напоминает прежнее время. И путешествия в Опочку. И прочая. Простите мне мою дружескую болтовню. Целую Ваши ручки». Александра, уже замужняя дама, не ответила поэту. Не так ли поступила бы и Татьяна из «Евгения Онегина»?

А стихи живут своей жизнью, волнуя сегодняшнего читателя так же сильно, как волновали они современников поэта, потому что написаны чувством.

7.11.2012

Геннадий Антонов

автор книги «Пушкин и флот», вышедшей в свет под эгидой Пушкинской комиссии РАН (издательство «Вита Нова» 2006 год). За последние годы им опубликованы более десяти работ в области пушкиноведения, среди которых: «Неопознанный морской рисунок Пушкина в автографе романа «Евгений Онегин» (Михайловская Пушкиниана. — Вып. 42. — 2006) и др.

В дальнейших творческих планах контр-адмирала Антонова Геннадия Николаевича книга с рабочим названием «Пушкин в морских городах России».

Моряки читают Пушкина

Море и флот в романе «Евгений Онегин»

Роман Пушкина в стихах «Евгений Онегин» с момента его появления и по сей день оценивается по-разному и литераторами, и критиками, и рядовыми, не искушенными в филологии, читателями. Даже современники Пушкина: А. Бестужев, В. Одоевский, Н. Языков, Н. Гоголь, Н. Полевой, Ф. Булгарин, Н. Раевский-мл. по-разному отнеслись к роману [1,6,17,18].

Пушкиноведами позднейшего периода за академическую основу оценки творчества Пушкина в романе «Евгений Онегин» взята оценка В.Белинского [4], изложенная им в великолепном цикле статей 1843–1846 годов. В них Белинский раскрыл роман как «энциклопедию русской жизни», охватывающую разные ее стороны, вплоть до деталей быта, отразил свою историко-философскую характеристику произведения как в высшей степени народный акт сознания русского общества. Основные оценки романа, данные В.Белинским, стали определяющими в литературоведении вплоть до наших дней, хотя в целях избежания догматизма следует заме-

тить, что не все его выводы и не всеми исследователями считаются раз и навсегда решающими проблемы истолкования романа.

Нельзя не согласиться с целым рядом пушкинистов [24,27,38], утверждающих, что «... в пушкиноведении много общих мест, которые примелькались и в силу одного этого выглядят несомненными. Парадоксы романа не замечаются». Это относится к «неторопливому художественному изображению быта в первой главе». Оно дано с целью объяснить личность героя условиями среды, воспитавшей его. И только этого общественного слоя – дворянства. Например, нет описания быта крепостных крестьян, а дворовые едва обозначены. Поэтому на определение «энциклопедия жизни русского общества», изложенное в романе претендовать не может. Да этого и не требуется.

Заметный резонанс в литературных кругах и в обществе в целом вызвала речь Ф.М. Достоевского, произнесенная им 8 июня 1880 года на торжествах, посвященных открытию памятника Пушкину в Москве. Отведя «Евгению Онегину» в своей речи центральное место, Ф.М. Достоевский охарактеризовал его как бессмертное [13].

В начале XX века за оценку и трактовку романа взялись профессиональные филологи-пушкиноведы: Б.Л. Модзалевский, П.А. Щеголев, М.А. Цявловский, Н.О. Лернер, С.М. Бонди, М.Л. Гофман, Б.В. Томашевский, и др. Эта работа отражена в 6-м томе полного (16-томного, в 20-ти книгах) академического собрания сочинений Пушкина (1937–1949), где впервые были опубликованы все черновые варианты романа.

Редактором этого самого сложного в текстологическом отношении тома Полного академического собрания сочинений Пушкина «Евгений Онегин», изданного в 1937 году, был Б.В. Томашевский.

В более поздний период к полемике об «Евгении Онегине» подключились А.Д. Благой, Н.В. Измайлов, Ю.М. Лотман, Ю.А. Тынянов, М.П. Алексеев, В.В. Набоков, В.С. Не-

помнящий, Р.В. Иезуитова, В.Э. Вацуро, С.А. Фомичев, Б.С. Мейлах, Г.П. Макогоненко и др. Плодом их деятельности стали капитальные научные труды. В частности, последний сформировал методологию исторического подхода к роману, обосновал важность изучения истории его создания. Это важно, ведь творчество Пушкина явилось результатом и отражением многочисленных сложнейших исторических процессов, в которых и Российский флот в первой четверти XIX века играл далеко не последнюю роль. Кругосветные плавания, открытие Антарктиды, полярные исследования и участие в победоносной турецкой войне 1827–1829 г. позволили флоту занять заметную позицию в жизни русского общества.

Безусловно, ярчайшим явлением, плодом коллективного труда современных пушкинистов-филологов, историков, искусствоведов и специалистов самых разных отраслей знаний, явилась «Онегинская энциклопедия» [29]. Она является по сути научным исследованием, объединившим в общем алфавите три словаря: словарь имен собственных (более 230 имен), словарь имен главных и второстепенных героев, словарь реалий событий пушкинской эпохи. В итоге, «Онегинская энциклопедия» воспринимается как цельный сборник комментариев к эпохе, отделенной от нас более чем на полтора столетия.

Примечательно, что еще в 1925 году Б.В. Томашевский [37] отмечал, что «Пора вдвинуть Пушкина в исторический процесс... творчество Пушкина не как факт индивидуальный, а как факт социальный – очередная задача науки».

Хорошая, замечательная идея, но представляется, что пушкинисты советского периода «вдвигали» Пушкина в историю как-то односторонне, не придавая особого значения отдельным очевидным фактам. В этом смысле флоту не повезло больше других, и поэтому данная работа не что иное, как попытка чуть-чуть взглянуть на творчество Пушкина с другой, может быть, непривычной стороны – со стороны флота.

Начало этим размышлениям было заложено в 1979 году, когда автору довелось учиться в Военно-морской академии.

Тогда город назывался именем Ленина, а академия носила имя Маршала Советского Союза А.А. Гречко, хотя до 1960 г. она называлась именем академика А.Н. Крылова. С 1992 г. и по сей день она носит имя Адмирала флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова, а город на Неве вернул себе историческое название Санкт-Петербург.

Учеба в академии была трудной и напряженной, но по сравнению с флотской службой все же предоставляла некоторую свободу времени, которое посвящал, как тогда говорили, развитию личности. Театры, музеи, библиотеки, консерватория – все было доступно и очень интересно.

Естественно, в этом ряду нашлось место и Пушкину. Решено было перечитать «его всего» по академическому Полному собранию сочинений. Тогда и появилась большая тетрадь в синей коленкоровой обложке, содержание которой позволяло погружаться в историко-литературную, культурную и бытовую обстановку пушкинской эпохи, выявляя для себя многое из того, что было понятно современникам Пушкина, но к настоящему времени вышедшее из обихода. В конце концов, это были просто устаревшие слова, требующие для меня определения, комментария, а в отдельных случаях и поиска синонимов. Постепенно тетрадь превратилась в некоторый справочник, маленькую энциклопедию моего понимания Пушкина. Благодаря ей, как-то само собой, причем в хронологическом порядке, стали выстраиваться события, упоминаемые Пушкиным, что позже позволило совместить две самостоятельные области знания – пушкинистику и историю флота. Результат превзошел все ожидания: становление творчества Пушкина и развитие флота – это не только параллельные по времени процессы, но и во многом пересекающиеся.

К великому сожалению, осенью 1988 г., возвратившись с моря после выполнения очередной ракетной стрельбы, я обнаружил, что тетрадь безвозвратно утеряна. Но именно системность, обрисованная в тетради, натолкнула меня на мысль о том, что творчество А.С. Пушкина насыщено словами и

темами флота. Примером этого могут служить взаимосвязи творчества нашего гения и Российского Флота, заметно проявившиеся в романе «Евгений Онегин».

Воспринимая роман «Евгений Онегин» не только как познавательный о жизни русского общества пушкинской эпохи, но и как начало первой фазы развития русской литературы [21, 24, 25, 28, 38], автор не намеревается спорить и давать какие-либо оценки характерам героев или, не дай бог, сюжету. Тем более не предпринимает попыток показать в образах героев романа черты определенного лица из флотской среды, лично известного Пушкину. Я пытаюсь восполнить небольшой пробел и дать некоторые профессиональные комментарии к отдельным местам романа, ориентируясь на мнение Б.В.Томашевского, утверждавшего [38], что в пушкиноведении даже внимание к мелочам извиняется, если авторы таких трудов не забывают о главных целях науки и служат им.

Прежде всего хочется обратить внимание на тот факт, что роман «Евгений Онегин» имеет «морскую финальность», каковой являются «Отрывки из путешествий Онегина» [12, 19, 23]. Показанные Пушкиным образы связаны с Одессой. «Одесские» строфы, написанные Пушкиным непосредственно после окончания «южной ссылки», в конце 1824 – начале 1825 г., и есть не что иное, как самые свежие воспоминания о только что оставленном море.

Есть все основания особо подчеркнуть значение моря в творчестве Пушкина, как имеющее символическое значение для романтической литературы [7]. Осмелимся утверждать, что это, а также мирообраз «волны» сформулировали общую *гидронимическую* атмосферу романа, явились подтверждением основоположности Пушкина как мариниста в российской литературе.

В тексте романа слово «волна» употребляется 13 раз – не самое «частотное», но ведь и произведение далеко не морское.

Пушкинисты-филологи, наблюдая и размышляя над семантикой понятия «волна» в романе «Евгений Онегин»

[7,10,17,18,25,36], переходят к реминисцентным переключкам мирообразов слов «волнение» и «вольность», видимо с позиции лейтмотивности характеров пушкинских героев. Уж чего-чего, а волнений и переживаний в романе предостаточно – тем и хорош роман мира человеческих чувств, «волнуемой души», «волнения в крови». Ну кто бы так не захотел любить в наш бурный XXI век?

В первой главе романа (XLIX) Пушкин упоминает волны Адриатического моря, омывающие Италию с востока:

*Адриатические волны,
О Брента! Нет, увижу вас,
И вдохновенья снова полный
Услышу ваш волшебный глас!*
(VI, С.25)

«Латинизированная» модель русского языка Adriatique (mer) – адриатический, дают название явлению, ставшему для поэта вдохновением.

Есть еще в романе употребленный Пушкиным один раз неологизм «Балтические волны» (VI, С.14), видимо, построенный по такой же схеме.

Трудно не обратить внимание на постоянные авторские обращения Пушкина к водной стихии как к источнику вдохновения и творческого процесса:

*«Близ вод, сиявших в тишине,
Являться муза стала мне»*
(VI, С.165)

Заметен в романе пушкинский гидроним «валы» (VI, С.167), а также реминисценция «девятый вал» (VI, С.197).

Все это особо подчеркивает морскую стихию всего романа Пушкина «Евгений Онегин», как ни странно это звучит.

Фамилии каких-либо моряков в романе «Евгений Онегин» Пушкин упоминает немного да и то опосредованно:

Петр I, Г. Потемкин¹, Ф.П. Толстой, А.А. Шаховской, А.С. Шишков. Всего 5 человек. Да в образе героя второго плана Зарецкого уж больно ярко прослеживается реальный прототип – Ф.И. Толстой – американец.

Но начнем не с них, а с конкретно указанного в романе шестого моряка:

*И сын египетской земли
Корсар в отставке, Морали
(VI., С.201)*

Речь идет об исторически достоверно установленной личности одесского знакомого Пушкина моряка по имени Али, мавра по происхождению, родом из Туниса. Как свидетельствует И.П. Липранди, Али был «... человек очень веселого характера, лет тридцати пяти, среднего роста, плотный, с лицом загорелым и несколько рябоватым, но очень приятной физиономии».

«У меня лежит к нему душа: кто знает, может быть, мой дед с его предком были близкой родней» – так, по словам Липранди, говорил об Али Пушкин, неизменно называя его корсаром. Maure Ali [фр.] – мавр Али – Морали.

По свидетельству современника Пушкина Д.М. Бутурлина, «ходил он в африканском своем костюме с толстой железной палкой в руке».

В вариантах строфы романа мавр Али имел более подробные характеристики:

*<И ты Отелло-Морали>
<И сумрачный корсар-араб>
<И беглый сын родной земли>
<И черный гость родной земли>
(VI., С.465)*

¹ Чтобы не было сомнения, отсылаю Вас, дорогой читатель, к Пушкину: «... ему обязаны мы Черным морем и блестящими ... победами в Северной Турции.» «Заметки по русской истории XVIII века». ПСС т.XI, С.15.

Каждое из этих уточнений в отношении Али важно, т.к. дополняет прототип пушкинского героя, в данном случае в перечислении жителей многонациональной Одессы. Но Пушкин выбрал одно: «корсар в отставке», отражающее ходившие в городе слухи о том, что свои богатства он нажил пиратством. Corsaro – [ит.] морской разбойник, пират. Кстати, есть в третьей главе романа и самостоятельное употребление этого морского слова (VI, С.56), в смысле персонажа романтического злодея байроновского героя Конрада Корсара поэмы «Корсар» (1814 г.)

Интересно употребленное Пушкиным в романе слово «ветрило», слово старинное, относящееся к строгой церковнославянской норме:

*Придет ли час моей свободы?
Пора, пора! – взываю к ней,
Брожу над морем, ждущу погоды,
Маню **ветрила** кораблей.
Под ризой бурь, с волнами споря,
По вольному распутью моря
Когда ж начну я вольный бег?*

(VI, С.26)

Исследователи творчества Пушкина подсчитали, что в своих произведениях слово «ветрило» он употреблял 11 раз. Подмечая при этом тот факт, что им закреплен в пользу живой разговорной практики русского языка перенос ударения с первого слога на средний, который впервые употребил в 1798 г. Г.Р. Державин в своей оде «На прибытие Ее Императорского Величества в С.-Петербург».

Постепенно из употребления слово «ветрило» исчезло, на смену ему из среды флота пришло слово «парус». Паруса, наполненные ветром, – символ поэтического вдохновения, стремления вперед к достижению цели, самый яркий атрибут романтики.

Есть в романе и самостоятельное употребление Пушкиным слова «парус». Сделал он это дважды в главе «Отрывки

из путешествия Онегина», причем, место упоминания паруса связано с Одессой[19].

*Я жил тогда в Одессе пыльной...
Там долго ясны небеса,
Там хлопотливо торг обильный
Свои подьмлет паруса.*
(VI, С.201)

*Дитя расчета и отваги
Идет купец взглянуть на флаги,
Проведать, шлют ли небеса
Ему знакомы паруса.*
(VI, С.203–204)

Это, в общем-то, является загадкой Пушкина, на которую ранее исследователи не обращали внимание. Как объяснить употребление поэтом в одном произведении двух разных слов, имеющих одно и тоже значение? Собственно, ветрило это и есть паруса.

Возвращаясь к морской финальности романа «Евгений Онегин», отметим, что Пушкин направляет своего героя в Крым:

«Онегин посещает потом Тавриду» (VI, С.199)

*Прекрасны вы, брега Тавриды,
Когда вас видишь с корабля
При свете утренней Киприды,
Как вас впервой увидел я...* (VI, С.199–200)

*Спустя три года, вслед за мною,
Скитаясь в той же стороне,
Онегин вспомнил обо мне.*
(VI, С.201)

Ключевое слово здесь Таврида – название Крымского полуострова, искусственно придуманное в России от *tauri*

[латин.] названия скифского племени и прилагательного *tauricus* [латин.] – таврический, относящийся к таврам.

В конце XVIII века в оде «Водопад», написанной на смерть Г.А. Потемкина – светлейшего князя Таврического, Г.Р.Державин закрепил в русском языке название Таврида [16].

Бывший лицеист Пушкин, воспитанный на творчестве Державина, уехал в Крым с семьей генерала Н.Н.Раевского-старшего так что и Таврида «поехала» с ним. Заметим, что само слово «Крым» в романе не встречается, но в черновиках при описании путешествия Онегина оно есть:

*Он едет к берегам иным –
Он прибыл из Та<мани> в Крым*
(VI, С.486)

Присоединенный к России в 1783 г. Крым стал жемужиной в ее короне. Более двухсот лет именно Крым в силу своего геополитического положения был ключевым элементом государственной политики на юге. Он определил интенсивность и мощь развития экономики прилегающих к бассейну Черного моря российских регионов: Николаев, Херсон, Мариуполь, Ростов-на-Дону, Таганрог – и все это под защитой Военно-Морского флота России. Именно в Крыму, в Севастополе, была организована главная база Черноморского флота. С Черноморским флотом связаны имена прославленных российских адмиралов Мордвинова, Грейга, Матюшкина, Корнилова, генерала Н.Н. Раевского-мл. Здесь блеснули доблестью адмиралы Меншиков, Беллинсгаузен – люди эпохи Пушкина, его флотское окружение. В конце концов, единственное по-настоящему морское путешествие на военном корабле Пушкин совершил на Черном море из Феодосии в Гурзуф:

*Погасло дневное светило,
На море синее вечерний пал туман.
Шуми, шуми, послушное ветрило.
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.*
(II, С.146)

Что касается самого Таманского полуострова (по-гречески Таматарахия), то его называли Тмутараканью. В XI веке киевский князь Мстислав Удалой основал на этой земле удельное Тмутараканское княжество. После завоевания турками его вновь отвоевали русские войска в конце XVIII начале – XIX века.

Эпистолярное наследие Пушкина, относимое к письмам южного периода (всего 78 писем за 1820–1824 гг.), открывается письмом к брату Л.С. Пушкину и датировано 24 сентября 1820 г. Письмо достаточно длинное и представляет собой собственно отчет о путешествии поэта на Кавказ в Крым.

«Суди, был ли я щастлив: свободная, беспечная жизнь в кругу милого семейства; жизнь, которую я так люблю и которой никогда не наслаждался – щастливое, полуденное небо; прелестный край; природа, удовлетворяющая воображение – горы, сады, море; друг мой, любимая моя надежда (есть) увидеть опять полуденный берег и семейство Раевского». (XIII, С.17–20)

Строки писаны молодым, безусловно, талантливым человеком. Ощущается его взволнованность, повышенная эмоциональность от полученных впечатлений. После Крыма, Черного моря, Одессы талант окреп, и Пушкин стал гением. Куда мог направить путешествовать Пушкин своего героя романа «Евгений Онегин»? Конечно, к берегам Тавриды [16].

В четверостишии, посвященном парусам, «Отрывка из путешествия Онегина», Пушкин упоминает еще одно морское слово – «флаг» [VI,203]. К сожалению, это слово вообще никак не комментируется в «Онегинской энциклопедии» [29].

Корабельные флаги появились с зарождением мореплавания. Первые изображения судовых флагов, дошедшие до нас на фресках Древнего Египта, относятся к XIV веку до н.э. [14].

Поднятый на военном корабле Государственный флаг страны является символом государственного суверенитета, а военно-морской – боевым знаменем корабля.

На кораблях постоянно имеется комплект разнообразных флагов, имеющих собственную форму и расцветку. Каждый из них поднимается на мачту при конкретных, точно регла-

ментированных обстоятельствах и на четко установленных местах, имея строго определенное смысловое (информационное или церемониальное) значение.

Набором в два-три сигнальных флага, поднятым на консрее, можно в зашифрованном виде передать практически любое распоряжение флагмана или команду боевого управления.

В наше время большинство сигнальных флагов имеют форму прямоугольника, но есть и треугольные флаги, а также длинные узкие флаги с двумя остроугольными косицами. Все они шьются из специальной легкой шерстяной материи – флаг духа.

Начало истории русского корабельного флага связывают с постройкой в 1668 г. первого русского боевого корабля «Орел». По предложению голландского инженера О. Бутлера, руководившего постройкой «Орла», Петр I приказал поднять бело-сине-красный флаг с нашитым на нем двуглавым коронованным орлом.

Для отличия голландского флага цвета полос располагались в другом порядке. Этот флаг до 1705 г. был исключительно военно-морским, а затем стал специальным флагом российских торговых судов.

До 1712 г., испробовав ряд вариантов флагов для военных кораблей, Петр I остановился на так называемом Андреевском, представляющем из себя белое полотнище с синим косым крестом, концами доходящими до кромок полотнища. Выбор Андреевского креста в качестве эмблемы для военно-морского флага Петр I объяснял тем, что «от сего апостола приняла Россия святое крещение».

Есть место на кораблях и национальным флагам, по которым определяется принадлежность корабля к тому или иному государству².

² В черновых рукописях путешествия Онегина Пушкин писал:

*Расчетов сын и друг отваги
Купец идет взглянуть на флаги
<Узнать, откуда новый флаг>*

(VI, С.469)

Кроме того, имеются флагманские, адмиральские и флаги, отмечающие присутствие на борту корабля высокопоставленного должностного лица.

Каждый день в восемь часов утра местного времени, а в воскресенье и праздничные дни на час позже на всех кораблях ВМФ, находящихся на стоянке (якоре, бочке или швартовых), поднимают на кормовом флагштоке, а с заходом солнца опускают военно-морской флаг.

Впервые процедура этого ритуала была изложена в 1720 г. в петровском Морском уставе:

«... поутру, прежде всего, должно выстрелить из пушки ... поднимать флаг, а по поднятии флага играть и бить обыкновенную зорю».

Поэтому достаточно интересным с позиции моряков является пушкинское:

*Бывало пушка зоревая
Лишь только грянет с корабля,
С крутого берега сбегая,
Уж к морю отправляюсь я*
(VI, С.203)

Так вот, «...пушка зоревая» – это лингвокультурема, ныне довольно редкое явление. Современному читателю более знакомо явление: «полуденный выстрел из пушки». Этот ставший традиционным акт оповещения о времени полудня совершается ежедневно в г. Санкт-Петербурге, а с недавнего времени и во Владивостоке.

Кстати, в упоминавшейся уже «Онегинской энциклопедии» [29] никак не прокомментирован еще ряд морских, а вернее сказать, флотских терминов:

- лодка (XLVIII) (VI, С.25)
- весла (XLVIII) (VI, С.25)
- ладья (Отрывки из Путешествия Онегина. VI, С.197, 203). Это слово комментируется в «Онегинской энциклопедии» как шахматная фигура (С.13), хотя очевидно, что у Пушкина речь идет о ладье как средстве передвижения по воде.

Вот, к примеру, слово «гондола» [VI, С.25] комментировали не только в «Онегинской энциклопедии», но многие другие исследователи [8,12,31,32,35]. Можно согласиться с тем, что слова: «лодка», «весла», «ладья» – не требуют особого комментария, т.к. первые два не вышли из употребления и ныне, а слово «ладья» весьма распространено и известно современным читателям. Но вопрос может быть поставлен так:

Почему Пушкин в своих произведениях употребляет различные наименования (типы или проекты) судов? Корабль, кораблик, лодка, ладья, гондола, челн – это все средства передвижения по воде, но это разные средства, и их употребление Пушкиным не носит хаотичного характера. Применение каждого из них выверено Пушкиным очень точно, поэтому и не «спотыкается» глаз читателя на этих морских терминах.

К примеру, четыре раза употребил Пушкин в романе «Евгений Онегин» слово “корабль”, и во всех случаях речь идет о далеких путешествиях или намерениях их совершить. Даже пушкинско-грибоедовское»

*«Он возвратился и попал,
Как Чацкий, с корабля на бал»*

(VI, С.171)

призвано подчеркнуть тот факт, что странствующий Евгений Онегин вернулся издалека (плыл долго не на лодке, а на корабле), а в этих местах (на балу) не был давно!

Значение слова «корабль» от Пушкина по наше время изменилось. Ныне оно закрепилось как обобщенное, опосредованное понятие морского судна, средства передвижения. В конце XVIII и первой четверти XIX века термином «корабль» называли исключительно линейный корабль, т.е. большого водоизмещения с большим числом мачт и парусов, призванный совершать дальние плавания.

Услугами этих типов плавучих средств в качестве пассажиров пользовались многие знакомые Пушкина, особенно по дипломатической линии, для поездок в Западную Европу, Англию, Америку. Следует подчеркнуть, что в ту пору океанских пассажирских судов еще не было. Во флотской среде

нормой стало относить корабль к военной сфере деятельности (крейсер, эсминец, фрегат и т.д.), а термин «судно» к гражданской (пассажирское судно, грузовое судно, лихтер, танкер, лесовоз и т.д.).

В современном литературном обращении значения этих терминов перемешаны: пассажирский корабль, военное судно, что не совсем верно.

Следует отметить еще один морской аспект, отраженный Пушкиным в «Евгении Онегине». На кораблях время было принято обозначать склянками, т.е. ударами в колокол с определенной частотой и количеством. Кроме того, боцманскими дудками играли (фактически свистели) побудку экипажа, а звуками горна, выводя определенную мелодию, сопровождали утром подъем флага. Последнее происходило на кораблях, стоящих на якоре или у пирса, т.к. на ходу корабля флаг всегда развевается на флагштоке.

В «Евгении Онегине» речь идет о брандвахтенном³ 20-пушечном корвете «Шагин-Гирей», стоящем на вахте перед одесским портом [35]. Общий состав команды насчитывал 97 человек. Корвет был захвачен у турок 24 июля 1811 г. в Пендераклии. Когда его в 1823 г. наблюдал Пушкин, то вахта продолжалась с 4 мая по 1 ноября, после чего корвет ушел на зимовку в Николаев. С 8 июня 1824 г. по личной просьбе из Николаева на корвет переводится хороший знакомый Пушкина моряк-поэт, лейтенант Ефим Зайцевский, но это тема другого повествования.

А.С. Пушкин долго работал над романом в стихах «Евгений Онегин». Начало было положено еще в Кишиневе, в мае 1823 года, а завершающие штрихи были положены в текст осенью 1830 года⁴. Осень была знаменитая – Болдинская. По подсчетам Ю.М. Никишова [28], роман «Евгений Онегин» тринадцать лет был актом творческого сознания Пуш-

³ По Толковому словарю другого моряка, В.И.Даля, брандвахтенное судно – военное сторожевое судно, стоящее на рейде перед портом, гаванью, охраняющее вход в нее.

⁴ На основании более поздних исследований С.А.Фомичев утверждает, что работу над третьей редакцией VIII главы Пушкин завершил в 1831 году, находясь в Царском Селе. – Итого – 14.

кина и девять лет – предметом непосредственной творческой деятельности. Полностью «Евгений Онегин» вышел впервые в марте 1833 г., став первым нравственно-психологическим романом в русской литературе.

*Кто б ни был ты, о мой читатель,
Друг, недруг, я хочу с тобой
Расстаться нынче как приятель.
Прости. Чего бы ты за мной
Здесь ни искал в строфах небрежных.*

.....
*Дай бог, чтоб в этой книжке ты
Для развлечения, для мечты,
Для сердца, для журнальных ошибок
Хотя крупницу мог найти,
За сим расстанемся, прости!*

(VI, С.189)

Что же автор этих заметок искал в «Евгении Онегине»? Учитывая, что в романе есть третье главное действующее лицо – сам Александр Сергеевич [31], проникновенно и свободно говоривший от первого лица, то поиски были направлены на мысли и слова-свидетельства роли и значимости моря и флота в его жизни и творчестве.

Во многом автор-персонаж выражает и действительные настроения и переживания самого Пушкина. Обрати, читатель, внимание на то, как в 8-й главе «Евгения Онегина» гений А.С. Пушкин излагает творческую биографию своей музыки:

*Как часто по берегам Тавриды
Она меня во мгле ночной
Водила слушать шум ночной,
Немолчный шепот Нереиды,
Глубокий, вечный хор валов,
Хвалебный гимн отцу миров*

(VI, С.166–167)

Мне представляется, что сам поэт дал ответ на мой вопрос о влиянии моря и флота на его творчество!

Список литературы

1. Антокольский П. «Евгений Онегин». – А.С. Пушкин «Евгений Онегин». – М.: Худ. лит., 1984. – С. 3–20.
2. Аттенгофер Г.П. Медико-топографическое описание Санкт-Петербурга, главного столичного города Российской Империи. – СПб.: 1820. – С.248.
3. Баевский В.С. Магический кристалл. Поэтика «Евгения Онегина», романа в стихах Пушкина. – М.: Прометей, 1990.
4. Белинский В.Г. Сочинения А.Пушкина. П.С.С. Т. VII. – М.: 1995. – С. 457–497.
5. Благой Д.Д. Мастерство Пушкина. – М.: Сов. писатель, 1955. – С.268.
6. Бонди С.М. Предисловие, примечания и пояснительные статьи. – Пушкин А.С. «Евгений Онегин». – М.: Дет. лит., 1972. – С. 248–268.
7. Бродский Н.Л. Комментарий к роману А.С.Пушкина «Евгений Онегин». – М.: Мир, 1932.
8. Виноградов В.В. Язык Пушкина. – М.; – Л.: ACADEMIA, 1935.
9. Глухов В. Из творческой истории романа Пушкина «Евгений Онегин» (статья первая)// «На берегах Великой». – Псковский литературный альманах, – Кн. 8. – 1957.
10. Гофман М.Л. Пушкин. – Париж: 1928.
11. Губарь О.М. Пушкин. Театр. Одесса. – Одесса: 1992. – С. 82–88.
12. Долинина Н.Г. Прочитаем «Онегина» вместе. – Л.: Дет. лит., 1968.
13. Достоевский Ф.М. П.С.С.– Т.Х. – М.: Гослитиздат, 1958. – С. 446–447.
14. Дыгало В.А. Флот государства российского. Откуда и что на флоте пошло / Под ред. И.Ф.Цветкова. – М.: Изд. группа Прогресс, 1993.
15. Ермильченко Н.В. Русский дворянин эпохи Пушкина. – М.: Унисер, 2004. – С.96.
16. Левичева Т.И. Письма А.С.Пушкина южного периода 1820–1824: Проблемы текстологии. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Наука, 2001.

17. *Лотман Ю.М.* Роман А.С.Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. – Л.: Просвещение, 1980.

18. *Макогоненко Г.* «Евгений Онегин» А.С. Пушкина. – М.: Худ. лит., 1971. – С. 151–176.

19. *Маркович В.М.* О значении «одесских» строф в «Евгении Онегине». – Пушкин и другие/ Сб. статей, посвященный 60-летию со дня рождения С.А. Фомичева. – Новгород: Новгородский государственный университет, 1997. – С. 80–92.

20. *Мейлах Б.С.* Пушкин и его эпоха. – М.: Гослитиздат, 1958.

21. *Мейлах Б.С.* Споры о «Евгении Онегине» в прошлом и настоящем. – Талисман. – М.: Современник, 1975. – С.204 – 275.

22. *Миллер В., Катенин П.* Пушкинский сборник студентов Московского Университета/ Под ред. А.П.Кирпичникова. – М.: 1900.

23. *Михайлова Н.И.* Из комментария к «Евгению Онегину» // Временник Пушкинской комиссии. – Вып. 27. – Л.: Наука, 1996. – С.122–132

24. *Михайлова Н.И.* Роман «Евгений Онегин» в движении времени. Проблемы комментария. – Пушкин и современная культура. – М.: Наука, 1996. – С. 117–122.

25. *Набоков В.В.* Комментарий к роману А.С.Пушкина «Евгений Онегин». – СПб.: Искусство-СПб; Набоковский фонд, 1998.

26. *Непомнящий В.С.* Пушкин. Избранные работы 1960–1990 гг. – М.: 2001.

27. *Никишов Ю.М.* «Герой-обстоятельства» как проблема реализма в романе Пушкина «Евгений Онегин» // Пушкин: проблемы творчества, текстологии, восприятия / Сборник трудов Калининского государственного университета. – Калинин: 1989. – С.16–36.

28. *Никишов Ю.М.* Главная книга Пушкина. – Тверь: Золотая букв, 2004. – С.283–313.

29. Онегинская энциклопедия: В 2-х т. /Под общей редакцией Н.Н.Михайловой. – М.: Русс. путь, 1999–2004.

30. Пушкинский сборник памяти проф. С.А. Венгерова. – М.; Пг.: ГИЗ, 1932.

31. Редкие слова в произведениях авторов XIX века.: Словарь-справочник/ Отв. ред. Р.П. Рогожникова. – М.: Русс. словари, 1997.

32. Салимова Л.М. Учебный словарь – комментарий к роману «Евгений Онегин». – М.: ОНИКС 21 век; Мир и образование; Русс. словари, 2005.

33. Семенко И.М. О роли образа «автора» в «Евгении Онегине». // Труды Ленинградского библиотечного института. – Т. 2. – 1957. – С.127–146.

34. Семенко И.М. Эволюция Онегина //Русская литература. – 1960. – №2. – С.111-128.

35. Словарь языка Пушкина: в 4-х т. /Отв. ред. академик АН СССР В.В.Виноградов. 2-е изд. доп. //Российская академия наук, институт русского языка им. В.В.Виноградова. – М.: Азбуковник, 2000.

36. Слонимский А. «Евгений Онегин». – Мастерство Пушкин. – М.: Гослитиздат, 1963. – С. 527.

37. Томашевский Б.В. Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения. – Л.: Образование, 1925.

38. Томашевский Б.В. Пушкин. Книга вторая. Материалы к монографии (1824–1827). – М.; Л.: 1961. – С. 462.

39. Тынянов Ю.Н. О композиции «Евгения Онегина». Поэтика. – История литературы. – М., 1977.

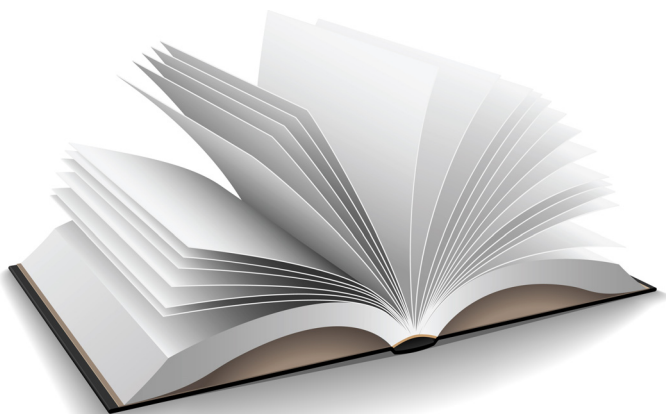
40. Фомичев С.А. «Евгений Онегин». Движение замысла. – М.: Русский путь, 2005. – С.174.

41. Чумаков Ю.Н. «Евгений Онегин» и русский стихотворный роман. – Новосибирск: Новосибирский Государственный педагогический институт, 1983. – С. 86.

42. Эльзон М.Д. Из комментария к «Евгению Онегину» // Временник Пушкинской комиссии. – Вып. 22. – Л.: Наука, 1988. – С. 130.

43. Ярцев А., Князев А.А. Шаховской: Опыт биографии. // Ежегодник императорских театров 1894–1895.

*Забутые страницы
Пушкинианы*

Дмитрий Овсянико-Куликовский

Художественные «мистификации» Пушкина*

Среди могучего разгула творчества, которым ознаменовались лето и осень 1830 года, бросается в глаза, между прочим, одна черта, необыкновенно привлекательная, живо напоминающая все того же «Моцарта»: Пушкин «играл» и «резвился», как ребенок, и какая-то сила неудержимо влекла его к шутке, к поэтическому маскараду, к мистификации, к разного рода игривым выходкам. Написав «Скупого рыцаря», он присочинил коварный подзаголовок: «Сцены из Ченстоновой трагикомедии *The caveteous Knight*», доставив этой шуткой много хлопот последующим исследователям, в особенности П.В. Анненкову. Перерыли словари, наводили справки в библиотеках, тревожили английских ученых, пока, наконец, не выяснилось, что никакого Ченстона не существовало. «Для окончательного объяснения дела, — говорит Анненков, — мы сносились посредством одного из наших знакомых с издателями «*Athenaeum*» в Англии, прося у них сведений о загадочном Ченстоне»..., — и получился ответ: «Ваш великий поэт подшутил над своей публикой, сославшись на небывалого в Англии писателя»... — «Домик в Коломне», несомненно, шутка, но очень художественная, — по выражению Белинского, «игрушка, сделанная рукою великого мастера». В ней есть и примесь мистификации: поэт скрыл свое имя (см. строфы XVIII и XIX) с коварною целью — позабавиться отзывами и догадками критиков. Легкий

*Овсянико-Куликовский Д. Собр. соч. Т. 4. — М.; Пг.: Гос.изд, 1924. — С. 50–54.

юмор, которым проникнута эту «шутка», и «легкость» самого ее содержания представляют, видимо, преднамеренный контраст с тяжелой, важною формою – десяти- и одиннадцатисложных октав. Вспомним и заключительную строфу (LIV).

*Вот вам мораль: по мненью моему,
Кухарку даром нанимать опасно;
Кто ж родился мужчиною, тому
Рядиться в юбку странно и напрасно:
Когда-нибудь придется же ему
Брить бороду себе, что несогласно
С природой дамской... Больше ничего
Не **выжмешь** из рассказа моего.*

Критика (кроме отзыва Белинского и Гоголя в частном письме) увидела здесь падение таланта Пушкина, между тем как эта вещица свидетельствует только о необыкновенной виртуозности этого таланта. Теперь прочтем следующую – вовсе не лирическую, но, несомненно, художественную – пьесу, озаглавленную (в рукописи) «Ш а л о с т ь», а в печатном – посмертном – издании «Каприз»:

*Румяный критик мой, насмешник толстопузый,
Готовый век трунить над нашей томной музой,
Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной,
Попробуй, сладим ли с проклятою хандрой.
Смотри, какой здесь вид: избушек ряд убогий,
За ними чернозем, равнины скат отлогий,
Над ними серых туч густая полоса.
Где нивы светлые? Где темные леса?
Где речка? На дворе у низкого забора
Два бедных деревца стоят в отраду взора,
Два только деревца, и то из них одно
Дождливой осенью совсем обнажено,
А листья на другом размокли и, желтея,
Чтоб лужу засорить, ждут первого Борея,*

*И только. На дворе живой собаки нет.
Вот, правда, мужичок; за ним две бабы вслед.
Без шапки он; несет под мышкой гроб ребенка
И кличет издали ленивого попенка,
Чтоб тот отца позвал да церковь отворил
Скорей, ждать некогда, давно б уж схоронил.
Что ж ты нахмурился? – Нельзя ли блажь оставить!
И песенкою нас веселой позабавить? –*

Кто такой этот «румяный критик», насмешник «толстопузый»? и что, собственно, хотел сказать Пушкин этой художественною картинкою, достойной Чехова? И почему это – «шалость»? Среди замыслов «драматических опытов», среди высоких лирических вдохновений поэта, видимо, тянуло к серенькой прозе русской действительности, к тусклым тонам северной природы, к нашей деревенской «бедности да бедности». И когда он обращается сюда, он делает вид, что это – прихоть, художественный каприз, шалость. Или в самом деле это еще не были серьезные художественные замыслы, а это было только как бы заигрывание с русской действительностью, проба пера и кисти, – и в результате выходила художественная шутка вроде «Домика в Коломне» или загадка вроде «Летописи села Горюхина»? Как бы то ни было, «Шалость» приходится отнести к числу «мистификаций» Пушкина. Заметим еще, что стихотворение не есть отрывок, это – законченное целое, под которым проставлена и дата («1 октября 1830. Болдино»).

Элемент шутки и мистификации сильнее всего выразился в «Повестях Белкина» и в «Летописи села Горюхина». Предисловие к повестям («От издателя») – настоящий маскарад. Загримировавшись простодушным Иваном Петровичем Белкиным, поэт в пяти приписанных последнему повестях является первоклассным актером, превосходно выдерживающим свою роль; все, о чем идет речь в повестях, рассказано так, как должен был рассказать Белкин, а не Пушкин, все пропущено сквозь душу Белкина и рассматривается с его точки

зрения. Это сделано так просто, что вы нигде не поймаете Пушкина, не заметите грима. Гримировка так удачна, что понять и оценить повести, как художественные произведения, можно не иначе, как только забыв о Пушкине и памятуя исключительно о Белкине как авторе. Все ошибки критиков в оценке этих простодушных рассказов тем и объясняются, что критики упускали из виду сложный – «мистификаторский» – процесс творчества: Пушкин не только создал характер и тип Белкина, но и обернулся Иваном Петровичем Белкиным. Когда это случилось, уже не было Пушкина, а был Белкин, который и написал эти повести в простоте души своей. И если что осталось в них пушкинского, то это только манера письма: художественная определительность и точность языка и сжатость изложения, чуждого длиннот и амплификации. Если, забыв о Белкине, судить о повестях по существу, со стороны содержания, характеров, нравов и т. д., то придется сказать, что это – не серьезные художественные произведения Пушкина, а его – художнические шалости. Если иметь в виду Белкина, то повести получают свой смысл – как выражение понятий Белкина: они рисуют его, они – создание его простого и здравого ума, и главный интерес, какой они могут представить, будет зависеть от того, насколько интересен сам Белкин как тип, как натура и склад ума. Центр тяжести переносится от самых повестей к личности Белкина. Но тут-то и ждут читателя и критика самые коварные трудности. Если мы начнем серьезно разбирать тип Белкина, усматривая в нем большой художественный замысел, то рискуем попасть впросак. И тут Пушкин подшутил. Спустившись с облаков на землю и окунувшись в самую гущу русского быта, он создал характерную фигуру доброго помещика, хорошего русского человека, не мудрствующего, но умного, и, внесши сюда заметную дозу лукаво-простодушной иронии, предоставил читателям и критикам ломать голову и догадываться о намерениях автора, о замысле, об идее произведения, – так и кажется, что, если бы Пушкин мог прочесть все, что потом было написано о Белкине, он расхохотался бы своим веселым, звонким смехом и сказал: господа, я пошутил,

и никакого «замысла», никакой «идеи» у меня не было, а было только одно «намерение» – позабавиться и попробовать свое перо в этом роде...

Гению, столь высоко поднявшемуся над действительностью в своих лирических парениях, приятно окунуться в жизнь, в простую повседневную жизнь, и почувствовать себя простым смертным – и он начинает рассказывать анекдоты и разные занимательные «истории»; поэту, который «не дорожит любовью народной», ужасно хочется очутиться среди этого народа; от восторгов высшего творчества его тянет к блаженству – почувствовать себя обывателем, простым смертным, Иваном Петровичем, сыном покойного секунд-майора Петра Ивановича Белкина, который был женат на девице Пелагее Гавриловне из дому Трафилиных. И если можно – и притом с большим успехом – орудовать фикциями страстей Сальери, Скупого, Дон-Жуана и т. д., то почему нельзя войти в несложный мир души и жизни Ивана Петровича? Термин «перевоплощение» слишком громкий для этого дела: поэт не «перевоплощается» в Ивана Петровича, а только подделывается под него и – лицедействует. И для «творчества», в результате которого явились повести Белкина с великолепным предисловием – «от издателя», и «Летопись села Горюхина», всего лучше подходило бы выражение: «художническое лицедейство».

Что такое «Летопись села Горюхина»? – Сатира, предвосхитившая замысел «Истории одного города» Щедрина? С одной стороны, как будто оно так и есть, а с другой стороны, как будто ничего подобного и в помине не было. Можно привести ряд доводов pro и contra. Выходит какая-то лукавая шутка, мистификация. Страхов видел в этой «Летописи» пародию на «Историю государства Российского» Карамзина... Это опровергнуто, но ведь в самом деле кто хочет это видеть, может увидеть... Ведь Страхов не только «видел» это, но и подтверждал цитатами. Белинский «увидел» в «Летописи» только «шутку – острую, милую и забавную, в которой, впрочем, есть и серьезные вещи, как, напр., прибытие в село

Горюхино управителя и картина его управления...» – Аполлон Григорьев полагал, что «эта летопись – тончайшая и вместе добродушно-поэтическая насмешка над целою вековою полосой нашего развития, над всею нашею поверхностною образованностью, из которой мы вынесли взгляд, совершенно не приложимый к явлениям окружающей нас действительности...» и т.д. – Очевидно, «Летопись» – загадочная, и если прав Белинский, назвавший ее «шуткою», то нам остается только добавить, что это – шутка не только «милая и забавная», но и «коварная». Из всех отзывов, какие нам известны, единственно правильным представляется нам отзыв Н.О. Лернера, одного из лучших в настоящее время знатоков Пушкина. «Простой и необразованный Белкин, – говорит Н.О. Лернер, – так полюбился Пушкину, что поэт не устоял пред искушением попробовать взглянуть на историю очами Белкина...» Охарактеризовав историографическую манеру Белкина, Н.О. Лернер продолжает: «Историк – непростой компилятор, не сухой архивный исследователь, но художник, мыслитель и моралист. Он, очевидно, подражает Карамзину. Все же «История» вовсе не пародия ни на Карамзина, ни на Полевого и, судя по ее добродушному тону, не историческая сатира. Это просто шутка, умная, добрая шутка, но в ней, как заметил Белинский, «есть и серьезные вещи...» Отношение Белкина к повествованию не лишено иронии человека, сознающего свое превосходство над изображаемой средой, но Пушкин с ним не смешивает себя; поэт стоит немного в стороне и глядит и на историка, и на изучаемую им жизнь с благодушным юмором. Художественным методом Пушкина воспользовался Салтыков в «Истории одного города»; но воспользовался как яркий сатирик, вложив в свой рассказ глубокую душевную боль».

Изобразительная Пушкиниана

Александр Тдалин Маргарита Иванова

Памятники А.С. Пушкину в Америке (краткий обзор)

Сейчас в Соединенных Штатах Америки семь памятников поэту России. История их сооружения обрела весьма солидный стаж – более 75 лет. Насколько нам известно, идея увековечить память Пушкина в Новом свете возникла в среде русской эмиграции в 1936–1937 гг., когда не только на родине поэта, но и по всему миру широко отмечались Дни русской культуры. Приближавшаяся памятная годовщина 100-летия со дня смерти Пушкина остро напоминала о покинутой Родине, сближая людей самых разных взглядов и убеждений.

Первый памятник Пушкину в 1937 г. не появился¹, вероятно, в силу организационных причин (на сбор средств и создание монумента нужно было соответствующее время). Но к концу 30-х эту идею подхватило Русское общество взаимопомощи в Америке (РОВА), которое организовало в своей

¹ В отдельных публикациях журналисты утверждают, что первый памятник поэту на американской земле был установлен в 1937 г. Имеется в виду бюст работы Н.В. Дмитриева, выставленный в фойе здания Карнеги-холл, где прошли тогда концерты русской классической музыки. Участие в этих торжествах, организованных Пушкинским обществом (председатель – Б.Л. Бразоль), приняли С.В. Рахманинов, А.И. Зилоти, С.А. Кусевский и др. русские музыканты-эмигранты, а также вся русская белоэмиграция первой волны на обоих побережьях США. Но скульптурные изображения поэта внутри зданий не принято считать памятниками, так как они не поддаются учету, нередко мигрируют, уже не говоря о том, что их многие тысячи.

сети сбор средств и решило установить памятник на незадолго перед этим приобретенной территории фермы РОВА, в местечке Кассвилл (иногда пишут Кэсвилл), ныне это Джексон, штат Нью-Джерси.

1 июня 1941 г. торжественно был установлен закладной монумент. В основание будущего памятника была запаяна бронзовая капсула с текстом декларации (на русском языке), выражавшей надежду, что этот памятник вечно будет служить напоминанием о светоче русской культуры и символом укрепления связей двух великих

народов. Декларацию подписали сотни присутствовавших на торжестве. Подробно историю первого американского памятника Пушкину проследил Сергей Рагозин [25].

Из главного. В качестве автора монумента был избран скульптор Н.В. Димитриев (1887–1978), уроженец Орла, который учился в Московском университете и одновременно – в художественной школе К.Ф. Юона, воевал на I мировой, в Гражданскую был капитаном белой армии. С 1923-го жил в США, под влиянием С.Т. Коненкова начал заниматься скульптурой, создал бюст Пушкина (находится в Чикаго, вероятно, внутри учреждения). К июлю 1941 г. Димитриев выполнил рабочую модель поясного бюста поэта. Отлитый из бронзы в Нью-Йорке и установленный на гранитном постаменте, он в торжественной обстановке открыт 31 августа 1941 г.

Август 1941-го... Это был период величайшего напряжения сил нашего народа: фашисты окружали Ленинград, рвались к Москве, к важнейшим источникам стратегических ресурсов страны. В этих условиях открытие памятника такой

знаковой личности, как Пушкин, имело особое значение. Приведем слова историка Йельского университета Юрия Вернадского: ***«В настоящие дни тяжких испытаний русского народа и смертельной опасности, нависшей над русской землей, светлый образ Пушкина да будет для нас залогом веры в неиссякаемые творческие силы русского народа»*** [25].

Сергей Рагозин сообщает, что делегаты 13-го съезда РОВА, вдохновленные открытием памятника, решили переименовать ферму РОВА в «Пушкинскую деревню» («Пушкинвилл»). Парк, где установлен памятник, был назван «Пушкинским», и построенный в 1946 г. неподалеку, на переулке имени Пушкина, дом для престарелых также получил имя поэта России.

Несмотря на хулиганские выходки, от которых не удалось уберечь памятник (похищена бронзовая доска с именами жертвователей, нанесены пятна краски), он сохранился до наших дней.

Второй памятник Пушкину за океаном появился в 1970 г. Его история также связана с прогрессивной организацией наших соотечественников, проживающих в США, носящей название «Американо-русское рабочее общество взаимопомощи» (Арров). Выходцы из России не утратили любви и уважения к своей родине. Они стараются сохранять национальные традиции и обычаи.

В сорока милях от Нью-Йорка расположен большой «Арров-парк». Парк этот нередко становится местом отдыха и проведения массовых культурно-просветительных меропри-

ятий. В 1965 г. его администрация приняла культурный проект, частью которого было сооружение памятников крупнейшим деятелям культуры: А.С. Пушкину, Т.Г. Шевченко, Адаму Мицкевичу и Уолту Уитмену. Организация обратилась в Советский комитет по культурным связям с соотечественниками за рубежом и «Товарищество по культурным связям с украинцами за рубежом» с просьбой оказать помощь в осуществлении такого проекта. В ответ на эту просьбу в качестве дара советского народа, в Америку были переданы памятники Пушкину и Шевченко.

Бюст Пушкина работы скульптора, народного художника Украины А.А. Ковалева (1915–1991) установлен на высоком постаменте; архитектор – народный художник Украины А.Ф. Игнащенко (1930–2011). На торжестве открытия 6 сентября 1970 г. присутствовало более четырех тысяч человек из разных городов и штатов США, из Канады, туристы из Украины, дипломатические работники.

Третий памятник Пушкину своим появлением обязан дружбе городов-побратимов – петербургского Пушкина (Царское Село) и Вустера (штат Массачусетс, США). Памятник в форме бюста установлен в 1992 г. Его автором является петербургский скульптор Л.Л. Михайлёнок (род. 1930).

Четвертый памятник называется «Реквием по Александру Пушкину». Он установлен в 1996 г. в городе Лос-Анджелесе (штат Калифорния, США). Композиция, исполненная скульптором Г.В. Потоцким (род. 1954), представляет собой

музу с двумя крыльями, держащую в руке голову поэта. Под музой автор подразумевает его жену – Наталью Николаевну, которая по аналогии с Саломеей принесла поэта в жертву, поскольку Пушкин был пророком русской литературы, опять же по аналогии с Иоанном Крестителем. Крылья музы

символизируют доброту и гнев, а круг, который они образуют – сломанное кольцо российской жизни. Так описан этот памятник на сайте самого скульптора.

Пятым памятником стала фигура поэта России, стоящего рядом с колонной, увенчанной изваянием Пегаса, в центре столицы США – на территории Университета Джорджа Вашингтона – в 15 минутах ходьбы от Белого дома.

Немного истории. Идея ознаменовать предстоящее 200-летие со дня рождения Пушкина уста-

новкой в столице памятника поэту России овладела мыслями бывшего сенатора, председателя Фонда американско-российского культурного сотрудничества Джеймса Саймингтона. Вероятно, этому способствовали положительные эмоции – воспоминания о годах, проведенных сенатором в нашей стране.

Став частной инициативой Фонда, идея быстро материализовалась – было выбрано место, получены требуемые юридические документы, собраны необходимые средства, проведен конкурс, в котором победили московские скульпторы Александр Николаевич (род. 1935) и Игорь Александрович (род. 1973) Бургановы (отец и сын).

В юбилейный день рождения Пушкина 6 июня 1999 г. состоялась торжественная церемония закладки памятника [21]. Правительство Москвы передало в дар Вашингтону бронзовую фигуру поэта, постамент и благоустройство выполнила американская сторона. 20 сентября 2000 г. трехметровый Пушкин («Золотой Пегас») был освящен и торжественно открыт на самом высоком государственном уровне.

Шестой памятник русскому поэту снова возвращает нас в штат Нью-Джерси. В местечке Ховелл, неподалеку от Нью-

Йорка, 26 мая 2012 г. были торжественно открыты Русский дом «RODINA» и новый пушкинский монумент. Тем самым возобновилась работа старейшего культурного центра русской эмиграции, возникшего в США после 2-й Мировой войны. Рус-

ский дом поставил своей целью возродить в зарубежье традицию празднования Дней русской культуры, приуроченных ко дню рождения А. С. Пушкина. По плану, на территории Русского дома появится часовня в память о погибших за Россию воинах, Музей русской истории, картинная галерея, «Парк Славы» выдающихся соотечественников, типография, телестудия «Русское зарубежье».

Памятник А. С. Пушкину создан старейшим скульптором, заслуженным художником Российской Федерации М.Л. Звягиным (род. 1931). Мастер создал трагический образ поэта после дуэли («Умиравший Пушкин»). Аналогичная скульптура установлена в Остафьево, под Москвой, где хранится простреленный Дантесом жилет Пушкина.

И, наконец, **седьмой монумент**. Спустя ровно год, 26 мая 2013 г. на территории Русского дома уже был открыт «Парк славы России». На площади около 5 гектаров пока установ-

лено 28 бюстов и скульптур, все они изготовлены в России и переданы в качестве дара компанией СМиК из г. Кропоткин Краснодарского края, возглавляемой М.Л. Сердюковым. Бюст Пушкина работы краснодарского скульптора А.А. Апполонова (род. 1947) находится «в обиходе» многочисленных изваяний, среди которых Александр Невский, Петр I, Екатерина II, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь, А.В. Суворов, Г.К. Жуков, В.С. Высоцкий.

Библиография

1. Новое русское слово. – Нью-Йорк. – 1941.
2. **Стрем А.Л. Н.В. Димитриев.** Русский вестник. – Нью-Йорк. – 1941. – № 112. 1 сент. – С. 8–9, 1-я с. обл.
3. Новая заря. – Сан-Франциско. – 1941.
4. **Айзенштадт-Железнов М.К.** Пушкин в Нью-Джерси // Argus. Moscow-on-the-Hudson. New York. 1951. Harper and Brothers Publishers [Аргус. Москва на Гудзоне. Нью-Йорк: «Харпер и братья», 1951].
5. **Двойченко-Маркова Е.М.** Памятник А.С. Пушкину в г. Джексоне (Кассвилле), США // Временник Пушкинской комиссии. – 1963 / АН СССР. М.; Л.: 1966. – С. 123–124.
6. Дар советского народа // Вечерний Ленинград. – 1970. 8 сент.
7. **Базанов Л., Чорный В.** Праздник за океаном // Правда Украины. – Киев: 1970. – 10 окт.
8. **Базанов Л.** Пушкин и Шевченко в Арров-парке // Литературная газета. – М.: 1970. – № 46. – 11 нояб.
9. Создается международный парк культуры в Монро // Иностранная литература. – М.: 1971. – № 1. – С. 286.

10. **Орлов С. Принадлежит человечеству** // Горьковская правда. – 1974. – 31 мая. С. 3.

11. [Гдалин А.Д.]. **Наш современник – Пушкин** // Ленинградская правда. – 1975. – № 129. 4 июня. С. 4.

12. **Гдалин А.Д.**: 1) **Памятники А.С. Пушкину в Америке** // Пушкинский край. Пушкинские Горы, Псковская обл. 1976. – № 68. – 5 июня. С. 3; 2) **Зарубежная Пушкиниана** // Литературная Россия. – М.: – 1976. – № 23. 4 июня. С. 24; 3) **Памятники Пушкину в Соединенных Штатах** // Вперед. Ленинград-Пушкин. – 1976. – № 83. – 13 июля. – С. 3; 4) **Мировая слава** // Труд. – М.: 1979. – 6 июня. – С. 4; 5) **Памятники Пушкину за рубежом** // Временник Пушкинской комиссии. – 1976. СССР. Л.: Наука, 1979. – С. 172; 6) **Пушкин на берегах Гудзона** // Стандарт-коллекция: обозрение. – СПб. – 1997. – № 6. – С. 14–15.

13. **Пикаревич И.** Подарок школьному музею // Знамя коммунизма. – Одесса: 1978. – 30 сент.

14. **Комиссарова Е.** **Всех народов и всех времен** // Учительская газета. – М. – 1979. – 5 июня.

15. **Попелюхер И.Л.** **Памятники в штате Нью-Йорк** // Вечерняя Одесса. – 1979. – 6 июня. – С. 3.

16. **Гдалин А.Д., Попелюхер И.Л.** **От Рима до Гаваны:** новые сведения о памятниках Пушкину за рубежом // Временник Пушкинской комиссии. – Вып. 22. – СПб.: Наука, 1988. – С. 177.

17. **Гдалин А.Д., Дровеников Г.А., Попелюхер И.Л.** **Памятники А.С. Пушкину:** материалы к аннотированному каталогу // Временник Пушкинской комиссии. – Вып. 25. СПб.: Наука, 1993. – С. 91.

18. **Овчаренко Елена.** **Пора, Сергееч, уехать за границу** // Комсомольская правда. – М.: 1998. – 6 июня. – С. 5.

19. **Пушкин «перешагнул» океан (ИТАР – ТАСС)** // Небесное время: СПб. – 1999. – 5 июня.

В информации ошибочно утверждается, что «до сих пор» памятника Пушкину в Америке не было.

20. **Сиснёв В.** «Солнце русской поэзии» над Америкой // Труд. – М.: 1999. – № 102. – 6 июня.

21. **Злодоров Д.** Вначале в гипсе, потом в бронзе // Культура. – М.: 1999. – № 22. – 24 июня.

22. **Памятник Пушкину в Вашингтоне** // Народная газета. – Пермь: 1999. – 15 окт.

23. **Кононов В.И.** Памятники в США // Кононов В.И. Памятники А.С. Пушкину. – Воронеж: 1999. – С. 153–154.

24. **Фостер Л.А.** Двухсотлетие Пушкина в Америке // Русский американец: альманах (обзорный выпуск, декабрь 1999). – Сан-Франциско: 2000. – № 22. – С. 3.

25. **Рагозин С.** Первый памятник Пушкину в США. Там же. С. 16–21.

26. **Закладка памятника А.С. Пушкину** (Наша летопись). Там же. Июнь 1999. С. 49.

27. **Распоряжение Мэра Москвы от 8 августа 2000 г. № 854-РМ «О передаче в дар городу Вашингтону памятника А.С. Пушкину».**

28. **Пудин А.** Вознесся выше он Капитолийского холма: сегодня в Америке открыт памятник Пушкину // Вечерняя Москва. – 2000. – 20 сент.

29. **Президенты одобрили Пушкина** // Известия, 2000. – 21 сент. – С. 2.

30. **Первый Пушкин в США** // Санкт-Петербургские Ведомости, 2000. – 21 сент. – С. 4.

Заголовок ошибочный: данный памятник был к тому времени уже пятым в США.

31. **Пушкин – наше всё. И не только наше** // Невское время, СПб. – 2000. – 21 сент. – С. 1.

32. **Бунимович Е.** WHO IS PUSHKIN? // Новая газета. – 2000. – 25 сент. – 1 окт. – С. 16.

33. **Пушкин в Вашингтоне** // Новое русское слово. – Нью-Йорк: 2000, 29 сент. – С. 5.

34. **В Вашингтоне прошло торжественное мероприятие...** // Наш следопыт. – СПб.: 2000. – № 21. – С. 2.

См. примечание к п. 19 и 30.

35. **Загоскин И.** Памятник А.С. Пушкину // Большой Вашингтон. – 2000. – № 6 (30).

36. **Долгополова И.** Пушкин в новом свете // Гудок. – 2000. – 22 ноябр.

37. **Творова А.** О Пушкине в его день рождения, перед памятником поэту, в субботу 12 июня 2001 // Большой Вашингтон. – 2001. – № 3 (33). – С. 28–29.

38. **Гдалин А.Д., Иванова М.Р.** Свидетели мировой славы: обзор сведений о памятниках А.С. Пушкину, установленных в 1990–2001 гг. // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 28. – СПб.: Наука, 2002. – С. 134.

39. **Памятники А.С. Пушкину в США:** комплект из 5 открыток. Фото О. Барэ, Ю.А. Сандулов. Нью-Йорк: Северный Крест, 2010 (текст на рус. и англ. яз.).

40. **Пыхонин А.А.** Мы памятник ему воздвигли... Болдино: Музей-заповедник А.С. Пушкина. – 2011. – № 72 – С.130, 261, 297.

41. **Коноплев В.Г.** Есть сердце, где живу я: книга-эссе. Петропавловск: Северный Казахстан, 2011. – С. 19–22.

42. **Нешевец М.** В США появился «Парк славы России» // Метро. – СПб.: 2013. – 27 мая. – С. 5.

43. **Русский «Парк славы» открыли в Америке** // Огни Кубани. Станица Кавказская, 2013. – 30 мая.

44. **Долинник Ю.А.** Новосибирску нужен сквер Славы // Советская Сибирь. – Новосибирск: 2013. – 22 июня.

Александр Тромов

«Евгений Онегин» в силуэтах В.Свитальского

К 75-летию со дня кончины художника.

В 1937 году в СССР и за рубежом широко отмечалось столетие со дня смерти А.С. Пушкина. К этой дате ведущие мастера книжной графики выполнили работы, вошедшие в золотой фонд Пушкинианы. Достойное место среди них занял роман в стихах «Евгений Онегин», проиллюстрированный молодым художником В.А. Свитальским. Интерес к работе художника подогревался тем обстоятельством, что мастер работал в некогда популярной, но к тому времени подзабытой технике силуэта, в которую В.А. Свитальский внёс новаторские элементы.

Вспомним, что ранее силуэты к пушкинским произведениям были исполнены несколькими художниками старшего поколения. В 1880-х годах известный скульптор и график К.В. Изенберг (1859–1911) исполнил листы с силуэтами к произведениям А.С. Пушкина «Русалка» и «Руслан и Людмила». Обе поэмы были изданы в Санкт-Петербурге в 1889 и 1890 годах соответственно. При этом была использована только что появившаяся техника фототипии, что позволило воспроизвести рисунки в их оригинальных, весьма внушительных размерах: 42х31см.

Произведения А.С. Пушкина в технике силуэта иллюстрировали в начале 20-го века такие художники объединения «Мир искусств», как А.Н. Бенуа, К.А. Сомов, Б.М. Кустодиев, М.В. Добужинский. Интересные силуэтные иллюстрации к «Евгению Онегину» исполнил в начале XX века непрофессиональный, но очень талантливый художник В.В. Гельмерсен.

В более позднее, уже советское, время большими мастерами силуэта, создавшими галерею пушкинских образов, рекомендовали себя В.А. Фаворский, И.С. Ефимов, Н.Я. Симанович-Ефимова, Н.В. Ильин, В.Я. Коновалов и др.

Вернёмся к герою нашего короткого очерка. Владимир Александрович Свитальский родился 16 февраля 1904 года (по старому стилю) в Санкт-Петербурге. Его дед с отцовской стороны был ссыльным поляком, участником восстания 1863 года. Отец – А.Т. Свитальский был человеком нелёгкого характера. Педантичный до мелочности и крайне раздражительный, он наводил страх на всех в доме. Владимир вспоминал позднее: «Мы все жили лишь тогда, когда рече (*отец – фр.*) не было дома. Начиная от матери и кончая прислугой».

Мать, Лариса Владимировна, была полной противоположностью отцу. Музыкантша, с тонкой, легкоранимой психикой, к тому же болевшая туберкулёзом.

Володя был единственным ребенком. В непростой домашней обстановке он рос замкнутым и своенравным мальчиком. Очень рано взялся за карандаш и постоянно рисовал. Мать поощряла его художественные наклонности, но отец находил это занятие несерьёзным и всеми силами старался сделать из сына «солидного» человека. Володю пробовали воспитывать и учить дома, в закрытом пансионе в Царском Селе, в Тенишевском училище. Перед войной 1914 года мать увезла его в Швейцарию, где они прожили более двух лет, а затем вернулись в Саратов к деду – В.Т. Свитальскому.

В результате Владимир так и не получил ни общего, ни художественного систематического образования, но, будучи «художником от бога», рано нашёл свой собственный стиль. Чёрное и белое, свет и тень – вот что влекло молодого человека. Это было вполне в русле художественного вкуса той эпохи. Бердслей и Муха на Западе, «мирискусники» в России являлись образцами для подражания.

В 1918 году умерла мать. Так случилось, что Владимир не присутствовал на её похоронах. Много позднее он признавался своему самому близкому человеку, что по-настоящему

ценил из женщин только её и свою мать. Отношения с отцом по-прежнему не складывались. Они жили в то время вдвоём в Москве, но были чужими друг другу. Время шло, и Владимир из мальчика превратился в юношу. Школа давно оставлена, надо было начинать зарабатывать на жизнь. Без специальности, без привычки к постоянным занятиям, да ещё и здоровье хромало. Нелёгкая задача в послереволюционную эпоху.

Отец, работавший в Морском комиссариате, пристраивает в 1920 году сына на работу в Морском штабе. Служба не заладилась, на Владимира постоянно жаловались отцу, и тот вскоре был вынужден забрать сына. Володя пробует получить художественное образование. Посещает художественную школу Пятницкой, где в то время преподавал известный гравер И.Н. Павлов. В школе отмечали его одарённость. Вскоре, однако, Владимир охладевает к занятиям. Он навсегда останется человеком настроения, эстетом по убеждениям, чурящимся постоянного кропотливого труда. Впрочем, в его жизни будут и периоды «запойного» труда, но всегда будет наступать момент апатии, полного безразличия к тому, что ещё вчера занимало без остатка.

В 1920 году отец получает должность в Петрограде и уезжает, оставив сына на попечение Михаила Михайловича Мелентьева – врача, ранее лечившего Владимира от тяжёлой формы кори и продолжавшего его наблюдать. Именно этот человек сыграет исключительную роль в жизни молодого художника, станет его добрым наставником и другом. Две судьбы двух разных по возрасту людей (М.М. Мелентьев был на двадцать лет старше) тесно переплелись, оказались во многом схожи, как были схожи тысячи судеб людей, брошенных в горнило «новой» жизни.

М.М. Мелентьев родился в 1882 году в небогатой многодетной купеческой семье в провинциальном городе Острогжске Воронежской губернии. Быт и уклад жизни были глубоко патриархальными, свойственными своему сословию. Впоследствии Михаил Михайлович вспоминал, как нелегко

было ему и его любимой младшей сестре Анне (1884–1970) бороться с семейной косностью, настоять на желании получить хорошее образование. Стремясь стать врачом, юноша отказался от своей доли наследства и на полученные средства смог поступить и успешно завершить учебу на медицинском факультете Московского университета. Анна Мелентьева окончила Высшие женские курсы В.И. Герье. Годы учебы, пришедшиеся на эпоху первой русской революции, пробудили у М.М. Мелентьева интерес к общественной жизни, приобщили к культуре, сделали из него образованного, вдумчивого, взвешенного и порядочного человека. Брат и сестра впитали лучшие черты русской интеллигенции, что, к сожалению, совсем не облегчало жизнь в более позднее, уже советское, время.

Судьба распорядилась так, что профессиональная жизнь врача М.М. Мелентьева оказалась тесно связанной с военно-морским флотом. С 1914 по 1918 год он служил в Кронштадтском военно-морском госпитале и оказался участником и свидетелем многих событий. Он видел начало «красного террора» – жестокой и ничем не оправданной расправы «народа» со старыми кадрами, а затем и подавление Кронштадтского мятежа, когда «меч революции» поразил многих вчерашних товарищей по общей борьбе.

В 1918 году М.М. Мелентьев переехал в Москву. Виденное и пережитое сделали из него, по собственному признанию, «конченного человека». Это ощущение было свойственно многим интеллигентным людям той эпохи. Сменились ценности, к власти пришли носители иной нравственности, процветали насилие и террор. Именно в это время в сферу опеки Михаила Михайловича и попал Володя Свитальский. Очень одарённый, заброшенный и далеко не простой юноша. Мелентьев был нравственно твёрдой личностью. Он был всегда готов бескорыстно прийти на помощь. Люди это ценили и тянулись к нему. Особенно люди с ранимой душой, изломанные жизнью, не понимавшие и не принимавшие новых реалий. Для Владимира оказалась даром судьбы встре-

ча с таким человеком, как М.М. Мелентьев. Он фактически заменил ему родного отца, с которым у Владимира так и не сложились отношения.

Рис. 1 М.М.Мелентьев и В.А.Свитальский. Фото. 1919

С 1923 по 1933 год у М.М. Мелентьева был наиболее устойчивый и созидательный период жизни. Он живёт в подмосковном Алабино. Работает, исповедуя принципы старых земских врачей, в местной больнице. Он окружён близкими по духу и судьбе людьми. Занимает большую и удобную квартиру во флигеле бывшего демидовского «замка». В Алабине у Михаила Михайловича появилась возможность организовать быт в соответствии со своими пристрастиями, разместить любимые книги и коллекцию старинных вещей, которую он начал собирать ещё в студенческие годы. В круг его общения входят многие люди искусства и литературы, здесь начинается многолетняя дружба с известным пианистом К.Н. Игумновым.

Владимир Свитальский в эти годы то живёт в Москве, где перебивается случайными заработками, долго нигде не задерживаясь, то приезжает, обычно по настоянию М.М. Мелентьева, в Алабино. Там он всегда успокаивался, «отогре-

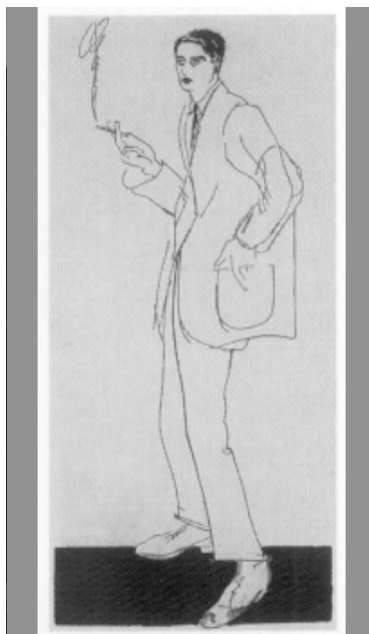

Рис.2 Автошарж. Рисунок пером. Алабино. 1920-е гг.

вался» душой. Он всё больше проявляет признаки несомненного художественного дарования. Много рисует. Учится, однако, по-прежнему неохотно. С одной стороны, это было неприятие тогдашней школы графики, где царствовал Фаворский (который, кстати, всегда особо отмечал большие способности Владимира) и желание найти собственный путь в искусстве, с другой – всё более проявляющиеся сложный характер и психический склад молодого человека. Он всегда будет чувствовать себя ненужным, «лишним», непонятым. Очень удачны его автопортреты и автошаржи, мастерски сделанные мимолетные наброски самого себя. В них хорошо видны свойственные ему «дендизм», эпатажность и

некая беспечность. Но в них же, возможно, помимо воли художника, явно просматриваются его незащищённость и растерянность.

М.М. Мелентьев постоянно переживал за молодого Свистальского. Радовали его талант и трудоспособность в периоды творческого вдохновения, но очень огорчало отсутствие большой цели в жизни, да и вообще какое-то безразличие к собственной судьбе. Владимир просто плыл по течению, часто оказывался в нелепых ситуациях, в пёстрых компаниях чуждых ему по духу людей. Он легко сходилась с людьми, был элегантен и остроумен. Отношения с женщинами у него всегда складывались нелегко, с надрывом. Романов будет много и все непростые. В своей жизни он будет и мужем, и

отцом двоих детей от разных женщин, но всё это происходило как-то очень по-своему, не как у обычных людей. Впрочем, ещё в 16 лет он говорил о себе: «Основным правилом моей жизни будет сохранять самого себя, не влезая в шаблон». Таким он и будет во всём в течение всей своей недолгой жизни.

Много рисуя пером, В.А. Свительский в 1920-е годы пробует себя и в другой технике – силуэте. Он постоянно исполняет портреты, начинает цикл очень интересных бытовых и жанровых зарисовок, получивших название «Революция и быт». К сожалению, большинство из этих работ не дошло до нашего времени. Художник в течение жизни почти не заботился о сохранности своих рисунков. Он дарил их знакомым и незнакомым людям, мог выбросить, будучи не удовлетворенным исполненным. Графика и силуэты раннего В.А. Свительского, до того как он начал работать на издательства, очень немногочисленны и разпылены по архивам и частным коллекциям. Но именно эти работы стали школой мастерства для художника, предварили те циклы, что составили ему имя большого мастера силуэтной иллюстрации.

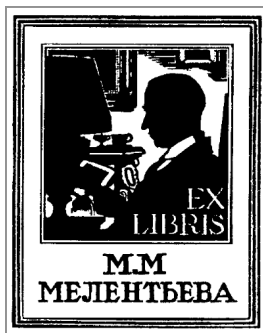
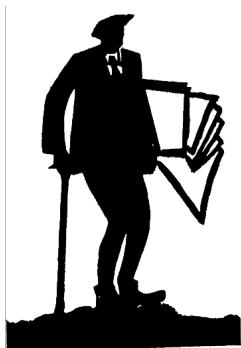

Рис. 3 Автосилуэт. Рис. 4 Экслибрис

Алабино. 1929

М.М.Мелентьева. 1929

Рис. 5 Шпана.

Конец 1920-х гг.

В апреле 1930-го года В.А. Свительский был арестован. Подвели «друзья», с которыми общался Владимир. Всё про-

изошло нелепо, как и многое другое в его жизни. Следствие затянулось на полгода, и только в декабре последовала ссылка в лагеря на десять лет.

Сначала это была далёкая Кемь. Художник остался собой – иронизирующим снобом, и в первом письме из отдалённых мест писал М.М. Мелентьеву: «Карелия, где скучал Свительский, была прелестный уголок». В дальнейшем художник оказался в лагере на

Рис. 6 Силуэт В.В.Гельмерсена. Соловки. 1933

Соловках, которые в ту пору были оазисом культуры и высокой духовности. Правда – за колючей проволокой. В лагере В.А. Свительский имел возможность общаться с цветом русской культуры, брать книги из прекрасной библиотеки, ходить в первоклассный театр и музей. Интересно, что там он встретился с замечательным иллюстратором «Евгения Онегина», исполнившим ещё в начале XX

века цикл силуэтов для романа, – В.В. Гельмерсеном. Судьба последнего оказалась трагичной: он погиб в недрах ГУЛАГа, а его силуэты дошли до читателя лишь спустя десятилетия.

Подневольная жизнь в Кемь, а затем на Соловках, как это ни покажется странным, дала толчок к взлёту творчества В.А. Свительского. Объяснением этому феномену, наверно, будет то, что в его жизни не осталось места для расхлябанности предыдущих лет, исчезли сомнительные соблазны, новые нелёгкие обстоятельства заставили действовать. Художник очень много, с редким упоением работает. Он делает многочисленные зарисовки, исполняет гравюры на дереве, режет силуэты. По-прежнему почти ничего не оставляет себе. Про-

даёт, чтобы пополнить скудный рацион, дарит. В это время он доделывает цикл «Революция и быт», режет эротические силуэты и главное – исполняет серию силуэтов к «Дубровскому» и «Борису Годунову» А.С. Пушкина. Именно с этого момента поэт прочно входит в его творческую жизнь.

В 1933 году в жизни В.А. Свительского и М.М. Мелентьева происходят новые события, наложившие отпечаток на их судьбы. По «делу о врачах» (главным обвиняемым проходил личный врач А.М. Горького – Д.В. Никитин) был арестован и заключён в Бутырскую тюрьму Михаил Михайлович. Следствие тянулось более полугода. Каких-либо фактов участия М.М. Мелентьева в «террористической организации» не смогли представить даже поднаторевшие в таких делах следователи с Лубянки, и приговор (без приговора такие дела не вершились) оказался относительно мягок: высылка свободнопоселенцем на три года на строительство Беломоро-Балтийского канала в поселок Медвежья Гора. Впоследствии в ноябре 1960 года. М.М. Мелентьев был полностью реабилитирован «... в связи с отсутствием состава преступления».

В том же 1933 году досрочно освобождён из заключения Владимир Свительский. Молодой человек оказался в сложной жизненной ситуации: без денег, без работы, с документами, закрывающими почти все пути. На беду не было рядом и верного друга, наставника – М.М. Мелентьева, который томился в Бутырке в ожидании приговора. Общие друзья и сестра М.М. Мелентьева помогли Владимиру деньгами и отправили в Моршанск. Долго он там не задержался, приехал в Москву, где бедствовал, много пил. Затем снова вернулся в Моршанск, с трудом нашёл низкооплачиваемую работу, но вскоре её потерял. Наконец, устроился в местную газету. Так прошёл почти год. О творчестве в тот период не могло быть и речи. Жизнь казалась потерянной. Помощь снова пришла от Михаила Михайловича.

М.М. Мелентьев поселился в Медвежьей Горе и, будучи деятельным человеком, врачом с большой буквы, сумел наладить там свою жизнь. Он быстро получил хорошую вра-

чебную должность, удобную жилплощадь, пользовался уважением как заключенных, так и лагерного начальства. Михаил Михайлович сумел устроить проезд к нему Владимира. Тот приехал весной 1934 года, пробыл недолго – чуть больше недели. Снова вернулся в Моршанск, затем жил в Москве. Опять очень бедствовал. Летом в Ленинграде умер отец Владимира, и он уехал туда по делам наследства. М.М. Мелентьев помогал деньгами, звал в Медвежью Гору, где были хорошие условия для жизни и творчества. В декабре 1934 года художник приехал к М.М. Мелентьеву. Приехал совершенно опустошённый, разбитый пережитым и выстраданным. Приехал на этот раз не в гости, а домой. Надолго – до самого освобождения Михаила Михайловича.

Следующий, 1935, год был звёздным годом В.А. Свительского. После долгих лет лишений и скитаний художник попал в домашнюю атмосферу, сытую и размеренную жизнь. Он отдохнул душой, освободился от общения с ненужными ему, навязчивыми людьми, которым по слабости и доброте

Рис.7 В.А.Свительский.
Автопортрет. Прорезной
рисунок. 1935

характера не мог отказывать от общения в Москве и Ленинграде. Творческие, не защищенные в обыденной жизни натуры часто становятся жертвами, к ним липнут сомнительные личности, всегда находятся собутыльники, их талант часто эксплуатируют. Вспомним хотя бы судьбу Есенина. Были «чёрные» люди и в жизни В.А. Свительского. В Медвежьей Горе всё тяжелое осталось позади. К тому же здесь он нашёл любовь, единственную в его жизни женщину, к которой был нежно привязан, которой мог открыться и быть понятым. Но, как всегда, в

его жизни, близкое счастье ускользнуло. Она была замужем, но даже когда позднее была готова пойти на разрыв, то всяческие обстоятельства помешали им соединиться.

Впрочем, будем объективны, Владимир не умел бороться в жизни даже за своё счастье. Любые трудности, особенно «презренного» материального или бытового характера парализовывали его волю, подталкивали к действиям импульсивным, не поддающимся логическому объяснению. Ещё в пятнадцатилетнем возрасте Владимир сказал о себе: «Мне кажется, что я не создан для жизни, я, несомненно, долго не проживу». Много позднее добавил: «Во мне не хватает того, что называется «жизненный импульс». И с этим ничего не поделаешь». Таким он был, и таким его надо было принимать близким ему людям. Пожалуй, до конца это умел делать только один человек – М.М. Мелентьев.

В Медвежьей Горе В.А. Свитальский сделал практически всё, что составило ему имя талантливому книжному графика. Прежде всего, это силуэты к «Евгению Онегину». Мы остановимся подробнее на этой работе мастера чуть позже, а сейчас добавим к списку исполненного в тот год новую версию «Дубровского», «Повести Белкина» и, конечно, один из шедевров силуэтного жанра – цикл к «Борису Годунову», полностью законченный и подготовленный к изданию все в том же 1935 г.

В прорезных рисунках к «Борису Годунову» художник с блеском использовал придуманный им сложный технический приём – прорезку бумаги острым ножом, что придаёт изображению лёгкость и объёмность одновременно.

Сам В.А. Свитальский так характеризовал эту технику: «Мои предшественники в лице Гельмерсена и Кругликовой, оперируя тонкой бумагой и ножницами, давали чисто декоративное, плоскостное силуэтное пятно... Заменяв тонкую бумагу плотным полуватманом, ножницы перочинным ножом, пользуясь методом обрезной гравюры на дереве, я имею возможность иногда достигать впечатления реальной объёмности, может быть, несколько условной, но являющейся для «бумажного языка», безусловно, новым словом».

Рис. 8 Иллюстрации к «Борису Годунову». Прорезной рисунок

«Борис Годунов» с силуэтами В.А. Свитальского вышел в 1937 году в самом престижном издательстве «Academia».

Силуэтные иллюстрации к «Дубровскому» также увидели свет. Книга вышла в 1935 году в Гослитиздате, но без указания имени художника. Тому предшествовала долгая, почти детективная история, когда В.А. Свитальский оказался фактически заложником человека, сыгравшего злую роль в его жизни. Не без художественных способностей, сам владевший пером и кистью, он годами тенью следовал за В.А. Свитальским,

подбивал слабохарактерного Владимира на кутежи, отбирал и присваивал его работы. Медвежья Гора оказалась местом избавления от пагубного влияния «чёрного» человека, который по законам жанра вскоре сам оказался узником «Дальлага».

Помимо вышеперечисленного, В.А. Свитальский сделал несколько циклов силуэтов для «Academia» («Воспоминания» Софьи Ковалевской, «Чайльд Гарольд» Байрона), к сожалению, не вышедших в виде книг. Он также работал по заказам других центральных и местных издательств. Его имя становилось всё более известным, работы получали в целом положительные отзывы, наконец-то стала появляться материальная независимость. В то же время он писал любимому человеку: «Вы думаете, легко в один год сделать три книги по классике? Это последняя вспышка моего упорства и трудоспособности... Клянусь Вам, если бы не было М.М., весь-

ма вероятно, что я застрелился бы, под поезд лёг, но у меня нет сил наносить ему этот удар. Так много я его волновал! Так любезно он следит за кажущимся ему моим «возрождением»! Никогда я не был так низко как «человек», как теперь, когда я считаюсь художником, делающим карьеру». В благополучный, казалось бы, период жизни у В.А. Свитальского снова ощущение обречённости, снова тяжелые предчувствия.

В конце февраля 1936 года истёк срок ссылки М.М. Мелентьева. Ему разрешили проживать в Москве. Москва манила, но и пугала. Приходилось решать множество бытовых проблем, главной из которых было жильё. Но было и ещё одно обстоятельство, заставлявшее взвешивать все «за» и «против», – Владимиру запрещалось проживать в столице. Михаил Михайлович хорошо понимал, что без его опеки молодой человек может опять сорваться, что оставлять его одного просто опасно.

С большим трудом для В.А. Свитальского была выхлопотана временная прописка, найдена удобная комната. Но жизнь в Москве у Владимира не заладилась. Все прежние проблемы возникли вновь. Работалось плохо. Мучила остав-

ленная в Медвежьей Горе любовь. Через силу художник исполнил для Государственного Литературного музея «Графа Нулина». В музее в то время работал М.Д. Беляев, хорошо знавший и ценивший Владимира как состоявшегося художника. (Впоследствии М.Д. Беляев станет организатором и первым директором Музея-квартиры А.С. Пушкина на Мойке, 12). Владимир любил бывать в музее. Много хоро-

Рис. 9 Иллюстрация к «Графу Нулину»

шего для художника сделала понимавшая его К.Б. Сурикова, секретарь музея. Не случайно большая часть работ В.А. Свительского оказалась именно в Государственном Литературном музее.

Вскоре закончилась прописка в Москве, и художник переехал в Воронеж, где жил у одной из сестёр М.М. Мелентьева. Затем в поисках работы ездил в Курск, Краснодар. С его прошлым устроиться было нелегко: следовали туманные обещания, заканчивавшиеся отказами. В.А. Свительский мечтал о том, что соединится с оставленной на Севере любовью. Близкие люди, знавшие об этих отношениях, помогали. Иногда казалось, что всё возможно, что они смогут быть вместе, но то обстоятельства не складывались, то Владимир не проявлял должной настойчивости. Вдруг, к удивлению многих, да, наверно, и к собственному, он женится на молодой женщине из Краснодара. Сказалась душевная усталость, неустроенность. И ещё столь свойственная ему непредсказуемость поступков. К чести Тамары Константиновны, так звали его последнюю жену, она оказалась верным человеком, много перенесшим ради Владимира, хотя по духовности, уровню развития она, конечно, была ему не парой.

Между тем было выхлопотано разрешение жить в Москве, и В.А. Свительский с женой поселились у её матери в Брюсовом переулке. Жить с ним было непросто, он, в конечном счёте, не был создан для совместной жизни. Слишком он был сам по себе. Он мог страдать и страдал от одиночества, но жить с кем-то, нести какие-то обязанности не было его уделом. К тому же усугубилось его пристрастие к алкоголю. В феврале 1937 года Владимир попал в лечебницу. Там он пробыл месяц, вышел посвежевшим и, казалось, поправившимся. С женой произошёл разрыв, и М.М. Мелентьев увёз его в тихий Загорск, чтобы оградить от московской суеты и соблазнов. Попалась замечательная хозяйка – Н.В. Плетнер, жившая с тетужкой и прислугой. Все незамужние, патриархальные, принявшие Владимира «как своего».

Рис.10 Н.В.Плетнер.
Силуэт. 1937

О нём заботились, его любили. Он старался работать, делал заказ для «Молодой гвардии», задумал большой цикл «Москвы советской». По-прежнему писал «своей единственной» исповедальные письма. Писал без надежды на встречу, писал для себя.

М.М. Мелентьев регулярно навещал художника. Каждый раз волновался, каким будет Владимир. Тот встречал его неизменно бодрым, хорошо одетым, неплохо выглядел. Казалось, всё идет к лучшему. Но 18 апреля произошло непоправимое – Влади-

мир был сбит у платформы проходящим поездом и ночью скончался в местной больнице. Роковая случайность? Ответа на этот вопрос мы никогда не узнаем. Похоронили его там же, в Загорске, на окраине кладбища около леса.

Михаил Михайлович Мелентьев прожил долгую жизнь. В годы Великой Отечественной войны руководил поликлиникой в Чкалове (Оренбург), а затем возглавлял сразу две больницы во Владимире. С 1946 года почти безвыездно жил в Тарусе, где купил вместе с сестрой Анной Михайловной дом. Постепенно он обустроил этот дом и прилежащий сад в своем вкусе, перевёз из Москвы коллекции. В меру сил работал в местной больнице. В его доме часто гостили многие писатели, музыканты, художники. Внук Л.Н. Толстого – Сергей Сергеевич писал в «Синей книге», которую заполняли гости: «Чего хочет сердце человеческое? Оно хочет прежде всего тепла и ласки. Трудно представить себе большее тепло и боль-

Рис.11 М.М.Мелентьев.
Фото. 1960-е гг.

шую ласку, чем те, которые даёт Михаил Михайлович». Всегда неизменно приветливый, отзывчивый, стремившийся сделать добро, М.М. Мелентьев действительно многим помог в трудные послевоенные годы. Общение с ним ободряло, вселяло уверенность.

Свою богатую коллекцию Михаил Михайлович Мелентьев передал в дар родному городу Острогожску. В местном музее имеется зал, где у входа висит табличка «Дар землякам доктора М.М. Мелентьева». Есть в этом зале и работы В.А. Свитальского.

М.М. Мелентьев оставил по себе и другую память. В течение всей жизни он писал книгу. Книгу о своей жизни. Здесь присутствует он сам, описаны происходившие рядом события, даны портреты окружавших его людей. Эти воспоминания, названные автором «Мой час и моё время», являются ценным историческим документом, поскольку написаны участником событий, происходивших в нашей многострадальной стране. Михаил Михайлович написал и другую книгу – книгу о своём воспитатнике Владимире Свитальском. Назвал он её просто – «Книга о Володе». В ней правда о талантливом художнике, история его короткой жизни.

Книги М.М. Мелентьева вышли в начале нынешнего века в Санкт-Петербурге¹⁾. В этом большая заслуга племянницы

¹⁾ Мелентьев М.М. Книга о Володе. Воспоминания об иллюстраторе А.С. Пушкина В.А. Свитальском. – СПб.: Всероссийский музей А.С. Пушкина, Санкт-Петербургский общественный Фонд культуры. – Серебряные ряды, 2000. (продолжение на след.стр.)

М.М. Мелентьева, дочери его сестры Анны Михайловны – Ирины Владимировны Долгополовой (1910- 2006), той самой «маленькой Иры», о которой мы находим много ласковых и добрых слов в воспоминаниях дяди. Ирина Владимировна прожила долгую и славную трудовую жизнь, перенесла блокаду Ленинграда, затем переехала в Москву. По семейной традиции она также писала воспоминания, которые ждут своего издателя.

Рис. 12 Экслибрис И.В.Долгополовой.
Худ.В.Свитальский. Конец 1920-х гг.

Ирина Владимировна всю жизнь глубоко чтит память своего дяди М.М. Мелентьева. Она часто посещала его могилу на Ваганьковском кладбище Москвы. Рядом с Михаилом Михайловичем нашёл упокоение его воспитанник Владимир Свитальский, прах которого Ирина Владимировна перенесла из Сергиева Посада (бывший Загорск).

Вернёмся к силуэтным иллюстрациям к «Евгению Онегину». Начиная в Медвежьей Горе работу над романом, В.А. Свитальский составил подробный план графического оформления книги. Ещё раньше, работая над иллюстрациями к «Дубровскому», художник проштудировал разнообраз-

¹⁾ Мелентьев М.М. Книга о Володе (о художнике В.А. Свитальском) 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Атон, 2004.

Мелентьев М.М. Мой час и мое время: Книга воспоминаний. – СПб.: Изд. дом Ювента, 2001.

Рис. 13. Место захоронения М.М.Мелентьева и В.А.Свитальского. Москва. Ваганьковское кладбище. Фото 2004 г.

ные источники с целью правдивого воссоздания пушкинской эпохи: архитектуры, костюмов, предметов интерьера. Всё это позволило работать по плану, продвигаться в работе достаточно быстро и уверенно. Владимир обсуждал ход работы с М.М. Мелентьевым, показывал эскизы и готовые листы окружающим. Интересно, что при работе оказалось много «отходов» – вырезанных и неиспользованных, либо забракованных художником силуэтных деталей. Михаил Михайлович их подбирал и впоследствии уговорил В.А. Свитальского составить из них несколько новых иллюстраций – вариантов к ранее сделанному.

Общий план оформления «Евгения Онегина» был такой: заставка к каждой главе романа, начальная буква, страничная иллюстрация к ключевому месту главы, одна или несколько малых иллюстраций, концовка. Этому плану художник и следовал во время работы над книгой. При переговорах с Ленгихл'ом (характерная деталь эпохи – трудно выговариваемые сокращения) план расположения иллюстраций был одобрен. В Москве в головном издательстве – Гослитиздате – под маркой которого должна была выходить книга, чуть было не возникло осложнение: ретивые чиновники готовы были издать книгу, силуэты нравились, но предлагали не ставить фамилии художника из-за его лагерного прошлого. В конце концов всё обошлось, «Евгений Онегин» вышел с указанием автора иллюстраций.

Книга вышла в Гослитиздате в 1936 году двумя одинаковыми последовательными изданиями. В ней содержалось 25 иллюстраций (8 листовых, 9 заставок, 8 концовок). Общий тираж был поистине массовым – 400 000 экземпляров, что соответствовало значимости момента: это был канун юбилейного года, повсюду начинались пушкинские «мероприятия». К сожалению, книгу выпустили на плохой бумаге, весьма неряшливо. Что – увы! – было типично для многих вышедших к тому пушкинскому юбилею книг. Да и впоследствии массовые издания нередко выходили в весьма непрезентабельном виде. Вспомним, как был огорчён другой иллюстратор «Евгения Онегина», боль-

Рис. 14 В.А.Свитальский. Фото. 1935

шой художник М.В. Добужинский, уже давно проживавший за границей. По воспоминаниям сына, увидев в 1947 году советское издание романа (Гослитиздат, М.-Л., 1947), «...он в течение нескольких дней был буквально болен от огорчения».

Несмотря на все недостатки вышедшей книги, для В.А. Свитальского сам факт её появления был большим событием, свидетельством признания его таланта. Интересно, что в 1937 году в июньском «пушкинском» номере выходившего в Париже журнала «Иллюстрированная Россия» среди многих первоклассных работ книжной графики (П. Соколов, А. Бенуа, М. Добу-

жинский и др.) были помещены два его силуэта к «Евгению Онегину», что стало свидетельством международного признания.

Рис. 15 Рисунок для обложки к «Евгению Онегину». Худ. В.Свительский

В 1937 году «Евгения Онегина» с силуэтами В.А. Свительского издали в Минске. Тираж по тем временам был скромным (15 120 экз.), полиграфическое исполнение снова оказалось невысоким, хотя и отличалось в лучшую сторону. Книга представляла собой несколько расширенный вариант издания Гослитиздата 1936 года. Количество иллюстраций увеличено до 34, появилась буквица к IV главе. Расположение материала было частично изменено. На книжных разворотах появились вырази-

тельные силуэтные иллюстрации к сцене дуэли, а на авантитуле был помещён портрет А.С. Пушкина.

«Евгений Онегин» с иллюстрациями В.А. Свительского был переиздан издательством «Художественная литература» в 1981 и 1984 гг. Книги без изменений повторяют издание 1936 года.

В 1989 году в журнале «Наше наследство» (№ 9) силуэтами В.А. Свительского сопровождалась публикация комментариев Владимира Набокова ко 2-й главе романа «Евгений Онегин».

Весьма интересно миниатюрное издание «Евгения Онегина» с силуэтами В.Свительского, выпущенное в 2004 году московским издательством «Карма + Т».

Рис. 16 Евгений за туалетом. Страничная ил. Худ. В.Свительский

Рис. 17-1 «Евгений
Онегин».
Изд. «КарМА+Т».
Москва

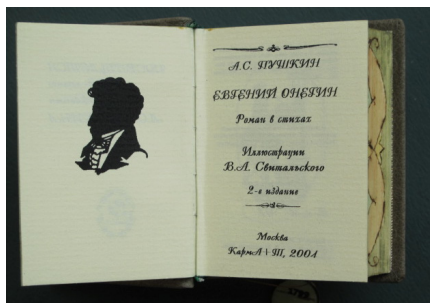

Рис. 17-2 «Евгений Онегин».
Титульный лист. Изд. «КарМА+Т»

Следуя своей установившейся традиции – дать по возможности максимальное количество иллюстративного материала, издательство учло все вышедшие издания «Евгения Онегина» с силуэтами В.Свистальского. Кроме того, и это особенно ценно, были использованы иллюстрации из альбома, находящегося во Всероссийском музее А.С. Пушкина, а также наиболее полный «авторский» состав силуэтов из фонда художника в Государственном Литературном музее. (В 1937 году музей приобрёл у художника за 4 250 рублей 85 силуэтов, в том числе 52 силуэта к «Евгению Онегину»). Это позволило представить читателю ранее не публиковавшиеся рисунки и дать авторские варианты иллюстраций.

Расположение иллюстраций в издании «Евгения Онегина», осуществлённом «КарМА + Т», соответствует авторскому замыслу В.Свистальского и в целом повторяет порядок следования силуэтов в изданиях 1936 и 1937 годов. Важно отметить, что в мини-книге приводится авторский вариант сцены «Евгений за туалетом», не вошедший ни в одно из ранних изданий романа. Помимо этого, во второе издание мини-книги (2004) был включён никогда не публиковавшийся силуэтный рисунок «Минин и Пожарский»

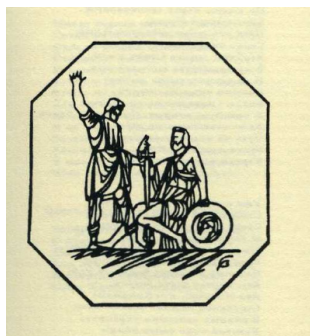

Рис.18 Минин и
Пожарский. Худ.В.Сви-
тальский

цы и полюбоваться филигранной работой мастера.

Издательство «КарМА+Т» сделало хороший подарок ценителям творчества А.С. Пушкина и любителям книжной графики, издав «Евгения Онегина» с силуэтами В.Свитальского. Будем надеяться на появление новых изданий с рисунками этого талантливого художника.

Учитывая миниатюрный формат книги, заглавные буквы к начальному слову каждой главы романа были размещены на отдельных листах и предвворяют главы. Такой вынужденный приём оказался благом и позволяет лучше изучить букви-

Рис. 19. Авторский вариант буквицы к Первой главе «Евгения Онегина». Худ. В.А.Свитальский

Книги с иллюстрациями В.А. Свитальского

Пушкин А.С. Дубровский/ Худож. В.А. Свитальский. – М.: Гослитиздат, 1935.

Пушкин А.С. Борис Годунов/ Худож. В.А. Свитальский. – М.; Л.: Academia, 1936.

Пушкин А.С. Евгений Онегин: Роман в стихах/ Худож. В.А. Свитальский. – М.: Гослитиздат, 1936.

Пушкин А.С. Евгений Онегин: Роман в стихах/ Худож. В.А. Свитальский. – Минск: Белгосиздат, 1937.

Пушкин А.С. Евгений Онегин: Роман в стихах/ Худож. В.А. Свитальский. – М.: Худ. лит., 1981.

То же. – 1984.

Пушкин А.С. Евгений Онегин: Роман в стихах. 2-е изд., Худож. В.В. Гельмерсен. – М.: КарМА+Т, 2003. (На авантитуле портрет В.В. Гельмерсена – силуэт В.А. Свитальского).

Пушкин А.С. Евгений Онегин: Роман в стихах/ Худож. В.В. Гельмерсен. – 3-е изд. – М.: КарМА+Т, 2003. (На С. 286 порт. В.В. Гельмерсена – силуэт В.А. Свитальского).

Пушкин А.С. Евгений Онегин: Роман в стихах/ Худож. В.А. Свитальский; Оформл. А.И. Кармишин; Послесловие А.Н. Громов. – М.: КарМА+Т, 2004.

Пушкин А.С. Евгений Онегин. Роман в стихах/ Худож. В.А.Свитальский. Оформл. А.И.Кармишин; Послесловие А.Н. Громова. – 2-е изд. – М.: КарМА+Т, 2004.

А.С. Пушкин в изобразительном искусстве. – М.: Изобр. искусство, 1961.

*Страницы
школьному
учителю*

Анатолий Чернышев

В гостях у Пушкина

В самом слове «лицей» уже чувствуется дыхание истории. А когда узнаёшь, что в Новосибирском лицее есть музей Пушкина, да и само педагогическое заведение носит имя великого поэта, временные границы невольно раздвигаются. А проходя по каким-то коридорчикам, закоулочкам, спускам и подъёмчикам в аудиторию, где по стенам развешены портреты близких и друзей Пушкина, это ощущение ещё больше усиливается.

Вот Сергей Львович – отец Пушкина. Вот мать поэта.

Вот Василий Андреевич Жуковский – ближайший сподвижник Александра Сергеевича на литературном поприще. Естественно, здесь же и Гавриил Романович Державин. У самых дверей, у входа – большой портрет самого поэта. Се-

мейные реликвии! Как в любом хорошо обжитом доме. Они должны напоминать о людях, близких сердцу. Так издавна заведено.

И, конечно, здесь же весь первый выпуск императорского Царскосельского лицея. Нет, не в портретах, а в каллиграфически оформленном списке на стене, встречающем вас буквально у самого входа. Вот уж действительно «никто не забыт, ничто не забыто», даже лицейские клички. Они напоминают о беззаботном детстве сверстников лицеиста Пушкина и самого поэта. У Вольховского кличка – Извозчик. А этот «извозчик» закончил лицей с большой золотой медалью – лучший выпускник лицея. Он готовился к военному поприщу и стал впоследствии гвардейским генералом. Горчаков – Франт. Он выйдет из лицея с малой золотой медалью. Вот вам и «франт». «Железный» Бисмарк считал его своим учителем на дипломатическом поприще. Данзас – Медведь. Ему выпала печальная участь: быть секундантом на последней дуэли Пушкина.

И не только печальная, горькая, но и чреватая тяжкими последствиями: за участие в дуэлях сурово наказывали, вплоть до расстрела. И, тем не менее подполковник Данзас, не колеблясь, откликнулся на просьбу лицейского друга. За что и поплатился: был разжалован и подвергнут аресту. Сам Пушкин – и Француз и Егоза. Кто мог подумать, что эта «егоза» станет великим поэтом, гордостью России.

Мы пришли к нему в гости тоже как давние друзья. Пришли целой группой – человек пятнадцать. Нет, наших портретов не увидишь, но мы здесь гости не случайные и не редкие. Вот Нэля Петровна Трухина – председатель Новосибирского регионального Пушкинского общества. Для неё Пушкин – не символ, не эталон, а живой человек, современник, с которым она общается постоянно. По зову сердца.

И пришла она в окружении членов Пушкинского общества и членов правления, к которому относится и руководитель этого музея Владимир Ефимович Крыжановский. А он является ещё и членом парижской «ассоциации друзей Пушкина» – как много их у поэта. По всему миру. Попробуйте

собрать всех – не поместятся ни в одном помещении. Кстати, на открытие памятника Пушкину в Париже, на родине Дантеса, почтить это событие из Эльзаса приезжали и родственники Дантеса. Вот такая магия таланта великого русского поэта.

В аудитории, как и положено лицу, рядами расставлены учебные столы, стулья. Привычно рассаживаемся – «мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь». И тут выясняется – не как-нибудь, а вполне основательно. Аудитория буквально преображается: появляются старинные платки, сарафаны, шляпки; заговорили персонажи «Повестей Ивана Петровича Белкина». Заговорили вживую, без шпаргалок и текстов самих «Повестей». Мысль ведь материальна. От Ивана Петровича она пришла к Пушкину, а от него долетела до нас – мы ведь беседуем с Богом и устно и мысленно, в полной уверенности, что он нас слышит.

Нет, преобразилась не аудитория. Преобразились мы, растворившись в её атмосфере. И пример подала Нэля Петровна, накинув на плечи старинный платок, как будто подаренный ей самим Иваном Петровичем Белкиным. Накинула и... превратилась в госпожу Белкину. И повела рассказ о природе этих «Повестей» – они ведь рождались на её глазах.

А дальше пошли её современницы и персонажи самих «Повестей». Естественно, всё началось с «Выстрела». Его рассказала Татьяна Трофимова, член правления Пушкинского общества. Именно рассказала, а не прочитала по тексту. Да и зачем ей текст, если она была в какой-то старомодной шляпке – ни дать ни взять графиня из самой повести, невольная свидетельница самих событий. И рассказывала она о последнем выстреле Сильвио, влпившего пуля в пулю в картину на стене. Ей ли этого не знать.

Рассказывала, а в соседней комнате лежал дуэльный пистолет. Он был большой, тяжёлый, на деревянной основе и напоминал нынешний обреза. Именно из такого стрелял Пушкин в Дантеса. Стрелял уже лёжа на снегу, опираясь на левую руку. И попал, легко ранив противника. Он был отмен-

ный стрелок. Как и Сильвио, о коем рассказала графиня... простите, Таня Трофимова.

А дальше пошли «Метель». «Барышня-крестьянка». И никто из рассказчиков ни разу не обратился к текстам. Всё вживую, наизусть, как и полагается свидетелям и очевидцам.

И главное – всё это естественно, органично. Никакой мажорности. И даже если кто-то забывал какой эпизод, ему дружно подсказывали другие «очевидцы» реальных событий. Впрочем, здесь бывает и не такое: например, пушкинский бал с полонезами и мазурками, с присутствием самого Пушкина в окружении своих персонажей – Татьяны Лариной, Онегина, Ленского, Ольги в соответствующих костюмах, сохранившихся в старинных сундуках, но не пропахших нафталином – таковы чудеса вечности.

И, конечно, не обошлось без стихов: «Осень», «Скупой рыцарь». За хозяина гостиной их прочитал Виктор Липчанский – член правления пушкинского общества. Впрочем, как и Татьяна Трофимова, как Раиса Иванова и Лидия Зайцева, рассказавшие о «Метели» и «Барышне-крестьянке», как Иван Зайцев, прочитавший своё стихотворение, посвященное Пушкину. Я думаю, хозяин гостиной его слышал. Присутствие Пушкина было явственно ощутимо: он смотрел на нас со стен и внимал каждому слову.

Оформление музея время от времени обновляется. Но я думаю, что Владимир Ефимович, вместе с другим руководителем музея Галиной Петровной Лазарчук и неутомимым, помогающим и словом и делом директором Пушкинского лицея Галиной Андреевной Коротько, каждый раз советуются с Пушкиным, трепетно соблюдая его вкусы и пристрастия. Во всяком случае, мы не заметили ничего чужеродного, случайного для этих пушкинских апартаментов. Чтят они и память основательницы музея Тамары Ивановны Малковой, чей портрет висит на передней стене аудитории.

Кстати, собственно музей находится в дальней комнате, где хранится и посмертная маска поэта, и тот пистолет, о коем уже говорилось, и многое-многое другое. Но ему уже тесно,

и он выплеснулся в учебную аудиторию, превратив её и в гостиную, и в музей, и в зал наглядного воспитания лицеистов. Такова магия таланта. Она не имеет границ и шлагбаумов.

Покидая музей, мы в последний раз взглянули на большой портрет Пушкина у дверей. Он был подарен двумя бывшими зеками – вот вам и

*Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье.*

Нет, не пропадает он, скорбный труд. Остаётся людям и дарит им своё тепло.

Выйдя на заснеженную улицу, мы почувствовали себя как вновь народившимися. Такое ощущение бывает после долгой-долгой командировки. А у нас она была действительно долгой. Двести лет – дольше не бывает.

Но вот они, родные сугробы, трамвайные рельсы, улица Добролюбова и остановка – Лицей! А в нём – и новые встречи с Пушкиным, и с его персонажами, и с нынешними лицеистами, как это было уже не раз. Кем-то они вырастут, эти неугомонные «егозы», «извозчики» и «хваты». Какую оставят память о себе? Думаю, добрую.

Оно, добро, исходит от самих стен лицея и от бывшего лицеиста Пушкина, и от той атмосферы, которая его окружает и сегодня.

Галина Лазарчук

Создание особого культурного пространства в Пушкинском зале музея НГПЛ

Пушкинский зал музея НГПЛ существует в лицее шесть лет. Он осуществляет свою деятельность в нескольких направлениях.

Это творческие проекты, включённые в серию уроков пушкинианы. За последние три года жизни Пушкинского зала сложилась система творческих проектов в разных возрастных группах.

Начальная школа Литературный праздник «И с каждой осенью я расцветаю вновь...»:

V – VI классы Спектакль «Что за прелесть эти сказки!», литературная викторина.

VII – IX классы Литературно-музыкальные гостиные «Романтика романса», «Читая Пушкина», «Над пушкинской строкой».

Поэтический конкурс «Души прекрасные порывы»

X – XI классы Театрализованные праздники «Дни славы Пушкина», лицейские и городской, посвящённый Пушкинскому дню России.

Начальная школа:

V – XI классы Пушкинский бал. Тематические сценарии, конкурсы, посвящённые жизни и творчеству великого русского поэта; танцы балов XIX века.

IV – XI классы Обзорные, тематические и театрализованные экскурсии.

Работа по подготовке экскурсоводов.

Исследовательские работы по произведениям Пушкина.

Мысль о высоком гуманистическом значении творчества Пушкина была близка русской культурной традиции на протяжении многих веков. И сегодня современно звучат слова В. Белинского: «Есть всегда что-то особенно благородное, кроткое, нежное, грациозное и благоуханное во всяком чувстве Пушкина. ... Читая его творения, можно превосходным образом воспитать в себе человека...» Пушкинский музей как уникальное художественное пространство берёт на себя серьёзные задачи, одна из них – познавательная. Разрабатывая и воплощая в жизнь названные проекты, мы приобщаем детей к великому таинству искусства слова. То познание жизни, которое дают нам пушкинские строки, встречи с актёрами, певцами и музыкантами, работниками культуры города Новосибирска, способствует гармоническому развитию личности, воспитывает эстетически, нравственно, будит воображение, приобщает к красоте, обогащает эмоциональный, духовный мир. В педагогическом процессе эти драгоценные возможности, если их мудро использовать, приносят высокий результат. Свидетельство тому – личный многолетний опыт работы с детьми.

Наш пушкинский зал особенный, потому что обитает он на планете по имени Детство. Большим успехом пользуются у зрителей театрализованные экскурсии- своеобразные пушкинские уроки. Магия их атмосферы, волшебство в том, что происходит со зрителем, пришедшем на урок: он поражён в самое сердце и счастлив, а, уходя из уютного зала, уносит в своей душе тот мир, который ему раскрыли умные, талантливые ребята. И этот урок не был бы таким волнующим, таким доверительным, откровенным, убеждающим, если бы его не сотворили друзья по школьной парте. Как они преобразились! Как вдохновенны их лица, как удивительны голоса! Какой красотой наполнились их души!..

(Инсценированный эпизод)

«Вечер у графин Фикельмон»

Действующие лица.

Пушкин.

*Виконт д/Аршиак.
Графиня Фикельмон.*

Рассказчик. (Звучит «Пушкинский вальс» С. Прокофьева)
Комната графини. Круглый мозаичный стол. Сосуды с драгоценными камнями.

Графиня Фикельмон и Пушкин склонились над столом.

Виконт. У круглого мозаичного стола двое людей были погружены в какое-то странное занятие. Стол был сплошь покрыт драгоценными камнями. В различных сосудах они переливались разноцветными искрами.

Графиня (поднимая крупный голубоватый алмаз). – Не правда ли, какой изумительный блеск?

Виконт. Незнакомец поднял голову. И над грудой этих пылающих звёзд я увидел огромные светлые глаза, блиставшие ярче всех драгоценностей. Прекрасные глаза, с громадными расширенными зрачками, словно затканными золотыми искрами, были кристально прозрачны и таинственно глубоки.

Графиня: (ласково протягивая руку.). Как я рада, виконт, что вы собрались ко мне до общего съезда. Виконт д/Аршиак, атташе при посольстве короля французов.

Monsieur Пушкин, двора Его Величества.

Пушкин. (поклонившись). Вам, как представителю французской нации, могу сказать, что больше всего в жизни я люблю поэтов старой Франции и самая пылкая мечта моя – это побывать в Париже.

Графиня (обращаясь к Пушкину). Что напоминает вам это? Пальцы, хватающие снег, девственный, замерзающий, оцепенелый и всё же рассыпающийся осколками и искрами снег...

Пушкин (роняя сквозь пальцы горсточку вспыхнувших рубинов). А это, в таком случае, не напоминает ли капель крови, струящейся из раны?..

Графиня (смеясь). Что за мрачное сопоставление? Я, напротив того верю, что алмазы имеют тайное благотворное влияние на судьбу человека, не правда ли, виконт?

Виконт. По преданию, Карл Смелый брал с собою в битвы все свои алмазы...

Графиня. И это не приносило ему счастья?

Виконт. Он выходил победителем из всех сражений, пока не пал в битве при Нанси. На нём был шлем, украшенный величайшим алмазом.

Графиня. Какая прелесть эти старинные предания! Жуковский недавно рассказывал мне, что, по представлению восточных поэтов, тот, кто носит алмаз, угоден царям и ограждён от козней врагов.

Пушкин. Вы, кажется, хотите намекнуть, что мне следует заменить на этом перстне изумруд алмазом?

Графиня. Я для этого слишком уверена в благоволении к вам императора. Не назвал ли он вас умнейшим человеком России.

Виконт.

Пушкин медленно шевелил груды мелких драгоценных осколков, рассыпанных на двух фарфоровых тарелках. На одной возвышались искрящимся конусом мелкие алмазы, на другой рубины. Тонкие пальцы погружались в серебрящиеся искры или же пропускали сквозь свою живую сеть алый поток сверкающих и твердых капель. Продолжая беседу, все мы невольно смотрели на эти каскады струящихся драгоценностей, намагнетизированные их живым и дробящимся блеском....

Приведённый фрагмент театрализованной экскурсии «У портретов Пушкина» – свидетельство оригинального, романтического восприятия образа поэта его современниками. Возвышенный стиль текста романа Л. Гроссмана, искренняя игра наших ребят-актёров оставляют неизгладимое впечатление у зрителей, оказавшихся во власти звучащего слова.

*Документы
Пушкинского
общества*

Пушкинский альманах и другие издания Пушкинского общества в Новосибирске

Как радостно и хорошо, что такие издания выходят, читаются, а потом чудесным образом оказываются в самых разных уголках мира. Отдел международного книгообмена ГПНТБ СО РАН комплектует библиотеки Германии (Берлинская государственная б-ка), США (б-ка Конгресса, б-ка Калифорнийского ун-та), Китая сибирскими изданиями. И мы с гордостью можем утверждать, что на книги Новосибирского регионального Пушкинского общества с самого начала их выпуска пришли заказы из этих стран! Даже братские белорусы попросили им присылать ваши волшебные издания! Ждем, надеемся и верим, что ваши сборники будут заказывать все те, кому небезразлично имя А.С. Пушкина. Желаем вашему «Пушкинскому альманаху» новых интересных идей, авторов и поклонников. Мы же, в свою очередь, всегда готовы широко открывать двери новосибирским изданиям для наших партнеров по обмену.

Геливанова Татьяна Касимовна
Зав. сектором отдела комплектования
иностранный литературы ГПНТБ СО РАН

ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

199034, Санкт-Петербург,
наб. Макарова, д.4
Телефоны: (812) 328-19-01
Факс: (812) 328-11-40

Новосибирскому региональному
Пушкинскому обществу

Дорогие друзья,

поздравляем вас с десятилетием вашей просветительной деятельности по пропаганде знаний об А. С. Пушкине и о его творчестве, о роли и значении поэта в становлении современного русского языка и родной литературы.

Книги членов вашего общества и выпуски «Пушкинских альманахов» находят достойное место в коллекции изданий Пушкинского кабинета Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Надеемся, что в ближайшее время Ваша бескорыстная деятельность найдет поддержку, и издания вашего общества будут выходить более регулярно и более массовыми тиражами.

Желаем дальнейших успехов в разносторонней работе вашего общества, здоровья и благополучия всем его членам.

Ученый секретарь

Пушкинской комиссии РАН,
кандидат филологических наук

(А. Ю. Балакин)

10.4.2013

Министерство культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации
Федеральное агентство по культуре и кинематографии
Федеральное государственное учреждение культуры

ВСЕРОССИЙСКИЙ МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА

набережная реки Мойки, дом 12, Санкт-Петербург, 191186
тел. (812) 571-38-01; факс: (812) 315-73-79, e-mail: vmp@museumpushkin.ru

Председателю Правления
Новосибирского регионального
Пушкинского общества г-же
Трухиной Н. П.
Холодильная ул., д. 13, кв. 13
630001 Новосибирск

Глубокоуважаемая Нели Петровна

Дирекция Всероссийского музея А. С. Пушкина и отдел книжных фондов
благодарят Вас за пополнение нашей библиотеки выпусками «Пушкинского
альманаха»

Директор Всероссийского
музея А. С. Пушкина

Некрасов С. М.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЮЗ ОБЩЕСТВЕННЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ КНИГОЛЮБОВ
INTERNATIONAL UNION OF SOCIAL ORGANIZATIONS
OF BIBLIOPHILES

107031, Москва,
Пушечная ул., 7/5, стр. 2
тел. 621-8221, т/ф. 621-4626

«20» мая 2013

№ 31

e-mail : knigolub@co.ru
www.knigolubv.ru

Председателю Правления
Новосибирского регионального
Пушкинского общества
г-же Трухиной Н.П.

Уважаемая Нели Петровна,

Международный союз книголюбов благодарит Вас за пополнение библиотеки нашей организации выпусками «Пушкинского альманаха».

Это издание, выпускаемое силами активистов Вашего общества, представляет собой ценный источник информации о жизни и творчестве великого русского поэта и представляет большой интерес для книголюбов и всех ценителей русской литературы. Особый интерес представляют отличные иллюстративные подборки, придающие живость восприятию публикуемых в альманахе материалов.

Нам представляется, что альманах может также с успехом использоваться в учебно-педагогической работе. Залогом этого является присутствие работников образования среди авторов издания.

Желаю всем участникам проекта доброго здоровья и дальнейших творческих успехов в деле популяризации творчества А.С.Пушкина.

Председатель
Совета МСК

Шустрова Л.В.

Анонс

Московское издательство миниатюрных книг «НАТЕ» (совместное предприятие «Издательства Берновой и «КармА+Т») выпустит в начале 2014 года уникальную книгу «Весь Пушкин в одном томе». Это первая отечественная миниатюрная книга подобного рода.

В богато иллюстрированную книгу объёмом 1100 страниц войдут стихотворения, поэмы, пьесы, прозаические произведения А.С.Пушкина. Том открывается биография поэта, написанная критиком А.М. Скабичевским. Изящный томик заключён в кожаный переплёт с золотым тиснением и помещён в футляр.

Книга выйдет в двух миниатюрных изданиях: 72х99 мм и 50х70мм.

Ориентировочная цена каждого издания 200–230 долл. США (в зависимости от формата и конечного тиража). Книга будет распространяться по подписному списку.

Заказ на книгу «Весь Пушкин в одном томе» направляйте до 10 ноября по адресу электронной почты: karman-mini@yandex.ru

Перечень иллюстраций на обложке и вклейках

1-я стр. обложки:

Памятник А.С. Пушкину в Америке. Скульпторы Бургановы А.Н. и И.А.

4-я стр. обложки:

Предполагаемое место установки бюста А.С. Пушкина, полученного в дар г. Новосибирску от г. Кропоткин Краснодарского края.

Авантитул:

В.Н. Горяев. Пушкин. 1974.

стр.: 94, 146, 188

К статье Чернышева А. «В гостях у Пушкина».

СОДЕРЖАНИЕ

ПУШКИН И ПРАВОСЛАВИЕ

<i>Александр Пушкин</i> Мирская власть	4
<i>Вольфганг Казак</i> Христианское мышление и христианские мотивы у Александра Пушкина	5
<i>Лариса Кравал</i> Православный мир в рисунках Пушкина	22
<i>Борис Пивоваров</i> А.С. Пушкин о проповеди Евангелия	30
<i>Валентин Курбатов</i> Дальше Литература	34

ПУШКИН И МЫ

<i>А.С. Пушкин.</i> Воспоминание	42
<i>Анатолий Чернышев.</i> Предтечи и соратники	43
<i>Владимир Ястребов</i> А.С. Пушкин и К.Н. Батюшков	46
<i>Валерий Болтунов</i> Книга «Живой Пушкин» П.Н. Милюкова и поминальный юбилей 1937 года	61
<i>Владимир Фрумкин.</i> Памяти профессора Е. Г. Эткинда... ..	73

СИБИРСКИЙ ПАРНАС

<i>Василий Федоров</i> «И бог...»	80
«Гордиться?...»	81
«Какой-то странный человек...»	82
«В лесах...»	82
<i>Владимирка</i>	83
<i>Совість</i>	85
«Счастливый...»	87
«Со времён...»	89
<i>Надежда Семенова</i> Живой голос поэта	91

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

<i>Ольга Видова</i> Миф: отношения А.С.Пушкина с Е.К.Воронцовой и Реальность: А.С.Пушкин и В.Ф.Вяземская	96
---	----

ПОЭТИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ

<i>Марианна Майская</i> Мимолётное свиданье	114
Путь к любви	114
Любовь	115

Письмо	116
Счастливый билет	116
Мама	117
Папа	118
Татьяне Ивановне Майской	119
Настоящий человек	119
Дети сентября	120
<i>Татьяна Трофимова</i>	
«Земля! Ты Родина моя!..»	122
«Здесь и дом стоял, и был плетень..»	123
Мой край березовый	123
И как бы сохранить нам этот мир	124
ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА	
<i>Нэля Трухина</i> Возрожденные традиции	126
<i>Владимир Евдасин</i>	
Я вам поведаю приватно	130
ГОСТИ ПУШКИНСКОГО АЛЬМАНАХА	
<i>Лилия Юсупова</i> Страницы из дневника	148
<i>Геннадий Антонов</i> Моряки читают Пушкина	162
ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ ПУШКИНИАНЫ	
<i>Дмитрий Овсянко-Куликовский</i> Художественные «мистификации»	
Пушкина	182
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ ПУШКИНИАНА	
<i>Александр Гдалин, Маргарита Иванова</i> Памятники А.С. Пушкину в	
Америке	190
<i>Александр Громов</i> «Евгений Онегин» в силуэтах В.Свитальского	200
СТРАНИЦЫ ШКОЛЬНОМУ УЧИТЕЛЮ	
<i>Анатолий Чернышев</i> В гостях у Пушкина	224
<i>Галина Лазарчук</i> Создание особого культурного пространства в	
Пушкинском зале музея НГПЛ	229
ДОКУМЕНТЫ ПУШКИНСКОГО ОБЩЕСТВА	
Перечень иллюстраций на обложке и вклейках	239

Литературно-художественное издание

Пушкинский альманах, выпуск 15

Редактор – Крыжановский В.Е., email: vek-nsk@mail.ru

Корректор – Бондаренко В.В.

Компьютерная верстка – Логуновой Н.Н.

Подписано в печать 23.09.2013 с оригинал-макета

Бумага офсетная № 1, формат 60 × 84 1/16, печать

Усл. печ. л. 14,1, тираж 300 экз., заказ №